

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

В.В.Евсеев, В.И.Сажин
ИРАН, УРАН И РАКЕТЫ
М., 2009. 272 стр.

В.В. Евсеев
В.И. Сажин

ИРАН, УРАН И РАКЕТЫ

Мнение авторов не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89394-203-3

ISBN 978-5-89394-203-3

Москва
2009

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРАХ.....	5
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	8
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Глава I.	
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН.....	13
1.1. Уникальность современного иранского государства.....	13
1.2. Военно-политическая доктрина современного Ирана.....	17
1.3. Некоторые вопросы военного строительства в Иране.....	25
1.4. Особенности современной политики руководства Ирана.....	31
Глава II.	
ИРАНСКИЕ ЯДЕРНЫЕ И РАКЕТНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ОСНОВА ЯДЕРНОЙ МОЩИ СТРАНЫ.....	39
2.1. Иранская ядерная программа.....	39
2.2. Иранская ракетная программа.....	52
2.3. Ракетно-ядерная мощь ИРИ в свете ирано-израильского противостояния.....	69
Глава III.	
ХРОНОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА, СВЯЗАННОГО С ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ.....	79
3.1. Возникновение кризиса.....	79
3.2. Несбывшиеся надежды.....	81
3.3. Эскалация кризиса.....	83
Глава IV.	
ДИНАМИКА НЫНЕШНЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА ТЕГЕРАНА С ОСНОВНЫМИ ИГРОКАМИ НА ИРАНСКОМ ПОЛЕ.....	94
4.1. Позиция США по отношению к кризису.....	94
4.2. Отношение к Ирану Европейского Союза.....	106
4.3. Российско-иранское «настороженное партнерство»	120

4.4. Иран в стратегических планах Китая.....	129
4.5. Ирано-израильское противостояние.....	134

Глава V.

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ИРАНСКОГО КРИЗИСА.....	144
5.1. Проблемы силового разрешения иранского ядерного кризиса.....	145
5.2. Возможности финансово-экономических санкций	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	177
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	242

ОБ АВТОРАХ

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич

Главный специалист аналитического отдела Президиума Российской Академии Наук (РАН), старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

Владимир Евсеев родился 27 ноября 1964 г. в п. Тикси Булунского района Республики САХА (Якутия). Русский, образование высшее. В 1986 г. окончил Военный инженерный институт им. А.Ф. Можайского по специальности «Геофизическое обеспечение».

С 1981 по 2001 гг. служил в Вооруженных Силах РФ. Из них с 1986 по 1991 гг. в г. Йошкар-Оле, а затем в 4-м ЦНИИ Минобороны РФ в Подмоскowie. Во время службы в 4-м ЦНИИ защитил кандидатскую диссертацию по баллистике и управлению летательными аппаратами (1998 г.). В настоящее время подполковник запаса.

С 2002 г. начал работать в Комитете по обороне Государственной Думы РФ в качестве помощника депутата. Основные направления деятельности: сбор и анализ информации по реализации российской военной реформы, состоянию и перспективам развития отечественного оборонно-промышленного комплекса, тенденциям развития стратегических ядерных сил и средств противоракетной обороны в нашей стране и за рубежом. В настоящее время является помощником депутата Безбородова Н.М.

В 2005 г. закончил Высшие курсы Азиатско-Тихоокеанского центра по исследованию вопросов безопасности Министерства обороны США.

С 2004 г. работает в научно-организационном управлении РАН в качестве главного специалиста аналитического отдела. Профессиональная деятельность связана с подготовкой отчетов и других аналитических материалов по деятельности РАН в целом.

Одновременно работает в Центре международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук (РАН) в качестве старшего научного сотрудника. В своих исследованиях особое внимание уделяет Каспийскому и Дальневосточному регионам, а также тенденциям развития российско-китайских, российско-иранских и российско-корейских отношений. Является экспертом в области международной безопасности, в том числе в области ядерного нераспространения.

С 2004 по 2006 г. проработал в Московском Центре Карнеги в качестве координатора программы «Нераспространение ОМУ». В период с 2002 по 2004 гг. был главным специалистом Российской демократической партии «ЯБЛОКО» и выполнял обязанности помощника заместителя председателя партии А.Г. Арбатова.

САЖИН Владимир Игоревич

Кандидат исторических наук, профессор, востоковед – специалист по политическим, военно-политическим, экономическим, религиозным и этническим проблемам современного Ирана, Афганистана, региональным вопросам Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии и Кавказа.

Владимир Сажин родился в 1947 г. в Москве. Выпускник Института восточных языков при МГУ (ныне – Институт стран Азии и Африки). Закончил заочную аспирантуру в Институте востоковедения Академии наук СССР. Защитил диссертацию на тему: «Ирано-иракская война. (1980–1988 гг.) (Исторические, идеологические и военно-доктринальные аспекты. Влияние войны на военное строительство и выработку военной доктрины Исламской Республики Иран)» и получил ученую степень кандидата исторических наук.

Работал в системе Академии наук СССР и России (Институт востоковедения), преподавал в учебных заведениях г. Москвы).

Ныне В.И.Сажин является старшим научным сотрудником Института востоковедения Российской Академии наук и политическим обозревателем Российской Государственной радиовещательной компании «Голос России» (бывшее Иновещание СССР). Эксперт Института Ближнего Востока.

Работал за рубежом в длительных служебных командировках в Иране (1988–1989 гг., 1991–1995 гг.) и Афганистане (1970–1971 гг., 1985–1986 гг.).

В.И.Сажин принимает активное участие в научно-исследовательских работах в Отделе Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, в Институте Ближнего и Среднего Востока.

В.И.Сажин поддерживает научные и деловые связи с учеными и научными организациями Ирана, Евросоюза, США, Китая. Неоднократно участвовал в международных конференциях по проблемам Ирана, Афганистана, всего Ближнего Востока, вопросам международной безопасности и нераспространения ядерного оружия: в Москве, Брюсселе, Вашингтоне, Пекине, Риме, где выступал с научными докладами.

Имеет многочисленные труды, опубликованные в научных и периодических изданиях, а также в Интернете.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЭС	– атомная электростанция
ВВС	– военно-воздушные силы
ВМС	– военно-морские силы
ВС	– вооруженные силы
ВСНБ	– Высший совет национальной безопасности
ВТО	– Всемирная торговая организация
ГЯП	– Группа ядерных поставщиков
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ИРИ	– Исламская Республика Иран
ЗРК	– зенитно-ракетный комплекс
КВО	– круговое вероятное отклонение
КСИР	– Корпус стражей исламской революции
ЛАГ	– Лига арабских государств
МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– Межконтинентальная баллистическая ракета
НИОКР	– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
ОАЭИ	– Организация по атомной энергии Ирана
ОПК	– Оборонно-промышленный комплекс
ОЯТ	– облученное (отработанное) ядерное топливо
ПВО	– противовоздушная оборона
РЛС	– радиолокационная станция
СБ ООН	– Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
СОП	– Силы охраны правопорядка
ССАГПЗ	– Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
ССБ	– Силы сопротивления «басидж»
ССН	– силы специального назначения
СЭЗ	– свободная экономическая зона
ТЯНИЦ	– Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр
ШОС	– Шанхайская Организация Сотрудничества
ЯТЦ	– ядерный топливный цикл

ВВЕДЕНИЕ

Ядерная проблема Исламской Республики Иран (ИРИ) оценивается как один из запутаннейших узлов в современной мировой политике. Это связано с уникальными особенностями клерикально-шиитского режима в ИРИ, его доктринальной, политико-идеологической сущностью, а также национальной психологией иранцев.

Все проблемы, порожденные ядерной программой Ирана, – это продукт политики нынешнего исламского режима. Несмотря на то, что основы ядерных технологий в Иране были заложены еще до исламской революции 1979 г., при шахе Мохаммаде Резе Пехлеви, пути претворения в жизнь ядерной программы и, самое главное, ее направленность определялись ранее и определяются сейчас теми политическими задачами и целями, которые ставит перед страной ее клерикальное военно-политическое руководство. По этой причине пути, методы и подходы к ее решению должны определяться, исходя из уникальности нынешнего иранского режима, с учетом многих факторов, воздействующих на внутреннюю и внешнюю политику Тегерана.

Анализ теоретических основ современного клерикального режима в Исламской Республике Иран, его доктринальной, политико-идеологической сущности, национальной психологии иранцев свидетельствует о том, что главной целью долгосрочной политики руководства страны является объединение исламского мира по иранскому образцу, создание под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». В этом плане основополагающей задачей для достижения такой стратегической цели считается превращение Ирана в сверхдержаву региона. Следованию этой установке и подчинено выполнение Ираном своей национальной ядерной программы.

Ради объективности следует подчеркнуть, что ни Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ни документы Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) не запрещают осуществление странами своих национальных ядерных программ, включающих разработки в области исполь-

зования атомной энергии в мирных целях и создание промышленных объектов на их основе, в том числе в рамках полного ядерного топливного цикла (ЯТЦ). Однако косвенные признаки свидетельствуют о настойчивых намерениях шиитского режима в ИРИ не останавливаться лишь на развитии мирной атомной энергетики или проведении научных исследований в ядерной физике. В этой связи ядерная политика Ирана, его конфронтация с мировым сообществом, упорное нежелание выполнять резолюции высшего международного органа – Совета Безопасности ООН в перспективе может представить угрозу глобальной и региональной безопасности.

И дело даже не в самом Иране. Понятно, что в чисто военном плане иранская военная мощь (действительно, могучая в масштабах региона, а по некоторым показателям и мира) по своим возможностям, прежде всего высокотехнологичным, несравнима с военной мощью США, России, основных западноевропейских стран, Китая или Японии. Не вызывает сомнений и тот факт, что в гипотетическом случае запуска с территории ИРИ ракеты с ядерной боеголовкой Иран как государство будет достаточно быстро уничтожен ядерными силами США (НАТО) или Израиля. И в Тегеране это отчетливо понимают.

Опасность ядерного Ирана в другом.

Во-первых, иранский пример создания национальной ядерной инфраструктуры, способной производить не только топливо для АЭС, но и оружейный уран или плутоний, может стать заразительным для более чем 10 так называемых «пороговых» стран, многие из которых являются или могут стать участниками региональных конфликтов, и ввиду этого не исключено принятие ими политического решения о создании собственного ядерного оружия. Как следствие, сработает принцип домино. И тогда такой важный документ, как ДНЯО, можно смело отбросить в сторону. А это грозит возможностью практически неконтролируемого использования ядерного оружия средними и малыми странами: по старой терминологии – «третьего мира». При таком развитии событий можно ожидать, что если не весь мир, то некоторые его регионы будут повергнуты в состояние хаоса, причем ядерного. Это, по-видимому, соответствует, с одной стороны, идеям президента ИРИ Ахмадинежада – человека Апокалипсиса, стремящегося ускорить приход Двенадцатого имама – Махди. А с другой стороны, – концепции «экспорта исламской революции по иранскому об-

разцу», то есть формированию в условиях хаоса социально-политической базы для практического осуществления подобных революций в различных странах.

Во-вторых, наличие ядерного оружия в Иране или даже реальной возможности его создания в достаточно сжатые сроки сделает руководство страны еще менее сговорчивым с международным сообществом и более экспансионистским по отношению к соседям по региону. Как следствие этого, иранская атомная бомба станет главным инструментом шантажа при проведении Тегераном политики по претворению в жизнь доктринальных установок и заветов аятоллы Хомейни.

Необходимо заметить, что международное сообщество не может быть удовлетворено той неконструктивной позицией, которую занимает сейчас Иран в ходе переговоров с различными договаривающимися сторонами и на различных уровнях по проблеме своих ядерных программ. Эта позиция заключается в затягивании всего переговорного процесса; в попытках внести раскол между Евросоюзом, США, Китаем и Россией; в шантажировании мирового сообщества угрозами выйти из Договора по нераспространению ядерного оружия и прекратить членство в МАГАТЭ. При этом Тегеран настаивает на своем праве на создание инфраструктуры полного цикла производства ядерного топлива, с прицелом, по-видимому, на возможность создания ядерного оружия на основе высокообогащенного урана.

Непродуктивная позиция ИРИ порождает целый комплекс вопросов: где та черта, за которой блеф азартного игрока не перейдет в соблазн завладеть ядерным джокером? Как мировое сообщество сможет предотвратить переход Ираном этой грани? Можно ли еще убедить правительство шиитских радикалов в Тегеране отказаться от своих намерений? Помогут ли угрозы или, может быть, скорее подействуют обещания? Все это, по сути, вопросы сохранения международной безопасности.

Пока дипломаты из России, Китая, ЕС, МАГАТЭ и ООН убеждают своих иранских собеседников согласиться с мнением большинства международного сообщества, военные специалисты и политологи рассматривают различные варианты действий, в том числе силового характера, для предотвращения угрозы появления в ИРИ ядерного оружия. Диапазон мер широк: от введения со стороны СБ ООН целого набора санкций до вооруженных акций.

Следует подчеркнуть, что степень накала политико-дипломатических баталий вокруг иранской ядерной проблемы вытекает из несговорчивости иранской стороны, что является следствием особенностей шиитского режима в Иране, его идеологической сущности.

Конечно, никоим образом нельзя освобождать от ответственности за создавшееся сложное положение и контрагентов ИРИ – основных игроков на иранском политическом поле. Это в первую очередь относится к США, которые своими не всегда до конца взвешенными действиями в отношении Тегерана (да и всего Ближнего и Среднего Востока) излишне взвинчивают нынешнее иранское руководство и побуждают его к еще большей жесткости, неуступчивости и противостоянию со всем миром, прежде всего в ядерной сфере.

Поэтому представляется естественным, что ядерная проблема Ирана рассматривалась, в том числе, и через призму, пусть даже краткого, анализа особенностей государственной структуры ИРИ и доктринально-теоретических основ ее политики, а также с учетом политики основных оппонентов Ирана – США, Европейского Союза, Израиля, Китая и России.

Глава I.
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Для более полного понимания значения и сути военно-политических процессов, происходящих в Иране и вокруг него, в том числе и касающихся иранской ядерной программы, целесообразно остановиться на особенностях государственной политической структуры Исламской Республики Иран и ее идеологических постулатах.

1.1. Уникальность
современного иранского государства

Как и в любой республиканской государственной системе, Конституция ИРИ провозглашает разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти (их соответственно представляют однопалатный парламент – Собрание исламского совета – «Маджлесе шоурайе эслами» или кратко: меджлис – 290 депутатов, президент, избираемый на четыре года, возглавляющий правительство, то есть избиратели на президентских выборах избирают, по сути, премьер-министра страны, и судебная коллегия, глава которой ответствен только перед Духовным лидером).

Избирательный закон ИРИ вполне демократичен: всеобщее избирательное право (в том числе и для женщин), прямое и тайное голосование на пропорциональной основе, отсутствие имущественного ценза. Избирать имеют право все граждане, достигшие 18-летнего возраста.

Однако Исламская Республика Иран – уникальное государственное образование, в основе которого лежит система «веляйте-факих», то есть правление шиитского Духовного лидера. Этот феномен опирается на принцип преемственности правления имамов – один из устоев шиизма. Теоретические

основы такого правления разработаны аятоллой Хомейни и зафиксированы в Конституции страны. «Веляйте-факих» – это тип общественно-политического устройства, воплощенный в канонизированной власти общепризнанного, справедливого богослова-правоведа, представляющего собой высшую инстанцию духовной, шиитской авторитетности – «марджайе таглид» и выбранного узким кругом исламских клерикалов-экспертов из среды высшего шиитского духовенства. Верховному руководителю ИРИ принадлежит вся полнота власти – духовной, государственной, политической и военной. В качестве духовного лидера нации это Факих, то есть глава шиитской общины; в качестве общегосударственного политического вождя и руководителя страны – Рахбар, он же – Верховный главнокомандующий вооруженными силами.

При Руководителе действуют несколько сугубо теократических институтов: Совет экспертов (или Совет старейшин – «Шоурайе хобреган»), Наблюдательный совет (НС) (или Совет хранителей Конституции – «Шоурайе негахбане кануне асаси»), Согласительный совет (или Ассамблея по определению государственной целесообразности – «Маджмайе ташхисе маслахате незам»), а также Совет по политике возрождения и Высший совет по культурной революции.

Совет экспертов – это важнейший конституционный орган, состоящий из 86 самых авторитетных и уважаемых религиозных деятелей ИРИ, избранных всеми иранцами, имеющими право голоса. Он обладает правами назначать и отстранять от исполнения обязанностей Духовного лидера (Руководителя) Ирана, а также президента республики – главу исполнительной власти. Срок полномочий членов Совета сейчас составляет 10 лет (ранее было восемь).

Главная задача Наблюдательного совета – толкование Конституции ИРИ и установление соответствия всех решений парламента законам шариата, учению пророка Мухаммеда и Конституции ИРИ. Именно на этот Совет возложены задачи по наблюдению и контролю за выборами Совета экспертов, президента, парламента, за проведением общенациональных референдумов, а также за подлинностью их итогов. Наблюдательный совет вправе отбирать соискателей в кандидаты, претендующих на победу в выборах, причем на всех уровнях.

В состав НС входят шесть высших авторитетных клерикалов, назначаемых Верховным руководителем, и шесть высших

мусульманских правоведов, которых по предложению Главы судебной власти утверждает парламент. Согласительный совет формируется по распоряжению Руководителя для определения правомочности сторон и выбора решения, если принятые парламентом постановления по заключению Наблюдательного совета противоречат законам ислама или Конституции, а меджлис продолжает настаивать на своем мнении. Кроме того, этот орган консультирует Руководителя по вопросам определения целесообразности принятия наиболее важных решений всеми государственными институтами и соответствия их законам шариата и Конституции страны.

Совет по политике возрождения стал, по существу, высшей экономической инстанцией, определяющей основные направления развития национальной экономики. Он имеет семь подкомитетов: промышленный, аграрный, финансовый, торговый, транспортный, социально-бытовой и жилищный.

Высший совет по культурной революции является одновременно законодательным и исполнительно-распорядительным органом в сфере идеологии, культуры и образования. Он обладает в этой области полномочиями и парламента, и правительства. Его нормативные акты вступают в силу с момента их принятия и не подлежат дальнейшему утверждению.

Все вышеназванные исламские органы контролируют и направляют работу республиканских институтов, следя за соответствием их деятельности шиитским законам и нормам.

В политическую систему ИРИ входят различные партии, общественные организации, политические движения. Согласно Конституции Ирана (ст. 26), официально признанные партии, общества, ассоциации, политические и профсоюзные организации, исламские общества или общества религиозных меньшинств пользуются свободой при условии, если они не нарушают основ исламской республики, ее независимости, свободы, национального единства, принципов ислама.

В настоящее время в Иране официально зарегистрировано более 100 политических объединений (по другим данным, около 200). Подавляющее большинство из них или существуют только на бумаге, или представляют собой малочисленные замкнутые секты, они чрезвычайно аморфны и не имеют четкой организационной структуры, фиксированного членства. В целом наиболее влиятельные из иранских политических организаций держатся и действуют благодаря авторитету своих

лидеров. Они выражают интересы прежде всего различных фракций клерикально-политической элиты, которая никоим образом не выступает против основополагающих основ и духовных ценностей страны. Более того, они едины в главном – в стратегии, которая нацелена на укрепление Исламской Республики Иран и на завоевание ею своего места в первых рядах региональных и даже мировых держав. Различает их тактика в достижении этой цели. Это несходство проецируется на взгляды, идеологию и политику тех или иных авторитетных иранских общественных деятелей, вокруг которых и концентрируется активная часть населения Ирана.

Общепринятая политическая терминология не способна точно и с достаточной объективностью отразить и объяснить политико-идеологические особенности этих фракций. Однако для лучшего понимания и анализа внутренних процессов, происходящих в современном иранском обществе, их можно с допустимой долей условности определить как радикальных исламистских фундаменталистов-консерваторов (их олицетворяет нынешний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад), умеренных исламистских консерваторов-прагматиков (бывший президент ИРИ Али Акбар Хашеми Рафсанджани), умеренных исламистских либералов-реформаторов (бывший президент ИРИ Мохаммад Хатами). Причем в каждой из этих фракций сосуществует минимум по три идеологических направления, которые различаются степенью «ортодоксальности» их адептов.

Необходимо констатировать, что политическая практика 30-летнего существования Исламской Республики Иран продемонстрировала наличие в стране масштабной демократии, однако в узких и жестких рамках исламской идеологии и исламской государственности. Безусловно, в этом смысле Иран мог бы стать положительным примером для многих мусульманских стран, поскольку свободных выборов иранского уровня нет ни в одной из стран Ближнего и Среднего Востока, за исключением Израиля.

Действительно, в Иране не допускается критика ислама и всего, что связано с этим учением, пропаганда идей, идущих в противоречие с учением Мохаммада. Не разрешена критика лидера исламской революции в Иране, основателя ИРИ – аятоллы Хомейни, его идей, учения и политических взглядов, а также особенно не обсуждают нынешнего Духовного лидера и его политику, запрещены отрицательные суж-

дения об исламско-государственных устоях ИРИ и призывы к их свержению.

У многих аналитиков и исследователей современного Ирана непроизвольно возникают ассоциации с политико-государственной системой, существовавшей в таком не менее идеологизированном государстве, как СССР. Действительно, по конституции в Советском Союзе была полная демократия. Однако существовал практически тотальный контроль со стороны ЦК КПСС. В иранском варианте аналогичные функции, по сути, осуществляют названные исламские советы. Но на этом дело не заканчивается, так как в Иране действуют мощнейшая система политического сыска и давления и сложнейший механизм идеологической обработки населения, которые работают рука об руку.

Можно признать, что в современном Иране вся исламско-иранская демократия существует в вязкой и душной атмосфере тотальной исламской идеологии.

Сравнительный анализ особенностей властных структур ИРИ и общеполитологических их критериев дает основание констатировать, что сегодня **Исламская Республика Иран имеет теократическую власть, представляет собой исламско-республиканское капиталистическое идеологизированное государство с авторитарным политическим режимом, в котором прослеживаются элементы тоталитаризма.**

Механизм принятия решений в ИРИ замыкается на узкий круг лиц, который возглавляет Духовный лидер страны. Поэтому, скажем, политическое решение о создании здесь атомной бомбы может быть принято всего несколькими политиками в любое время, когда финансовые, технические и технологические возможности страны позволят удовлетворить запрос иранской клерикальной элиты.

1.2. Военно-политическая доктрина современного Ирана

Военно-политическая доктрина страны – «Доктрина национальной безопасности ИРИ» – была сформулирована на базе учения Хомейни и затем принята иранским парламентом (меджлисом) сразу после захвата власти шиитскими клерикалами в 1979 г.

В этой доктрине так определена главная цель политики нового руководства страны: объединение исламского мира по иранскому образцу, создание под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». Такое положение официально закреплено в ст. 11 Конституции ИРИ: «Согласно священному аяту*, все мусульмане представляют собой единую умму. Правительство Исламской Республики Иран обязано сделать так, чтобы его общая политическая линия базировалась на союзе исламских народов; оно должно прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира».

Исходя из такой стратегической установки, можно выделить три уровня долгосрочных целей политики Ирана, на реализацию которых направляются основные усилия руководства страны.

Первый уровень целей связан с превращением Ирана в общемусульманский центр силы. Его достижение следует рассматривать как весьма отдаленную перспективу, поскольку постановка такой задачи на повестку дня без утверждения Ирана в качестве общерегионального центра силы в зоне Ближнего и Среднего Востока не имеет реального смысла.

Второй уровень как раз и предполагает превращение исламского Ирана в региональный центр силы. Для этого иранское руководство стремится к достижению в регионе политико-идеологического, военно-политического, экономического и собственно военного лидерства.

Третий уровень целей расположен на «национальной территории», то есть приоритеты военной политики сосредоточены на решении внутрииранских задач, в частности на обеспечении идеологической, экономической и военно-политической стабильности государства, создании развитой промышленности, в том числе и военной, строительстве мощных вооруженных сил.

Идеологической основой военно-политической доктрины Ирана является господствующая в стране идеология хомейнизма или «панисламского неошиизма» Хомейни. Ядром этой идеологии являются несколько теоретических концепций, основными из которых служат: теории исламского интернациона-

---

* «Поистине, этот ваш народ – народ единый, и Я – Господь ваш, поклоняйтесь мне!» (Сура Пророки, 92).

лизма и мусульманского единства; теория об «особой миссии мусульман»; тезис о «мессианской» роли ислама в Исламской Республике Иран; теория «перманентного» характера исламской революции; концепция антагонизма между «угнетенными (обездоленными)» и «угнетателями (высокомерными)»; теория о «двухполюсном мире» и разделении мира по оси «Юг-Север».

Так, теория разделения мира в хомейнизме разработана на базе исламского догмата о разделении мира на «область веры (или ислама)» и «область войны» и приспособлена к глобальным изменениям на земле и потребностям стратегических целей политики ИРИ на основе учения Хомейни.

«Область веры (или ислама)» включает все страны, которые находятся под властью мусульманских правительств и управляются на основе мусульманского права. К «области войны» относятся как страны, населенные «неверными», так и страны с мусульманским населением, но находящимся под властью «неверных» правителей.

В результате священной войны – джихада (которая, кстати говоря, может вестись и не только вооруженным путем) мусульмане превратят весь мир в «область ислама». В нем люди будут жить по священным законам, подчиняясь исламской «бесклассовой» и «внеэтнической» власти, учитывающей интересы всех и каждого. Как следствие, «воцарятся покой, порядок, мир и счастье». Другими словами, учение Хомейни как бы определяет отношение к другим, неисламским цивилизациям, ставя проблему «мы – они».

Несмотря на определенную завуалированность названных идеологических концепций революционными и демократическими лозунгами, суть их сводится к одному: стремлению к победе мировой исламской революции, которая должна пройти несколько этапов. Первый этап – это гармония и сотрудничество всех мусульманских государств. На втором этапе предусмотрено объединение всех мусульманских государств в одну умму (общину), поначалу с сохранением их государственного суверенитета. На третьем этапе ожидается постепенная исламизация остального мира. И, наконец, на четвертом должно произойти создание мирового исламского сообщества. Ирану же в этом исламско-революционном процессе уготована роль знаменосца и застрельщика, «экспортера» исламской революции.

В этой связи становится совершенно естественным тот факт, что основой политического содержания военной доктри-

ны Ирана является тезис об экспорте исламской революции по иранскому образцу в другие страны. Этот тезис воплощается в политике ИРИ тремя методами: «мирным» (пропагандистским), «полувоенным» и «военным».

«Мирный» метод включает в себя активную пропаганду идей исламской революции с использованием самых разнообразных каналов: радиопропаганда на зарубежные страны, прежде всего мусульманские; издание и распространение за рубежом многочисленной печатной продукции, в том числе Корана, других религиозных книг и брошюр, а также пропагандистских материалов; открытие по всему миру культурных центров Ирана; организация и строительство мечетей, религиозных школ – медресе, исламских культурных центров, библиотек и т.д. в других странах; создание и поддержка мусульманских общин за рубежом; использование всего круга зарубежных шиитских общин (прежде всего в арабских странах) в интересах политики ИРИ; агитационно-пропагандистская активность официальных иранских представителей за границей в рамках обычной дипломатической деятельности; подготовка, отправка за рубеж и руководство шиитскими религиозными миссионерами; использование паломничества иранских мусульман к святым местам, прежде всего в Мекку, и паломничества зарубежных шиитов к святым местам в Иране; создание и управление специальными международными исламскими фондами; вовлечение в пропагандистскую работу иранской молодежи, студентов, обучающихся за границей; идеологическая обработка иностранных студентов, обучающихся в Иране, с целью последующего их превращения в adeptов идей исламской революции в своих странах; целенаправленная идеолого-пропагандистская работа с беженцами из Ирака и Афганистана; активизация иранской диаспоры во многих странах мира; целенаправленная реализация целого комплекса мероприятий по исламизации общественного сознания населения государств с учетом их национальных и религиозных особенностей и степени готовности воспринять идеи исламской революции.

«Полувоенный» метод правомерно определить как подрывной, диверсионно-террористический, так как в течение всех лет существования ИРИ иранские ведомства (прежде всего спецслужбы), отвечающие перед Руководителем за экспорт исламской революции, проводили и проводят активные мероприятия по подготовке, обучению и засылке в мусульманские

(и не только) страны агентов и диверсионно-террористических групп с целью дестабилизации там внутривнутриполитической обстановки и создания условий для начала исламских революций. Кроме того, большое внимание уделяется формированию «баз ирано-шиитского влияния» как в мусульманских странах, прежде всего Персидского залива, так и в других государствах для использования их в чрезвычайных ситуациях.

Характерным примером использования Тегераном «полувоенного» метода может служить деятельность таких экстремистских организаций, как «Хезболла» и ХАМАС, являющихся, по сути, «бесконтактным» оружием Ирана на Ближнем Востоке.

«Военный» метод экспорта исламской революции по иранскому образцу с момента разработки аятоллой Хомейни доктринальных концепций был основным и активно практиковался в течение восьми лет в войне против Ирака. Однако объективный анализ итогов и уроков ирано-иракской войны, а также операций многонациональных сил против Ирака и афганских талибов привел Тегеран к пониманию того факта, что уровень военного, экономического и научно-технического потенциалов Ирана не соответствует столь амбициозному методу экспорта исламской революции, каким является «военный». Поэтому сегодня он отошел на второй план, уступив приоритет «мирному», идеолого-пропагандистскому, культурологическому и дипломатическому, а также, конечно, и «полувоенному».

При этом смена приоритетов в методах осуществления генеральной политической линии не изменила ее суть. «Военный» метод с повестки дня не снят, а лишь переведен из практической сферы в теоретическую, где он занимает главенствующее положение во всей системе ценностей, входящих в понятие военно-политическая доктрина Исламской Республики Иран.

Следует особо отметить, что в хомейнизме теория войны, в частности концепция «двух войн», разработана довольно тщательно. А в преамбуле к Конституции ИРИ говорится: «...Армия Исламской Республики Иран и Корпус стражей исламской революции ...выполняют задачи не только по охране границ, но и выполняют исламскую миссию, а именно – ведение «священной войны» – джихада во имя Бога и борьбы за расширение господства закона божьего во всем мире...».

Это конституционное положение отражает теорию аятоллы Хомейни о существовании в исламе двух войн: джихада и оборонительной.

Конечно, было бы некорректно утверждать, что военная доктрина Ирана конца XX – начала XXI вв. целиком основывается на положениях джихада, сложившихся в седьмом веке. В настоящее время иные положения джихада истолковываются совсем по-разному, а другие противоречат современности. Так, одна сура Корана требует: «Воюйте с неверными!...», другая – «Воюйте с теми, кто угрожает вам!...» Как следствие, разные школы мусульманского законоведения спорят о том, следует ли понимать под «войной за веру» всякую войну с «неверными», или только оборонительную войну, когда сами «неверные» нападают на мусульман. Другой спорный вопрос: возможна ли война между исламскими государствами? История неоднократно доказывала реальность подобных войн. Чтобы научно оправдать их происхождение, Хомейни выдвинул теорию так называемого «эсламе мактаби» (ислам правильной школы). Согласно этой теории, только в Иране исповедуется истинный ислам, а в других странах он «испорчен» союзом с «неверными», прежде всего США, Израилем и другими империалистическими государствами, которые господствуют и хозяйничают в странах с «неправильными мусульманскими режимами». В силу этого борьба с этими мусульманскими режимами угодна Аллаху.

Так, аятолла Хомейни, выступая 26 июня 1983 г. перед депутатами меджлиса и командирами КСИР, заявил: «...Наверное, некоторые из присутствующих здесь также считают, что убивать невинных правоверных является самым большим грехом после неверия в Аллаха. Однако каноны джихада говорят нам о том, что, если «неверные» мобилизовали невинных мусульман воевать против мусульман, то нужно убивать всех, чтобы спасти ислам...».

По Хомейни, джихад является завоевательной войной. После создания истинно исламского государства под руководством религиозного Лидера последний даст указание всем лицам мужского пола, достигшим совершеннолетия, не страдающим физическими изъянами, быть готовыми для наступательной войны с целью распространения ислама в другие государства мира. С целью оправдания захватнических войн Хомейни провозглашал, что ислам покоряет другие страны в «ин-

тересах распространения справедливости и разума Аллаха». Так, аятолла Хомейни заявлял: «Войны, которые вел пророк Мухаммед, осуществлялись по милости и воле Аллаха с целью исправления и излечения наций. Тех, кто поддается исправлению, нужно исправлять, а тех, кто препятствует этому, нужно убирать с дороги. Такова милость Аллаха. Внешне это кажется убийством, однако в действительности это не убийство, а ликвидация препятствий на пути человечества...».

Таким образом, учение Хомейни о войне, рассматривая джихад как захватническую войну, направленную на покорение народов с целью распространения ислама, старается представить ее как «гуманную войну», которая «исцеляет общество от разложения».

Другой разновидностью войн, которые, согласно теории Хомейни, присущи исламу, являются «оборонительные войны». Такие войны ведутся в целях сохранения независимости страны и защиты от иностранных агрессоров. Оборонительными считаются и те войны, которые ведут мусульмане для освобождения угнетенных мусульман других стран. В отличие от джихада ведение оборонительной войны не обусловлено наличием фетвы – специального указа шиитского Лидера. Кроме того, в ней должно принимать участие все население страны, в том числе женщины, старики и дети.

Социально-политическая сторона военно-политической доктрины ИРИ раскладывается на ряд компонентов, основными из которых являются: определение главных противников исламского Ирана, формулирование целей и задач войны, реализация политики военного строительства ИРИ.

Иранское духовенство выявило своих основных стратегических противников, используя исламский догмат о разделении мира на «область веры» и «область войны» и ориентируясь на теоретические концепции хомейнистской идеологии неошиизма. В число таких противников входили США, СССР, Израиль и «неправильные мусульманские режимы». Однако новая международная ситуация потребовала от руководства Ирана соответствующей реакции при определении круга потенциальных противников.

После распада СССР и краха коммунистической идеологии иранское клерикальное руководство посчитало, что военно-политической угрозы со стороны России уже не существует. И хотя статус РФ как ядерной державы сохраняется, что,

несомненно, следует учитывать, общее положение дел позволяет вывести Россию из числа потенциальных противников ИРИ.

Что касается «неправильных мусульманских режимов», то здесь позиция современного Ирана двусмысленна. С одной стороны, эти режимы – в основном в странах арабского мира – являются первоочередными объектами экспорта исламской революции по иранскому образцу и уже в силу этого видятся в образе противника, а с другой, Иран имеет объективную заинтересованность в нормализации отношений с арабскими странами региона. Вместе с тем военная доктрина ИРИ не исключает возможности коалиционной агрессии против Ирана, инспирированной США и Израилем при молчаливой поддержке (или участии) «неправильных мусульманских режимов».

К дружественным, союзным государствам военная доктрина Ирана относит прежде всего Судан, ставший благодаря поддержке Тегерана форпостом исламской революции в Африке, а также Сирию. Однако с последней у Ирана отношения хотя и дружеские, но достаточно сложные и противоречивые.

Кроме этого, верными союзниками Тегерана выступают такие мощные организации, как «Хезболла» и ХАМАС.

Определяя политические цели и задачи войны, иранская военная доктрина во главу угла ставит принцип тесной взаимосвязи религии, идеологии, политики и войны. Как заявляют политико-религиозные деятели ИРИ, «наша политика – то же самое, что наша религия, а наша религия – то же, что наша идеология». Поэтому стратегические цели политики и конечные цели войны фактически идентичны. По утверждению Хомейни, «целью великой священной войны является свержение всех навязанных извне тиранических и псевдомусульманских режимов сначала в рамках мусульманского мира, а затем и в глобальном масштабе, освобождение мусульманского отечества для создания мирового исламского государства». Однако последние годы наглядно продемонстрировали религиозному руководству ИРИ недостижимость главных целей своей политики и священной войны в кратчайшие исторические сроки. Исходя из этого объективного факта, сейчас акцент в военной доктрине делается на достижение реальных целей в вероятной войне – разгроме вторгшегося на территорию Ирана вооруженного агрессора и защите суверенитета ИРИ.

1.3. Некоторые вопросы военного строительства в Иране

Военно-политическая доктрина ИРИ включает и социально-политическую составляющую, которая определяет пути реализации политики военного строительства ИРИ. Общая направленность такой политики заключается в выработке и осуществлении генеральной линии, устремленной на создание особого инструмента для решения глобальных политических и военных задач средствами вооруженного насилия. Таким инструментом, по мнению Хомейни, должны стать хорошо подготовленные, оснащенные самыми современными средствами ведения войны вооруженные силы ИРИ.

Вооруженные силы Исламской Республики Иран являются крупнейшими по численности на Ближнем и Среднем Востоке. Они обладают опытом ведения боевых действий, полученным в ходе ирано-иракской войны (1980–1988 гг.). В основе их строительства лежат военно-политические цели клерикального руководства Ирана, а также экономические возможности, национальная и религиозная специфика страны.

Особенностью организационной структуры вооруженных сил Ирана является наличие в их составе двух независимых компонентов: регулярных вооруженных формирований – Армии и Корпуса стражей исламской революции (своеобразный иранский вариант войск СС в нацистской Германии). В каждом из этих компонентов имеются собственные сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы (ВВС и ВМС) с соответствующей системой органов управления как в мирное, так и в военное время.

В состав КСИР входит также структура, выполняющая стратегические разведывательно-диверсионные функции, – силы специального назначения (ССН) «Кодс».

В вооруженные силы ИРИ правомерно включить и Силы охраны правопорядка (СОП), в мирное время подчиняющиеся министру внутренних дел, в военное – Генеральному штабу ВС.

Кроме этого, хомейнизм предусматривает создание «Исламской армии 20 миллионов», своеобразного народного ополчения под эгидой ксировской структуры – Сил сопротивления «басидж» (ССБ) или сокращенно «басиджа» (басидж – мобилизация – фарси).

В соответствии со ст. 110 Конституции Исламской Республики Иран Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны является Духовный лидер нации, который обладает практически неограниченными полномочиями во всех военных и военно-политических вопросах.

Духовный лидер правомочен объявлять войну, мир и всеобщую мобилизацию. Он осуществляет назначение, смещение и принятие отставки начальника генерального штаба ВС, главнокомандующих КСИР, Армии, командующих видами войск ВС, командующего СОП.

Духовному лидеру подчиняется Высший совет национальной безопасности (ВСНБ) – важнейший консультативный орган по вопросам безопасности государства, обороны, стратегического планирования и координации деятельности правительства в различных областях. В задачи ВСНБ входит выработка оборонной политики и мер по обеспечению безопасности государства в рамках генеральной линии, определяемой духовным лидером ИРИ. Кроме того, этот орган координирует военную, политическую, экономическую, социальную, информационную и культурную деятельность в стране в интересах обеспечения безопасности государства.

Совет обороны является консультативным органом по военным вопросам. Он имеет право предлагать Верховному главнокомандующему принимать решения об объявлении войны и заключении мира, всеобщей мобилизации, о кандидатурах на высшие военные должности; определять формы и способы взаимодействия между вооруженными силами и гражданскими властями, между Армией, КСИР и СОП; координировать сотрудничество по вопросам проведения военных НИОКР, военного производства, закупок вооружений и военной техники.

Верховный главнокомандующий вооруженными силами Ирана руководит ими через генеральный штаб ВС ИРИ, который осуществляет административное и оперативное управление ВС в мирное и военное время через объединенные штабы Армии и КСИР, штабы видов ВС, штаб СОП и соответствующие территориальные органы, которые в каждой из структур имеют свои наименование, предназначение, состав, функции и задачи.

Генштаб является высшим, центральным органом управления всех компонентов и видов ВС страны, его основные задачи: разработка стратегических вопросов обороны, планиро-

вание стратегических операций начального этапа возможной войны, а также оперативной и боевой подготовки в масштабах всех ВС (в том числе учений и маневров), контроль за уровнем их боеготовности, организация и совершенствование системы управления войсками, взаимодействия между Армией, КСИР, СОП и видами ВС, подготовка оперативных приказов (распоряжений) вооруженным силам, контроль за их выполнением и другие.

Министерство обороны и поддержки вооруженных сил не имеет непосредственного отношения к боевой деятельности войск. Оно отвечает за следующие вопросы: военное строительство, разработку военного бюджета, контроль за текущим финансированием, военные НИОКР, функционирование Организации оборонной промышленности, плановые закупки вооружений и военной техники (в том числе за рубежом) для всех видов ВС страны, защита интересов военнослужащих, их правовое, медицинское, страховое и пенсионное обеспечение, издание топографических карт и т. д.

Численность совокупных регулярных вооруженных сил Ирана составляет, по различным данным, от 540 до 900 тыс. человек, из которых от 450 до 670 тыс. насчитывается в сухопутных войсках (армии и КСИР), почти от 70 до 100 тыс. – в ВВС, от 35 до 45 тыс. – в ВМС, а также около 135 тыс. – в ССБ и более 15 тыс. – в ССН «Кодс». Разброс публикуемых данных объясняется практически абсолютной закрытостью в Исламской Республике Иран темы, касающейся вооруженных сил. Разные неиранские источники приводят неоднозначные сведения о численном и боевом составе иранских ВС, а также о количестве вооружений и боевой техники.

В целом (по разным оценкам) ВС ИРИ имеют от 150 до 300 пусковых установок тактических, оперативно-тактических и противокорабельных ракет; от 1,5 до 3 тыс. танков; от 1,8 до 3,2 тыс. орудий полевой артиллерии; от 250 до 900 реактивных систем залпового огня; от 260 до 306 самолетов боевой авиации; от 300 до 375 ударных вертолетов; около 200 пусковых установок зенитных управляемых ракет; 1,5 тыс. орудий зенитной артиллерии; 26 надводных боевых кораблей, 3 подводные лодки, 170 боевых катеров (ракетных, торпедных и артиллерийских), более 200 противокорабельных ракет на кораблях и катерах.

Что касается личного состава, то военное руководство ИРИ в последние годы предпринимает шаги для повышения

боевой выучки солдат и офицеров. Значительно возросло количество учений как в звене батальон–бригада, так и в рамках родов и видов вооруженных сил. Военные наблюдатели отмечают, что акцент в боевой подготовке иранское командование сделало на отработке вопросов взаимодействия различных подразделений, частей, родов войск и видов ВС, а также Сил сопротивления «басидж» и Сил охраны правопорядка. Причем одно из ведущих мест в боевой подготовке занимает отработка действий личного состава в условиях партизанской войны, при оккупации территории страны противником, обладающим высокотехнологичным оружием.

По-прежнему важнейшей составляющей боевой подготовки войск является морально-психологическая и идеологическая (религиозная) подготовка, которая в определенной степени, по мнению иранского командования, должна компенсировать недостатки военной выучки. Особо возросла роль политической и религиозной работы в ВС в последние месяцы в связи с резкой радикализацией внутренней и внешней политики и возникновением реальной угрозы военного столкновения.

Еще один немаловажный момент состоит в том, что КСИР в начале своей почти 30-летней истории представлял собой иррегулярные вооруженные формирования милиционного плана с независимой от армии системой управления. Однако уже в первые месяцы ирано-иракской войны вскрылись большие потенциальные политические, военные и карательно-репрессивные возможности КСИР и наметились пути превращения корпуса в основную силу в системе регулярных вооруженных формирований ИРИ. Сегодня КСИР превратился в мощную силовую структуру иранского государства, по некоторым аспектам превосходящую Армию. На протяжении послевоенных лет шел процесс постепенного слияния двух компонентов ВС ИРИ. Были созданы единое для Армии и КСИР министерство обороны и поддержки вооруженных сил, единый генеральный штаб. Но все же пока эти компоненты сохраняют свою самостоятельность.

После прихода на президентский пост выходца и воспитанника КСИР Махмуда Ахмадинежада стала появляться информация о том, что в высшем руководстве страны приняли или планируют принять решение о слиянии двух компонентов ВС ИРИ в единую структуру, причем при верховенстве КСИР. То есть появилась тенденция поглощения армии со стороны КСИР. Об этом мечтали самые радикальные военные и поли-

тико-религиозные деятели Исламской Республики Иран на протяжении многих лет.

Таким образом, новые объединенные вооруженные силы Ирана, несомненно, станут более идеологизированными, то есть более радикальными в политическом и религиозном отношении. Это, конечно, с одной стороны, приведет к определенному усилению ВС (в перспективе, а не на нынешнем этапе реформ!), а с другой, – лишит иранский истеблишмент, а точнее, различные его фракции и группировки возможности играть в интересную и в целом полезную для взвешенной политики игру: борьбу сдержек и противовесов с использованием двух компонентов вооруженных сил.

С вооружением и боевой техникой дело обстоит сложнее. Подавляющее большинство иранского вооружения было произведено в 60–70-х годах прошлого века. Есть даже «музейные экспонаты» 40–50-х годов, в частности некоторые корабли и артиллерийские системы. Боевая авиация представлена устаревшими американскими самолетами F-4, F-5, французскими «миражами» F-1, китайскими F-7, а также советскими самолетами Су-24 и Су-25. Относительно новыми образцами можно считать российские МиГ-29 и в какой-то степени американские F-14. Однако Military Balance полагает, что только 60% самолетов американского производства и 80% российского и китайского производства находятся в состоянии, готовом к эксплуатации.

Серьезной проблемой для иранского командования является то, что на вооружении войск стоят взаимозаменяемые типы оружия. Оружие и военная техника ВС ИРИ представляют собой образцы, произведенные в различных странах: США, Великобритании, Китае, России, Северной Корее и Бразилии. Все это создало полный разнород в используемых запчастях, боеприпасах и горюче-смазочных материалах, затрудняет обучение личного состава (так, на 9 типов имеющихся танков приходится 8 различных калибров танковых пушек). С начала 90-х годов Иран предпринимает усилия по закупке крупных партий техники за границей, в первую очередь в России, и по налаживанию собственного производства: легкого вооружения, танков, боевых машин пехоты, самоходных артиллерийских установок, реактивных систем залпового огня, противотанковых управляемых ракет и вертолетов.

В связи с этим сейчас активно осуществляется программа развития ВС ИРИ по следующим направлениям: унификация

вооружения и боевой техники (так, предусматривается иметь только два калибра артсистем – 120 и 125 мм); формирование самой современной общенациональной системы ПВО; совершенствование объединенной (армия – КСИР) системы управления с перспективой на построение единых вооруженных сил; опора на национальный военно-промышленный комплекс (ВПК) с полностью замкнутым циклом производства танков, артиллерии, боевой авиации, ракет всех типов и т.д.

Вооружение и боевая техника, производимые иранским военно-промышленным комплексом, хотя «физически» и новые, но по своим конструкторским особенностям являются или лицензионными, или калькой с иностранных устаревших образцов. Поэтому, как правило, военная техника, сделанная ОПК ИРИ, сходит с конвейера уже морально устаревшей. Наиболее современным представляется ракетное оружие, производимое в самом Иране на основе северокорейских технологий и в последнее время – на основе собственных разработок.

Как считает Фархад Хосрохавар – специалист по современному Ирану, научный руководитель Центра анализа и социологических исследований при Высшей школе социальных исследований (Франция), в военно-технической политике руководством ИРИ приоритет отдан двум направлениям: ядерным исследованиям, которые ныне имеют более важное значение по сравнению с разработкой и производством обычных вооружений, и ракетным программам.

Иранские ракеты сегодня – главная ударная сила вооруженных сил ИРИ, которая способна ответить на возможные военные акции США и Израиля.

По мнению специалиста по вооруженным силам стран Ближнего и Среднего Востока Дана Ашкелонского, «Иран рассматривает ракетное оружие как важнейший компонент своей программы создания неконвенционального оружия, который реально позволит ему создать угрозу своим существующим и потенциальным противникам, и тратит весомую часть своего военного бюджета на его развитие».

Так, уже в середине 90-х годов, когда страна только оправилась от потрясений, вызванных восьмилетней войной с Ираком, ИРИ по числу оперативно-тактических ракет значительно превосходила многие государства Ближнего и Среднего Востока.

Последние ракетные испытания в ИРИ показали, что создание новых модификаций ракет идет по нарастающей, а от-

существование должного международного контроля не позволяет отслеживать их действительный мирный характер.

У военных специалистов нет сомнений, что развитие ракетной техники в ИРИ преследует только одну цель – использование баллистических ракет большого радиуса действия как носителей оружия массового поражения. В любом ином варианте (фугасном, осколочном и т.д.) с военной точки зрения применение этих ракет абсолютно не эффективно и в целом абсурдно. Подробнее о ракетной программе Ирана будет изложено ниже в разделе 2.2. «Иранская ракетная программа».

Развитие и осуществление в ИРИ двух программ – ядерной и ракетной – является двумя сторонами одного процесса: превращения Ирана в ракетно-ядерную державу.

Таким образом, хомейнизм «милитаризирован» и агрессивен по сути, несмотря на все псевдодемократические и популистские лозунги. Это учение включает в себе уже известные и отвергнутые человечеством пути движения к всеобщему (для избранных) счастью и процветанию через насилие и путем насилия. Это уже было, в частности, в гитлеризме и сталинизме. Но, если в гитлеризме граница кровавого противоборства проходила через абсолютизированный национально-расовый признак, в сталинизме – через гипертрофированный классовый, то в хомейнизме – через религиозный.

Более того, во всех этих теориях главным и наиболее опасным является их мессианство, которое порождает только одно – экспансионизм, а одним из главных его инструментов являются вооруженные силы Ирана.

1.4. Особенности современной политики руководства Ирана

Экспансионистская политика Ирана (особенно региональная) объясняется не только обусловленными доктриной Хомейни политико-идеологическими установками, но и рядом других факторов.

1. *Геополитический фактор.* Исламская Республика Иран действительно играет одну из доминирующих ролей в важнейшем регионе планеты – Западной Азии, куда входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная

Азия. Излишне напоминать, что Иран как источник углеводородных природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефтегазопродуктов обладает абсолютной ценностью. Более того, 70-миллионный Иран, имеющий одну из самых многочисленных армий в мире (порядка 900 тыс. человек), объективно, вне любой как внешне-, так и внутривосточной конъюнктуры, является решающим фактором западноазиатской региональной, да и мировой политики.

2. *Военно-политический фактор.* Сегодня Исламская Республика Иран окружена если не врагами, то, во всяком случае, недругами или даже потенциальными противниками. Главный противник – США («большой сатана») – сконцентрировал свою военную мощь практически с трех сторон: с запада – в Ираке, с востока – в Афганистане, с юга – в Персидском и Оманском заливах, на базах и кораблях Центрального командования ВС США. Натовская Турция, а также Азербайджан и Грузия ориентируются прежде всего на Вашингтон. На другом берегу Персидского залива – «неправильные мусульманские режимы»: суннитские Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, которые с большой настороженностью относятся к своему мощному шиитскому соседу и, конечно, не рассматривают Иран в качестве союзника. И, наконец, на Ближнем Востоке существенна роль Израиля – этого, по иранской терминологии, «малого сатаны», которому Иран вообще отказывает в праве на существование.

3. *Национально-психологический,* – возможно, самый главный фактор. Нынешняя Исламская Республика Иран – наследница древнейшей мировой цивилизации, великой Персидской империи, покорившей добрую половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов в течение многих столетий формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с многочисленными неприятелями, счет которым к настоящему времени значительно возрос. Как следствие, персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором. Именно здесь, кажется, и скрыта главная причина амбициозности, в том числе и «ядерного упрямства» Тегерана.

Безусловно, жесткая теория хомейнизма не всегда соответствовала насущным потребностям национальных интересов Исламской Республики Иран в постоянно изменяющемся мире. Именно по этой причине руководители ИРИ после смерти аятоллы Хомейни в 1989 г., оставаясь на платформе хомейнизма, в своей политике стремились учитывать новые тенденции в общемировых процессах и приспособить хомейнизм к новым условиям. Это порождало некоторые порой вполне позитивные и прагматические нюансы в иранской политике, как внешней, так и внутренней.

Более того, постепенно шел процесс трансформации идеологического содержания иранской политики. Есть основания утверждать, что утопическая идея всемирной исламской революции, оставаясь идеальной «великой целью» в хомейнизме, в реальной политике преобразовалась в более приземленную идею доминирования персо-шиитов прежде всего на региональном уровне, то есть на Ближнем и Среднем Востоке. Причем религиозная составляющая этой идеи прагматично переплелась с националистической, которая все сильнее и отчетливее проявляется в реальной политике. Постепенно националистически окрашенный прагматизм в государственной политике Тегерана стал превалировать над идеологическими соображениями.

Вспомним, как в свое время советский вождь И.В.Сталин, используя коммунистическую идеологию и пропагандистскую риторику Октябрьской революции, возвеличивая покойного лидера этой революции и основателя СССР В.И.Ленина, проводил жесточайшую внутреннюю и внешнюю имперско-полицейскую политику, о которой не могли и думать все российские императоры и императрицы. При этом Сталин оказывал поддержку коммунистическим и любым просоветским движениям по всему миру, спонсировал экстремистские группировки, готовые действовать в первую голову в советских государственно-имперских (а не чисто идеологических) интересах, зачастую объективно в ущерб международному коммунистическому движению.

Безусловно, подобные исторические параллели условны. Однако сходства нельзя не заметить. Так, для достижения своих регионально-имперских целей Иран продолжает применять шиитские инструменты для укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Одновременно Тегеран, используя пропагандистскую риторику исламской революции, возве-

личивая покойного лидера этой революции и основателя ИРИ аятоллу Хомейни, проводит активную националистическую внутреннюю и внешнюю политику, которая пришлась бы по душе последнему шахиншаху Ирана – яркому националисту. При этом Тегеран оказывает ощутимую поддержку проиранским силам по всему миру, уделяя особое внимание, естественно, Ближнему и Среднему Востоку.

Почти за 30 лет существования ИРИ исламская сущность практической политики Тегерана все больше превращалась в ее оболочку, уступая место сути данной политики – персидскому национализму.

Это было причиной (или следствием?) того, что руководящие позиции в правящей элите Ирана стали занимать отнюдь не длиннородные муллы, а хорошо, по-европейски образованные «гражданские» прагматики, выходцы из силовых структур, в первую очередь из Корпуса стражей исламской революции. Многие из них, несмотря на отсутствие чалмы, были большими хомейнистами, чем сам аятолла Хомейни. К ним относится и нынешний президент Ирана инженер Махмуд Ахмадинежад.

Приход мало кому известного, даже в Иране, Махмуда Ахмадинежада к вершине исполнительной власти объясняется стремлением радикально-исламистских кругов не допустить развития либеральных тенденций в политике и идеологии, а также установления свободных рыночных отношений в экономике, которые попытались стать доминирующими за 16 лет президентства сначала аятоллы Али Акбара Хашеми Рафсанджани (1989–1997 гг.), затем аятоллы Мохаммада Хатами (1997–2005 гг.). Этот путь объективно вел к потере радикальными исламистами не только политической, но и финансовой власти.

Нужен был резкий поворот назад ко временам первых лет исламской революции, когда исламская идеология хомейнизма была определяющей для всей внутри- и внешнеполитической жизни страны.

И этот поворот был сделан.

Резкая радикализация клерикального режима в Иране, разжигание религиозного фанатизма и исламского популизма, раздувание антиизраильской кампании, явная борьба против палестино-израильского мирного процесса, активизация поддержки экстремистских (террористических) группировок в регионе, амбициозные великодержавные планы, ужесточение по-

зиции по ядерной проблеме – вот практические дела президента Ахмадинежада.

Обретшая определенную финансовую и сравнительно значимую экономическую мощь, выступая в качестве энергетического донора ряда мировых держав, правящая элита в лице Ахмадинежада пришла к выводу о том, что настало время заявить о себе как о мировом центре исламской цивилизации, как о непоколебимом борце за идеалы ислама, объединяющем всех мусульман против «глобального сионизма и американского империализма», как о супердержаве региона.

Именно сейчас. Вчера было рано – мало сил. Завтра может быть поздно. Кроме того, сегодняшние цены на нефть и газ пока благоприятствуют Исламской Республике Иран.

В этой связи представляет интерес разработанный недавно в ИРИ документ под названием «Двадцатилетняя перспектива». Согласно этому документу, через двадцать лет Иран должен стать развитой страной, сильной региональной державой и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. Кроме того, в документе говорится – обратите внимание, – что «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизационно-образующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях».

Таким образом, названный документ свидетельствует о том, что в исламском Иране резко активизировалось практическое осуществление главной задачи клерикального хомейнистского режима: создание под эгидой региональной супердержавы – Ирана – «мировой исламской общины – уммы». А какая супердержава без атомной бомбы?

Ко всему прочему опасение вызывает и то, что президент Ахмадинежад является апологетом махдизма. Махди – имя последнего из двенадцати шиитских имамов, который, согласно взглядам шиитов, выступает в роли не только потомка Пророка, но сокрытого долгожданного Двенадцатого имама. Он будет таиться до часа, назначенного Богом, а затем, во время Страшного суда, придет на землю, чтобы установить исламскую справедливость. Наиболее же почитаемый шиитами четвертый праведный халиф Али говорил о Махди: «Имам создаст единое всемирное государство и заставит власть имущих заплатить за все их преступления против людей».

С самого начала исламской революции в Иране в 1979 г. и до прихода к президентской власти Махмуда Ахмадинежада в августе 2005 г. махдизм оставался в ИРИ лишь религиозной доктриной и шиитской традицией и не имел никакого политического содержания. Однако с началом президентства Ахмадинежада эта религиозная доктрина стала политической философией и заняла одно из центральных мест в иранской политике. Этому в значительной мере способствовал духовный наставник Ахмадинежада – яркий радикал аятолла Месбах Язди.

Махмуд Ахмадинежад не только заявлял о скором пришествии Махди и на этом основании строил и строит свою политику, но и утверждал, что сам непосредственно связан с Богом.

Махдизм для Ахмадинежада – это мощный политический инструмент, предназначенный как для внутреннего, так и для внешнего пользования. В самом Иране его применяют для консолидации нации накануне прихода Мессии. Во внешней политике – это философия борьбы с Западом. В этой связи аятолла Язди говорил: «Самая главная обязанность тех, кто ждет прихода Мессии, – бороться с ересью и глобальным высокомерием». Так по иранской терминологии определяют Запад и прежде всего США.

Опасность заключается в том, что за махдизмом Ахмадинежада скрывается его убежденность в том, что именно он должен начать миссию по борьбе со злом.

В одном из своих выступлений иранский президент Ахмадинежад заявил буквально следующее: «Главная миссия нашей революции – проложить путь для второго прихода 12-го имама Махди. Именно поэтому Иран должен стать мощным, развитым и образцовым исламским государством. Сегодня нам следует определить наши политические, экономические и культурные задачи таким образом, чтобы они соответствовали плану возвращения Махди. Мы должны тщательно избегать подражания любым схемам, навязываемым нам Западом».

В апреле 2008 г. Махмуд Ахмадинежад, выступая с обращением к нации по радио и телевидению, вновь заявил о своем намерении «ускорить появление» имама Махди, чтобы раз и навсегда расправиться с «врагами ислама» и получить помощь высших сил для управления страной в условиях международной изоляции.

При этом заявление Ахмадинежада было не просто словами, он создал специальный фонд, который занимается сбором

средств для «возвращения Имама». А иранские СМИ утверждают, что близкие к президенту Ахмадинежаду люди часто говорят о необходимости подготовить базу для прихода Махди. Причем одной из составляющих этой базы является выполнение ядерной программы ИРИ.

Быть может, именно поэтому при президенте Ахмадинежаде позиция Ирана по ядерной проблеме на переговорах со странами – постоянными членами СБ ООН, с Евросоюзом и МАГАТЭ стала еще более неуступчивой. Сразу после вступления в должность Ахмадинежад подверг резкой критике иранский МИД за уступки Западу, особенно в вопросе ядерной программы, и произвел в отрасли тотальные кадровые замены. Причина этого состоит в том, что президент Ахмадинежад – убежденный сторонник превращения Ирана в ядерную державу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Более того, президент Ахмадинежад придерживается того мнения, что для ускорения прихода Махди необходимо повернуть весь мир в состояние хаоса.

Примечательно, что сразу после инаугурации президента Ахмадинежада в августе 2005 г. усилиями иранской стороны переговорный процесс по ядерной программе ИРИ, ведшийся несколько лет между Ираном и представляющей Евросоюз «евротройкой» (Великобритания, Германия, Франция), зашел в тупик.

Ныне иранцы не хотят рассматривать никакие компромиссные предложения и настаивают на необходимости создания в ИРИ инфраструктуры для полного производственного цикла получения ядерного топлива, что позволит обогащать уран как на 5% (по изотопу урана-235), так и на 90%, что достаточно для создания ядерного боезаряда (см. прил. 7). Плюс продолжается строительство ядерного реактора на тяжелой воде, то есть создаются производственные мощности для наработки оружейного плутония.

Таким образом, даже беглый анализ теоретических основ нынешнего шиитского режима в ИРИ, его доктринальной, политико-идеологической сущности, национальной психологии иранцев не оставляет места для оптимизма по разрешению иранской ядерной проблемы. Сомнительно, что нынешнее, наиболее исламистско-радикальное со дня смерти аятоллы Хомейни руководство страны пойдет по своей ядерной программе на компромиссы с международным сообществом.

«Это психологическая война. Но наша нация не та нация, которая способна уступить давлению. Европейцам следовало бы избегать языка угроз. Против великой иранской нации этот язык бесполезен», – такие слова постоянно звучат в ходе пятничных проповедей во всех мечетях, по всей территории Ирана.

Противоречия между Ираном и международным сообществом достигли апогея. Однако оставаться безучастным наблюдателем реализации иранской ядерной программы международное сообщество не в праве. Это недопустимо.

Глава II. ИРАНСКИЕ ЯДЕРНЫЕ И РАКЕТНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ОСНОВА ЯДЕРНОЙ МОЩИ СТРАНЫ

2.1. Иранская ядерная программа

*История создания программы
и ее реализация в 1967–2003 гг.*

Как уже отмечалось ранее (см. Введение), иранскую ядерную программу разработали еще во времена шаха Мохаммада Реза Пехлеви. Причем в ее реализации активное участие принимали США и западноевропейские страны, которые, по сути, заложили основы соответствующей инфраструктуры. Так, в 1957 г. между Ираном и США было подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии, в соответствии с которым Вашингтон обязался поставить Тегерану ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов. В обмен на это США получили право мониторинга и инспектирования иранских ядерных объектов. В 1967 г. США при финансовом и техническом содействии МАГАТЭ предоставили Тегеранскому ядерному научно-исследовательскому центру (ТЯНИЦ) исследовательский реактор электрической мощностью 5 МВт. Причем в качестве ядерного топлива для этого реактора использовался уран со степенью обогащения 93%. Несколько позднее для ТЯНИЦ США поставили «горячие камеры», позволяющие выделять плутоний из облученного ядерного топлива.

В 1974 г. Иран принял План развития ядерной энергетики, который предусматривал строительство 23 ядерных реакторов общей мощностью свыше 20 ГВт, а также создание замкнутого ЯТЦ. Основными поставщиками ядерной технологии должны были стать Франция, США и Западная Германия. Первый контракт на строительство атомной электростанции между Организацией по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) и западно-германской фирмой Kraftwerk Union был подписан в 1974 г. Он предусматривал строительство АЭС с двумя реакторами типа PWR мощностью 1,3 ГВт каждый на юге Ирана, вблизи

г. Бушер. Позднее ОАЭИ и компания Framatom (Франция) подписали контракт на строительство еще одной АЭС с двумя реакторами типа PWR мощностью 0,95 ГВт каждый в Ахвазе, на берегу реки Корун. Всего было заключено контрактов на сумму порядка 10 млрд. долл. США (далее в основном будет указываться именно эта валюта). В том числе предполагалось построить опытное предприятие по лазерному обогащению урана.

Для реализации иранского плана развития ядерной энергетики была организована подготовка соответствующих специалистов в США, Великобритании, Бельгии, Западной Германии, Италии, Швейцарии и Франции. Обучение же специалистов непосредственно для эксплуатации АЭС планировалось осуществлять в Ядерном исследовательском центре в Исфahanе, строительство которого было начато в том же году совместно с французскими специалистами. К 1980 г. там же хотели разместить исследовательский реактор и установку по переработке облученного (отработанного) ядерного топлива (ОЯТ) французского производства.

Следует заметить, что в 70-х годах прошлого столетия мало кто сомневался в мирной направленности иранской ядерной программы. Монархия Пехлеви являлась проводником американских интересов на Ближнем и Среднем Востоке и, следовательно, находилась под ядерным зонтиком Вашингтона. Именно поэтому Тегеран был одним из первых государств, которые присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия, ратифицировав его в 1970 году.

В тот период вопрос о местном производстве ядерного топлива на собственной территории на повестке дня не стоял. Первоначально его предполагалось поставлять из-за границы, для чего в 1974–1977 гг. были заключены соответствующие контракты с Западной Германией, Францией и США. А также за 700 млн. долл. Иран приобрел 15% акций компании Rossing Uranium Ltd, разрабатывавшей урановые рудники в Намибии, в счет будущих поставок этого сырья.

Одновременно началась широкомасштабная геологоразведка собственных месторождений урановой руды и были проведены переговоры с иностранными партнерами о приобретении технологий обогащения и соответствующих установок. В частности, ОАЭИ в 1974 г. за 1 млрд. долл. приобрела 10% акций строящегося в Трикастане (Франция) газодиффузионного завода по обогащению урана, который принадлежал между-

народному консорциуму Eurodif. По результатам сделки Иран получил право выкупать продукцию завода и иметь полный доступ к разработанной консорциумом технологии обогащения урана. Воспользоваться последним Тегеран не успел, так как в 1979 г. завод в Трикастане только начал давать продукцию.

В рамках же создания замкнутого ЯТЦ Иран провел переговоры с Францией о приобретении завода по переработке ОЯТ стоимостью около 800 млн. долл. Аналогичный вопрос поднимался и в рамках ирано-немецких консультаций. Такую деятельность заблокировал Советский Союз, который был крайне обеспокоен самой возможностью появления у своих границ государства с развитой ядерной инфраструктурой.

После Исламской революции 1979 г. иранское руководство стало проводить ярко выраженную антиамериканскую внешнюю политику, что привело к существенному ухудшению отношений между этими странами. Захват посольства США в Тегеране и начало ирано-иракской войны послужили основанием для того, чтобы в 1980 г. было свернуто налаженное сотрудничество, в том числе в ядерной области, Ирана уже с Западом в целом. В тот период Исламская Республика Иран только формировалась, а иранское руководство не видело необходимости развития собственной ядерной программы, что в результате привело к массовой эмиграции иранских ученых-ядерщиков.

Однако ирано-иракская война убедительно показала Тегерану возможности такого вида оружия массового уничтожения, как химическое, примененное иракцами в ходе боевых действий. Особую обеспокоенность у иранского руководства вызывала реализуемая режимом Саддама Хусейна военная ядерная программа, которая после уничтожения ядерного исследовательского реактора в Озираке (1981 г.) получила новый импульс для развития. В частности, Саддам Хусейн выпустил из тюрем и реабилитировал видных специалистов в этой области, в 15 раз увеличил число работающих по этой программе людей и полностью ее засекретил. Однако всех этих усилий оказалось недостаточно для восстановления прежнего уровня ядерной отрасли. В условиях продолжающейся войны, действия режима санкций и отсутствия экспериментальной базы от осуществления этого проекта пришлось постепенно отказаться. Тем не менее сам ход реализации Багдадом военной ядерной программы сильно беспокоил Тегеран.

В этой связи иранское руководство стало рассматривать возможность восстановления собственной ядерной программы, по-видимому, не исключаяющей и военную составляющую. С этой целью в период 1986–1987 гг. Иран на «черном» рынке, организованном пакистанским ученым Абдул Кадир Ханом (Abdul Qadeer Khan), закупил техническую документацию и ряд агрегатов двух газовых центрифуг первого поколения малой мощности (P-1), которые применяются для обогащения урана. Такие технологии имеют двойное назначение и могут использоваться для наработки урана оружейного качества. По утверждению иранской стороны, решение о приобретении оборудования для центрифужного обогащения урана тогда было принято президентом ОАЭИ и одобрено премьер-министром ИРИ. Одновременно, как было заявлено Тегераном, по инициативе пакистанской стороны было поставлено техническое описание процессов перевода урана из газообразной в металлическую форму и механической обработки обогащенного металлического урана в полусферы. Очевидно, что такие процессы имеют военно-прикладное назначение, а якобы неосведомленность о такой деятельности высшего руководства ИРИ вообще выглядит абсурдной. Кроме того, существует письмо аятоллы Хомейни, написанное в 1988 г., в котором он указывает на необходимость для Ирана обзавестись ядерным оружием.

Обеспокоенные неопределенностью целей иранского руководства, США стали уделять внимание тем странам, которые продолжали сотрудничество с Тегераном в ядерной области. Первой под удар попала Аргентина, которая в конце 80-х годов не только провела замену активной зоны реактора в ТЯНИЦ, позволив перевести его на использование ядерного топлива со степенью обогащения 20%, но и поставила для этого реактора 116 кг топлива. Вследствие американского давления в начале 90-х годов Аргентина отказалась от дальнейших поставок в Иран ядерного топлива и оборудования, несмотря на достигнутые ранее договоренности.

В середине 90-х годов Вашингтон оказал сильный нажим на Пекин по поводу заключенного китайско-иранского соглашения о строительстве в Иране двух легководных ядерных реакторов мощностью 300 МВт каждый. В результате Пекину также пришлось отказаться от выгодной сделки и свернуть свое сотрудничество с Тегераном в этой сфере. Но к этому времени Иран уже успел получить из Китая техническую документацию

по конверсии урана (перевод из твердой в газообразную форму как подготовительная стадия перед обогащением урана). Позднее такие технологии были освоены, что позволило построить завод по конверсии урана в Исфагане. Китай продал Ирану две «подкритичные» сборки (1992 г.), миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт (1994 г.) и исследовательский тяжеловодный реактор нулевой мощности, позволяющий нарабатывать ежегодно до 100 г плутония (1995 г.).

Помимо этого, Вашингтон ввел экономические санкции против Тегерана и искал пути воздействия на него со стороны международного сообщества. В этих условиях Бразилия, Индия, Испания и Пакистан были вынуждены отказаться от сотрудничества с Ираном. И только Россия смогла отстоять свое право на такое сотрудничество, хотя и ограничилась только теми проектами, которые не относились к категории «критичной» ядерной продукции. При этом никакие технологии обогащения урана, регенерации плутония, производства тяжелой воды или создания реактора-наработчика плутония иранской стороне не передавались ранее и не передаются в настоящее время. Российско-иранское сотрудничество в ядерной области осуществляется в строгом соответствии со всеми требованиями национального законодательства и международными обязательствами России по ДНЯО и контрольным спискам Группы ядерных поставщиков (ГЯП). В частности, с 1995 г. российские специалисты достраивают в Бушере АЭС с водо-водяным энергетическим реактором ВВЭР-1000 (VVER-1000). Причем с декабря 2007 г. (начало поставок на АЭС российского ядерного топлива) на этот объект стали распространяться гарантии МАГАТЭ.

До середины 90-х годов руководство Тегерана старалось максимально сузить круг лиц, причастных к ядерной программе с целью исключения любой утечки информации. Причем сразу была сделана ставка на создание полного ядерного топливного цикла, хотя какой-либо разумной потребности в освоении процессов обогащения урана и получения плутония не существует даже сейчас ввиду отсутствия атомных электростанций (единственный энергетический реактор, который Москва достраивает в Бушере, будет полностью обеспечен российским ядерным топливом, и нет каких-либо причин сомневаться в способности нашего государства выполнить эти обязательства). Как следствие, в 1987–1993 гг. все исследовательские и опытно-конструк-

торские работы по иранской ядерной программе велись только в рамках ОАЭИ, без привлечения технических университетов и ядерных исследовательских центров. С одной стороны, это увеличивало время на их проведение, но с другой, позволяло выполнять такие работы достаточно скрытно, постепенно налаживая собственное производство компонентов газовых центрифуг.

В этой связи особый интерес представляет факт того, что, по некоторым данным, Али Акбар Хашими-Рафсанджани, бывший президент ИРИ в период 1989–1997 гг., утвердил секретную директиву, по которой ядерный статус ИРИ служит стратегической гарантией сохранения теократического режима. С целью достижения такого статуса предполагалось осуществление следующих мер:

- использование всех возможностей для приобретения необходимой технологии производства ядерного оружия;
- отправка в различные государства иранских специалистов для сбора необходимой информации;
- создание секретных ядерных центров и предприятий, которые могли бы не только дополнять друг друга, но и проводить работы в автономном режиме.

С целью реализации установок высшего руководства в 1994–1996 гг. также незаконно (по сети Абдул Кадир Хана) за 3 млн. долл. были закуплены два контейнера пакистанского оборудования для обогащения урана, достаточного для сборки порядка 500 газовых центрифуг Р-1. По-видимому, именно эта поставка стала решающей для полного освоения технологии их производства на территории ИРИ к 1999 г. Однако на этом этапе реализации ядерной программы Тегеран был вынужден расширить состав ее участников за счет представителей технических университетов, а также начать производство комплектующих на предприятиях собственного оборонно-промышленного комплекса и провести широкомасштабные закупки за рубежом вакуумного оборудования, специальных сортов стали и высокопрочного алюминия, необходимых для производства газовых центрифуг. Достигнутые в конце 90-х годов успехи в реализации программы обогащения урана и накопленные запасы требующихся материалов и комплектующих послужили для иранского руководства основанием для развертывания соответствующего опытного производства на объекте в Натанзе, который сразу создавался как хорошо укрепленное

и замаскированное под сельскохозяйственное предприятие сооружение с огромными подземными площадями.

В 1996 г. по сети Абдул Кадир Хана Иран незаконно получил из Пакистана полную техническую документацию усовершенствованных газовых центрифуг (Р-2), которые мощнее предыдущего поколения в два-четыре раза и являются более надежными в эксплуатации. По заявлению иранской стороны, не подтвержденной МАГАТЭ, до 2002 г. никаких работ по освоению производства газовых центрифуг Р-2 не проводилось. В марте 2003 г. ОАЭИ заключила соответствующий контракт с частной компанией, которая столкнулась с серьезной проблемой экспорта ряда компонентов зарубежного производства. Инспекция этой компании со стороны МАГАТЭ не выявила попыток использования такого центрифужного оборудования для обогащения урана.

Одновременно создавались и другие объекты ядерной инфраструктуры. В частности, иранцы пытались освоить урановые месторождения в провинции Йезд, запасы которых в эквиваленте закиси-оксида урана составляют около 5 тыс. т при достаточно низком содержании этого химического элемента в руде (менее 0,1%). Для этого к 2006 г. планировалось начать добычу урановой руды в Саганде, а производство из нее уранового концентрата организовать в Ардакане. Однако объемы ежегодной добычи (порядка 50 т по природному урану) являются явно недостаточными для удовлетворения собственных потребностей, так как они в три раза меньше, чем требуется даже для одного энергетического реактора гигаваттного класса. Открытых же к настоящему времени общих запасов урана в ИРИ, по мнению российского эксперта Владимира Новикова из Российского института стратегических исследований, хватит только на 20 лет работы двух энергетических реакторов типа ВВЭР-1000. В то же время имеющихся в ИРИ запасов природного урана вполне достаточно для осуществления военной ядерной программы.

Современное состояние программы

С учетом всего вышесказанного особую важность приобретает анализ имеющейся уже сейчас в ИРИ ядерной инфраструктуры. Научно-технологическая база Ирана в ядерной области на сегодняшний день является самой мощной среди всех стран региона, исключая Израиль. В стране создан ряд

крупных научных центров, подчиненных ОАЭИ: Тегеранский, Исфahanский, Кереджский, Йездский и некоторые другие.

Среди названных организаций ведущее место занимает **Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр при Тегеранском университете**. Он оснащен уже упомянутым исследовательским реактором мощностью 5 МВт американского производства, в качестве топлива которого используется уран со степенью обогащения 20%. Также ТЯНИЦ располагает «горячими камерами», позволяющими выделять плутоний, китайской лабораторной установкой по производству оксид-закиси урана из руды и лазерным оборудованием, поставленным из США в 1978 г., которое может быть использовано для обогащения урана. Последние установки, за исключением «горячих камер», по-видимому, находятся в нерабочем состоянии.

Другой значимой организацией является **Исфahanский ядерный исследовательский центр**, имеющий тяжеловодный исследовательский реактор нулевой мощности. Там также расположены: миниатюрный источник нейтронов китайского производства мощностью 27 кВт, который использует для работы порядка 900 г. высокообогащенного урана, и две «подкритические» сборки. Все это оборудование было поставлено из Китая в период 1992–1995 гг. и находится под контролем МАГАТЭ.

С весны 2004 г. в Исфahanе уже действует производство по переводу оксид-закиси урана в гексафторид (завод по конверсии урана). Планируемые объемы производства – 280 т гексафторида урана, также будет выпускаться ряд других побочных продуктов, включая металлический уран. В Исфahanе строится и комплекс по производству ядерного топлива для реакторов различного типа.

Третьим важным центром выступает **Ядерный исследовательский центр сельского хозяйства и медицины в Кередже**. Он располагает миллиамперным калютроном – электромагнитным сепаратором для разделения изотопов, импортированным из Китая в начале 90-х годов. Хотя технически возможно на этом оборудовании производить порядка 3 г ВОУ, в ходе инспекций МАГАТЭ 1992–1993 гг. было подтверждено, что миллиамперный калютрон используется только для получения стабильных элементов. Кроме того, центр оснащен циклотроном бельгийского производства.

В Натанзе функционирует опытное производство по обогащению урана, где, по данным МАГАТЭ, установлены около

3,8 тыс. газовых центрифуг, по-видимому, Р-1. Количество центрифуг постоянно наращивается, а также активно проводится их модернизация. Только для производства и тестирования газовых центрифуг задействованы 22 иранских предприятия и организации.

В Араке с сентября 2004 г. строится исследовательский тяжеловодный реактор IR-40 мощностью 40 МВт, который сможет нарабатывать ежегодно порядка 9 кг плутония. Для обеспечения будущих потребностей в тяжелой воде в 2006 г. там же было создано соответствующее производство. Учитывая возможную военную направленность этих проектов, Совет управляющих МАГАТЭ в ноябре 2006 г. наложил запрет на предоставление Ирану технической помощи в их реализации.

Наконец, способствовать освоению иранскими специалистами ядерных технологий будет и АЭС в Бушере с легководородным реактором ВВЭР-1000 мощностью 1 ГВт, введение которой в опытную эксплуатацию планируется в 2009 г.

На большинство упомянутого оборудования распространяются гарантии МАГАТЭ, поэтому Ирану как члену ДНЯО в 90-е годы удалось привлечь к сотрудничеству целый ряд государств. Помимо КНР и Бельгии к ним относились Аргентина, Великобритания, Германия, Индия, КНДР, Пакистан, Россия и другие. ИРИ, в частности, использовала эти государства для сбора научной информации и подготовки собственных кадров. Иранские физики обучались в Аргентине, Китае, Пакистане, КНДР и России. Так, по некоторым данным, в конце 80-х годов 39 сотрудников ОАЭИ выезжали на стажировку в Пакистан, а 15 специалистов из Исфаханского центра в период 1988–1992 гг. совершенствовали свою квалификацию в Китае.

Россия внесла свой вклад в подготовку тех иранских специалистов, которым предстояло в будущем эксплуатировать АЭС в Бушере. В мае 1999 г. 38 таких специалистов-ядерщиков приехали на стажировку в Нововоронежский учебно-тренировочный центр. Помимо этого, иранские специалисты стажировались на Калининской и Балаковской АЭС.

Взяв курс на укрепление интеллектуального потенциала страны, Тегеран провел большую работу по добровольному возвращению на родину эмигрантов, работавших в научно-исследовательских организациях за границей. Другим путем использования квалификации зарубежных иранцев стало их приобщение к сотрудничеству с ИРИ, так сказать, на местах.

Изложенная информация сама по себе носит нейтральный характер. Научные исследования в области ядерной физики и развитие атомной энергетики ни коим образом не противоречат духу ДНЯО. Иран обладает правом осуществлять национальную мирную ядерную программу под контролем МАГАТЭ. Вместе с тем существуют факты, которые позволяют усомниться в исключительно мирной направленности этой программы.

Полный ЯТЦ как путь к ядерному оружию?

Согласно компетентным источникам, ранее упоминавший-ся Абдул Кадир Хан на рубеже 80–90-х годов совершил, как минимум, одну тайную поездку в ИРИ. А в ходе одного из допросов он представил информацию, касающуюся военной программы Ирана, о намеченном сроке создания иранского атомного оружия. Это позволило ЦРУ сделать вывод, что изыскания Тегерана в ядерной физике представляют собой несомненную опасность для международного сообщества.

Можно, конечно, допустить, что показания Абдул Кадир Хана не внушают доверия, так как он говорил то, что от него хотели услышать неоконсерваторы из администрации Джорджа Буша. Однако алармистские настроения Вашингтона подогреваются, в том числе, подозрительным поведением самой Исламской Республики Иран.

Помимо этого, создается впечатление, что ИРИ откровенно играет в кошки-мышки с МАГАТЭ. Например, сначала Тегеран отказал инспекторам в просьбе посетить завод Kalaye Electric Company, на котором, предположительно, велась работа по обогащению урана. Потом, в марте 2003 г., он разрешил такое посещение, но показал делегации лишь некоторые здания и не разрешил проверить эту территорию на радиоактивность. Вскоре по спутниковым фотографиям были обнаружены грузовые машины, что-то увозившие с объекта, по-видимому, строительные материалы. В августе этого же года, когда МАГАТЭ добилась проведения новой инспекции завода, выяснилось, что одно из помещений полностью реконструировано: были заменены покрытия на полах, перекрашены стены, уложена новая плитка. Однако в пробах, взятых инспекторами, все равно обнаружился следы обогащенного урана.

Упорное стремление Ирана к проведению работ по созданию полного, хотя и открытого ввиду отсутствия даже опытного

производства по химической переработке ОЯТ, ядерного топливного цикла добавляет двусмысленности в сложившуюся ситуацию. Согласно многочисленным данным, в стране за последние годы заложены прочные основы не только для исследовательских работ, но и для формирования инфраструктуры полного ЯТЦ, без которой немислимо создание атомной бомбы.

Составной частью иранского полного ЯТЦ является крайне дорогостоящее производство по обогащению урана в Натанзе. Но специалисты подсчитали, что экономически целесообразно этим заниматься только при наличии АЭС общей мощностью 10–12 ГВт. В ином случае стоимость произведенного топлива будет в 3–5 раз выше среднемирового уровня. Именно поэтому подавляющее большинство стран, имеющих АЭС, покупает для них топливо на мировом рынке, не утруждая себя самостоятельным производством. При этом отработанное ядерное топливо обычно возвращается государству-поставщику.

В ответ на эти доводы иранцы официально утверждают, что собираются построить порядка 20 энергоблоков мегаваттного класса, поэтому им необходим независимый от иностранных держав собственный комплекс по производству топлива. В связи с этим высокопоставленный представитель иранского МИДа Али Солтанеи заявил о том, что политика США не дает гарантии для беспрепятственного получения ядерного топлива на мировом рынке, вследствие чего Иран вынужден производить его самостоятельно. Однако, как ранее уже отмечалось, у ИРИ нет для этого необходимой сырьевой базы, а себестоимость ее добычи достаточно высока. Кроме этого, под эгидой МАГАТЭ сейчас создается независимый от ведущих внешнеполитических игроков банк ядерного топлива.

Совершенно очевидно, что руководство ИРИ хорошо знает реальную картину. Тем не менее процесс создания полного ЯТЦ получил юридическую базу, призванную оградить Тегеран от внешнеполитических нападков. В мае 2005 г. меджлис принял закон, обязывающий правительство ИРИ создать в рамках ДНЯО полный ядерный топливный цикл.

В рамках «иранского досье» особое беспокойство у международного сообщества вызывают проведенные в ИРИ эксперименты с полонием-210. В мирных целях тот материал может использоваться только в космических программах для создания долгоживущих энергетических установок, что для ИРИ, имеющей единственный, запущенный с помощью российского

носителя космический спутник, не является актуальным. С другой стороны, в сочетании с бериллием полоний-210 применяется в военных ядерных программах, в частности для создания нейтронных инициаторов ядерного оружия. Показательно и то, что Иран заблаговременно не сообщил в МАГАТЭ о своих экспериментах с полонием и предпринимал попытки приобрести бериллий.

Целесообразно заметить, что в декабре 2002 г. германские власти предотвратили попытку вывоза двумя иранцами 44 специальных детонаторов, которые также могли использоваться при создании ядерного взрывного устройства. А в 2004 г. иранский перебежчик передал в соответствующие службы США персональный компьютер, который содержал материалы о создании обтекателя для ракеты «Шахаб-3». Судя по схемам, этот обтекатель должен был содержать сферический объект, имеющий характеристики ядерного заряда. Однако ни западным спецслужбам, ни МАГАТЭ не удалось подтвердить достоверность этой информации.

Анализируя изложенное, а также ряд других фактов, совсем не сложно понять, почему Запад относится к иранской ядерной программе с такой подозрительностью. При этом среди большинства западных экспертов существует устойчивое мнение, что Тегеран все-таки идет по пути создания собственного ядерного оружия, а полный ЯТЦ формирует для этого соответствующие предпосылки. В частности, такой точки зрения придерживается Марк Фитцпатрик из Лондонского Международного института стратегических исследований, который считает, что Иран сначала за 1–2 года накопит достаточное количество низкообогащенного урана, а затем выгонит из страны инспекторов МАГАТЭ и получит за 5–8 недель из НОУ уже уран оружейного качества.

Особое же беспокойство на Западе вызывает возможность бесконтрольного ядерного распространения в одном из самых взрывоопасных регионов мира – Большом Ближнем Востоке. Так, в мае 2008 г. на открытии в Иерусалиме международной конференции «Обратимся к завтрашнему дню», приуроченной к 60-летию со дня независимости Государства Израиль, патриарх американской дипломатии Генри Киссинджер заявил следующее: «Если Иран станет ядерной державой, ядерное оружие распространится и растечется на многие фундаменталистские режимы Ближнего и Среднего Востока... Угроза ядерного

Ирана – это не только угроза национальной безопасности Ираиля, это угроза для жизнеспособности всей международной и мировой системы безопасности».

Несколько иначе иранскую ядерную проблему видят в России. Владимир Новиков из Российского института стратегических исследований полагает: «В настоящее время неправомерно однозначно говорить о том, что Иран намерен использовать имеющиеся технологии обогащения урана в военных целях, поскольку до сих пор нет убедительных доказательств наличия в этой стране ядерного оружия на основе высокообогащенного урана или какой-либо деятельности по его созданию (как, впрочем, и на основе плутония). Ответ на вопрос, имеет ли ядерная программа Ирана военную направленность, ... будет во многом зависеть от дальнейшего развития американо-иранских отношений». Подобной же точки зрения придерживается и Антон Хлопков из ПИР-Центра: «Пока отсутствует достоверная информация, свидетельствующая об уже состоявшемся принятии руководством Ирана политического решения о создании ядерного оружия. Однако есть многочисленные признаки наличия в стране программы военно-прикладных исследований в ядерной области».

Одна из причин столь сильного расхождения точек зрения российских и западных экспертов на вопрос о принятии Тегераном политического решения о создании ядерного оружия состоит в том, что в Москве крайне болезненно воспринимают саму возможность силового решения иранской ядерной проблемы ввиду неизбежности формирования в этом случае огромного очага нестабильности в непосредственной близости от границ РФ. Именно поэтому из двух зол – Иран с ядерным оружием и военный удар по ИРИ с целью исключения такой возможности – российская элита в отличие от западной больше склоняется к выбору первого варианта. Но из этого не следует, что Москва готова помогать Тегерану в создании ядерного оружия или, тем более, защищать его от Запада. У нее цели совершенно другие: путем активного вовлечения ИРИ в общемировые процессы как можно дальше отсрочить саму необходимость принятия столь непростых политических решений. Конечно, в этом случае Тегеран по мере совершенствования собственной ядерной инфраструктуры будет все ближе подходить к «красной черте». Но из этого совершенно не следует, что он ее обязательно перейдет. При этом одинаково плохо как упор-

но провоцировать Тегеран, так и делать вид, что ему все сойдет с рук.

Таким образом, ИРИ если и не стремится напрямую к созданию атомной бомбы, то наверняка хочет достичь латентного ядерного статуса за счет приобретения полного набора научно-технических возможностей ее изготовления. Однако мало создать атомную бомбу, ее надо еще доставить к месту применения. И несмотря на обилие возможных средств доставки ядерного оружия, наиболее эффективным из них, бесспорно, являются ракеты. В этой связи особый интерес представляет иранская ракетная программа.

2.2 Иранская ракетная программа

Иран стремится к обладанию мощным ракетным потенциалом

В рамках политического курса иранского руководства на превращение страны в региональную «супердержаву» одно из первых мест отводится мерам по наращиванию военного потенциала ИРИ, в том числе развитию национального оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Следует подчеркнуть, что в этом деле к настоящему времени иранцы достигли заметных успехов.

Современная военная промышленность Ирана включает практически все отрасли производства вооружения и военной техники: авиационную, артиллерийско-стрелковую, бронетанковую, боеприпасную, радиоэлектронную, кораблестроительную, военно-химическую. Но на первое место в ИРИ поставлено ракетостроение. Это подтверждает и Фархад Хосрохавар – специалист по современному Ирану, научный руководитель Центра анализа и социологических исследований при Высшей школе социальных исследований (Франция). Фархад Хосрохавар утверждает, что в военно-технической политике руководство ИРИ отдает приоритет двум направлениям: ядерным исследованиям и ракетным программам, которые ныне имеют большее значение по сравнению с разработкой и производством обычных вооружений.

По всей вероятности, именно на этих двух направлениях сосредоточены основные политические, экономические, финансовые, кадровые, разведывательные и организационные

усилия иранских властей. Следует отметить, что такой курс, несомненно, приносит плоды. Исламская Республика Иран шаг за шагом идет к своей главной цели – стать ракетно-ядерной державой.

Однако, безусловно, на этом пути у Ирана возникают значительные трудности. Известно, что в ИРИ нет ни научно-исследовательских традиций, ни национальной научной школы, ни многолетнего опыта, что просто необходимо для создания высокотехнологического фундамента. А ведь именно на его основе можно разработать сложнейшие виды новейшего вооружения и боевой техники, сопоставимые с российскими, американскими или западноевропейскими. Поэтому основная методика функционирования иранского ОПК заключается в большой степени в воспроизводстве иностранных образцов оружия.

Исходя из общей ситуации в иранских научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР), Тегеран отдает приоритет копированию, клонированию, иногда – модернизации и подгонке под иранские нужды северокорейской, пакистанской, китайской, российской и американской продукции. Недаром российские и иностранные специалисты по вооружению и боевой технике практически в каждом новом образце иранского вооружения, так щедро демонстрируемом на всех последних военных учениях, находят заимствования. Причем «первоисточники» Иран получает как путем легальных закупок, так и используя мировой «черный рынок» и разведку. При этом большое значение имеют и двусторонние военно-технические связи, прежде всего с Северной Кореей.

Наблюдатели неоднократно обращали внимание на многолетнее перманентное ирано-северокорейское сотрудничество в самых щепетильных сферах: ракетостроении и ядерной области. Причем Северная Корея далеко продвинулась в этих направлениях, а Иран, подготовив за 20 лет бесконтрольной деятельности со стороны МАГАТЭ и других международных организаций достаточно квалифицированный персонал и создав хорошую технологическую базу, готов использовать северокорейский опыт. Тем более, что Иран, благодаря нефтедолларам, обладает значительными финансовыми возможностями, которые ограничены у КНДР. Поэтому эти две страны, имеющие определенные сложности свободного общения с остальным миром, крайне заинтересованы друг в друге, особен-

но в чувствительных областях ракетостроения и ядерных технологий, за развитием которых с особым вниманием следят международные организации. Если учитывать, что в настоящее время именно эти две страны вызывают обоснованное беспокойство мирового сообщества своими ядерными программами, то их совместная работа может стать дестабилизирующим фактором, прежде всего для режима нераспространения ОМУ.

Но несмотря на объективные трудности, политическому руководству ИРИ удалось создать в стране военно-научную инфраструктуру. Современный Иран располагает большим числом научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений и центров, где разрабатываются (как правило, на базе иностранных аналогов) новые образцы боевой и вспомогательной техники. В целом оборонно-промышленный комплекс Ирана, в том числе и его ракетостроение, считается одним из наиболее крупных и развитых на Ближнем и Среднем Востоке, хотя и уступает по своим возможностям ОПК Израиля, Турции и, отчасти, Пакистана.

Согласно опубликованным на сайте War Online данным, в Иране действуют следующие основные центры по разработке и производству ракетной техники:

- Исфаган – проведение НИОКР, производство ракет и соответствующего топлива;
  - Семнан – ракетное производство и одновременно испытательный полигон;
  - Шираз – осуществление НИОКР, производство ракет и топлива для них;
  - Султанатабад – выполнение НИОКР;
  - Лавизан – проведение НИОКР;
  - Кух-Барджамали – выпуск измерительного оборудования для испытаний ракетной техники;
  - Шахруд – осуществление НИОКР, ракетное производство и одновременно испытательный полигон.
- Кроме того, существует еще ряд более мелких предприятий, специализирующихся на ракетной технике:
- Абадан – ракетное производство;
  - Алиабад – изготовление оборудования для пусковых установок (ПУ) ракет;
  - Арак – осуществление НИОКР, выполнение работ по модернизации ракет;
  - Бендер-Аббас – ракетное производство;

- Доруд – проведение НИОКР;
- Гамсар – испытательный полигон;
- Гостареш – выполнение НИОКР;
- Кередж – осуществление НИОКР и ракетное производство;
- Манзарих – проведение НИОКР, производство ракетного топлива;
- Массканд – производство ракет и турбореактивных двигателей (ТРД);
- Окараман – выпуск комплектующих для ракет «Шахаб»;
- Пархин – производство ТРД, зенитных управляемых ракет, противотанковых управляемых ракет, авиационных ракет, комплектующих изделий для ракет «Шахаб»;
- Сарджи – ракетное производство.
- Тебриз – производство ракет «Шахаб»;
- Тегеран – осуществление НИОКР и ракетное производство;
- Хорремабад – ракетное производство.

Руководство большинством отраслей военной промышленности осуществляет министерство обороны и поддержки вооруженных сил (МОПВС), но наиболее важные программы – ракетная, ядерная, изготовление других видов ОМУ, производство танков – находятся под контролем Корпуса стражей исламской революции. Главным координирующим органом иранского ОПК является Комиссия по научно-техническим исследованиям при президенте ИРИ, которая выработывает согласованные с заинтересованными ведомствами предложения по развитию военного производства. Крупнейшая структура ОПК – Организация оборонной промышленности, подчиняющаяся МОПВС и состоящая из ряда промышленных групп и компаний, специализирующихся на выпуске конкретных видов военной продукции.

Разработкой и производством различных видов ракетного оружия занимается Организация аэрокосмической промышленности. В нее входят предприятия по производству противотанкового вооружения, средств ПВО, ракетного оружия ВМС, тактических (ТР) и оперативно-тактических ракет (ОТР), космических систем, средств телеметрии и радиолокации.

Важным моментом, свидетельствующим об особой роли КСИР в системе ОПК и вооруженных сил ИРИ, служит тот факт, что ракетостроение и главная ударная сила Ирана – ракетные войска – долгое время входили в состав этого корпуса. Однако сейчас их статус еще более повысили. Теперь ракет-

ные войска подчиняются непосредственно Верховному главнокомандующему (ВГК), то есть – Духовному лидеру Исламской Республики Иран.

Одним из направлений деятельности иранской ракетной отрасли является разработка и производство тактических и оперативно-тактических ракет, а также баллистических ракет средней дальности (БРСД). К настоящему времени созданы и производятся ТР и ОТР WS-1 (дальность стрельбы до 80 км), «Назеат» различных модификаций (дальность до 150 км), CSS-8 (дальность до 180 км), «Зелзал», а также другие типы оперативно-тактических ракет с дальностью стрельбы до 300 км.

Эти ракеты не могут быть использованы в качестве носителей ядерного оружия, но они способны поражать морские цели в зоне Персидского и Оманского заливов, что потенциально ставит под угрозу транспортировку нефти из этого региона.

Но главным направлением иранского ракетостроения в настоящее время являются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по программе «Шахаб», которая наиболее детально проанализирована в работе американского аналитика Энтони Кордесмана.

Ракетные программы «Шахаб»

Разработанная в СССР управляемая ракета Р-14Э (по классификации НАТО – SCUD-B) и ее модернизированные аналоги (прежде всего северо-корейские) в ряде стран до сих пор служат основой для технологических разработок в области создания баллистических ракет. Хотя совершенно справедливо указывают авторы работы «Силовое решение иранской ядерной проблемы: сценарии и последствия»: «В целом же представление о том, что такие страны, как Северная Корея и Иран, способны иметь только ракеты, сделанные по технологиям советских ракет типа SCUD, ошибочно. Можно напомнить, что в СССР еще в конце 50-х годов были разработаны ракеты средней дальности с ядерными боезарядами, которые располагали дальностью полета 5000 км. Считать, что подобные технологии до сих пор недоступны для других, было бы опасным заблуждением».

Следует отметить, что советская SCUD и ее северо-корейские «дочки» и «внучки» стали трамплином для развития иранских ракетных технологий и ракетостроения в целом. Причем ракета SCUD и ее модификации нашли широкое применение

ние силами ИРИ уже в последние годы ирано-иракской войны (1980–1988 гг.).

По имеющимся данным, в 2006 г. Иран имел в своем арсенале от 300 до 750 единиц «Шахаб-1» (вариант SCUD-B) и «Шахаб-2» (вариант SCUD-C).

Первоначально Иран закупал ракеты SCUD за границей: частично в Ливии, но главным образом в Северной Корее. Эти ракетные комплексы были развернуты в частях ВВС КСИР. В марте 1985 г. иранцы провели первые боевые пуски этих ракет по иракским целям. Наиболее интенсивно обстрел ракетами SCUD велся в 52-дневный период в 1988 г., названный впоследствии «войной городов». Тогда Иран запустил 77 ракет SCUD по Багдаду, Мосулу, Киркуку и Тикриту.

Краткая история освоения Ираном ракеты «Шахаб-1» приведена ниже.

– В 1985 г. Иран начал приобретать SCUD-B в Ливии. Было поставлено около 20 ракет и две мобильные пусковые установки на базе МА3-543Р.

– В 1986 г. Ливия становится основным поставщиком ракет SCUD-B для Ирана. Поставки Ирану ракет этого типа, но в ограниченном количестве также осуществлялись со стороны Сирии.

– В 1987 г. Иран попытался наладить собственное производство ракет SCUD-B, но потерпел неудачу. За последующие пять лет ИРИ приобрела 200–300 ракет SCUD-B и 6–12 мобильных пусковых установок в Северной Корее.

– В 1988 г. Иран на базе SCUD-B начал производить свои собственные ракеты «Шахаб-1», но в небольших количествах.

– В 1988 г. Иран осуществил первый испытательный запуск баллистической ракеты SCUD-B, которая имела дальность полета 320 км и полезный груз 985 кг. Подготовка и запуск были осуществлены с помощью или Северной Кореи, или Китая.

– К 1991 г. Иран прекратил выпуск своих собственных «Шахаб-1» и начал производить закупки более совершенного варианта SCUD-CS с полезной нагрузкой около 800 кг и дальностью стрельбы 500 км.

– В 1993 г. Иран посылает на учебу в Северную Корею группу специалистов в области ракетостроения (21 чел. во главе с бригадным генералом Мантеги).

– В 1998 г. иранское правительство официально объявляет о запуске «Шахаб-1» в акватории Каспийского моря. Это испытание явилось важным этапом исследований в рамках про-

граммы создания и совершенствования баллистических ракет. Пуск ракеты «Шахаб-1» был проведен с пусковой установки, находящейся на борту коммерческого судна.

Практически одновременно с «Шахаб-1» иранские конструкторы стали разрабатывать (также на базе SCUD) новую модификацию – «Шахаб-2». Как полагают аналитики, в настоящее время Иран имеет на вооружении 50–150 ракет «Шахаб-2» (вариант SCUD-Cs).

Далее описана краткая история освоения Ираном ракеты «Шахаб-2».

– В 1991 г. Иран получил из КНДР первую партию ракет SCUD-C числом от 100 до 170 ракет северокорейского производства.

– К 1994 г. Иран купил в Северной Корее еще 150–200 ракет SCUD-C.

– В 1997 г. произошел новый технологический скачок в развитии иранского ракетостроения: ИРИ начала производство своих собственных ракет SCUD-C. При этом считается, что большая часть производственного оборудования и технологий поступила в Иран из Северной Кореи. Позднее, по некоторым данным, Иран установил производственную линию для выпуска ракет «Шахаб-2» в Сирии.

– В 2004–2006 гг., согласно иранским источникам, Иран стал активно использовать ракеты «Шахаб-2» в ходе наиболее крупных военных учений.

– В октябре 2007 г. журнал Jane's сообщает, что развитие программы «Шахаб-3» в Иране устранило необходимость в дальнейших работах по дополнительному совершенствованию и модернизации ракет «Шахаб-1» и «Шахаб-2».

«Шахаб-3» – это новый этап в развитии иранского ракетостроения, так как указанная ракета более мощная, чем предыдущие версии «Шахаб». Конструкция «Шахаб-3» базируется на северокорейских ракетах «No Dong-1/A» и «No Dong-1/B». Некоторые аналитики полагают, что северокорейские ракеты были разработаны и модернизированы при иранской финансовой поддержке.

У первых вариантов «Шахаб-3» можно было найти общие черты с пакистанской ракетой «Ghauri», которая, возможно, также разрабатывалась не без помощи Северной Кореи и Китая.

Краткая история освоения Ираном ракеты «Шахаб-3» приведена ниже.

– В 1998 г. Иран начал испытания «Шахаб-3» собственного производства, которые осложнялись проблемами с системой наведения. Одновременно с этим Иран начинает разработку ракеты «Шахаб-4».

– 23 июля 1998 г. Иран провел первые летные испытания ракеты «Шахаб-3». Спустя 100 сек. после старта ракета взорвалась. До сих пор неизвестно, был ли подрыв ракеты результатом сбоя в работе ее систем или это было запланировано заранее.

– 15 июля 2000 г. Иран провел первый успешный запуск «Шахаб-3». На ракете был установлен новый северокорейский двигатель.

– Летом 2001 г. Иран объявил о начале производства ракет «Шахаб-3».

– 7 июля 2003 г. Иран завершил летные испытания ракет «Шахаб-3». По некоторым данным, такие китайские компании, как Tai'an Foreign Trade General Corporation and China North Industries Corporation помогли иранцам устранить недостатки и преодолеть технические сложности заключительного этапа разработки этого ракетного комплекса. Иранское руководство объявило о начале производства этого типа ракет и постановке их на вооружение ракетных частей.

– 22 сентября 2003 г. ракеты «Шахаб-3», размещенные на мобильных пусковых установках, были показаны на военном параде в Тегеране. Диктор, комментирующий происходящее на параде, объявил, что дальность пуска ракет «Шахаб-3» составляет 1800 км.

– В октябре 2003 г. Иран объявил о приостановке программы разработки «Шахаб-4», мотивируя это тем, что планируемое увеличение дальности стрельбы этих ракет (2200–3000 км) вызовет нежелательную реакцию международного сообщества и создаст излишнюю напряженность в сфере безопасности.

– К концу 2003 г. Иран начал ограниченное производство ракет «Шахаб-3».

– 11 августа 2004 г. иранские специалисты уменьшили размер боеголовки ракеты «Шахаб-3» и ее конфигурацию, приспособив к более эффективному входу в плотные слои атмосферы. Кроме того, была модернизирована двигательная установка. В этом варианте усовершенствованная «Шахаб-3» часто упоминается как «Шахаб-3М». Теперь ракета имеет меньшую по размерам головную часть, напоминающую бутылочное гор-

лышко. Такая форма имеет преимущества перед конусообразной в случае использования контейнеров для доставки химических и биологических веществ. Предполагается, что ракета имеет дальность полета порядка 2 тыс. км с 700-килограммовой головной частью. Возможна и другая модификация с большим стабилизатором, укороченной длины, но при этом с дальностью полета меньшей, чем 1500 км.

– 31 мая 2005 г. министр обороны ИРИ Али Шамхани заявил, что Иран успешно испытал новый твердотопливный ракетный двигатель. Он обеспечивает ракете дальность полета порядка 1,5–2 тыс. км с 700-килограммовой головной частью. Али Шамхани сказал: «Использование твердого топлива более надежно и обеспечит увеличение дальности полета ракеты». Предположительно, этот твердотопливный вариант «Шахаб-3» получил индекс D. А сама ракета «Шахаб-3D» стала иногда именоваться ракетой IRIS.

– В сентябре 2005 г. осуществлено испытание двух новых ракет с трехметровой головной частью типа «бутылочное горлышко». Две ракеты «Шахаб-3» с подобными головными частями были показаны на параде в Тегеране.

– 16 февраля 2006 г. Иран сообщил, что успешно завершил серию летных испытаний. Были произведены запуски четырех ракет, включая один из вариантов «Шахаб-3» и ракеты «Шахаб-4» с дальностью стрельбы 1,3 и 2,2 тыс. км соответственно.

– 7 апреля 2006 г. лондонское издание «The Telegraph» сообщило, что Иран преуспел в том, чтобы приспособить конусообразную головную часть ракеты «Шахаб-3» для размещения в ней ядерного оружия. Предположительно, «Шахаб-3» был модернизирован для того, чтобы нести пакистанскую версию ядерной боеголовки.

– В сентябре 2006 г. поступило неподтвержденное сообщение, что Иран обладает более чем 30 ракетами «Шахаб-3» и 10 мобильными пусковыми установками.

– 23 ноября 2006 г. Иран применил ракеты «Шахаб-3» на крупных военных учениях. Предположительно, это была версия «Шахаб-3» с дальностью полета 1,9 тыс. км, оснащенная, по опубликованным данным, кассетными бомбами.

– 8–10 июля 2008 г. иранские СМИ сообщили о серии летных испытаний в рамках крупных военных учений «Великий Пророк-3». Были успешно запущены ракеты «Шахаб-3» с головной частью в одну тонну и дальностью полета 2 тыс. км.

В последнее время поступает много противоречивых сообщений о развитии и осуществлении в Иране ракетной программы «Шахаб».

Еще в 2004 г. представители оппозиционного исламскому режиму в Иране «Организации моджахедов иранского народа» (ОМИН) утверждали, что в Иране создана ракета «Шахаб» с дальностью стрельбы порядка 2,4 тыс. км. Официальный Тегеран отрицает наличие в стране ракеты с дальностью стрельбы более 2 тыс. км. Об этом заявил член иранской делегации в ООН Мортеза Раманди.

Однако в том же 2004 г. появились данные, что в рамках программы «Шахаб» создан «Шахаб-3В», дальность полета которого составила 2,5 тыс. км. Считается, что эта ракета имеет твердотопливный двигатель как для первой, так и для второй ее ступени. Но ожидаемый полезный груз ее головной части составлял только 800 кг, что на 500 кг меньше, чем стандартный «Шахаб-3».

В соответствии с другой информацией, новая твердотопливная ракета, при создании которой использовались элементы «Шахаб-3», является скорее только одной из многих испытательных моделей, нежели законченным изделием. В любом случае отмечается прогресс в развитии технологий твердотопливных двигателей. В рамках программы «Шахаб-3» с двигателем на твердом топливе, как уже было отмечено, был создан еще один вариант этой «линейки» – «Шахаб-3D» или ракета IRIS. По оценке некоторых специалистов, это свидетельство того, что со временем Иран сможет создать собственные ракетоносители, способные как вывести на орбиту космические спутники, так и обеспечить дальность стрельбы порядка 5–6 тыс. км. Именно для решения этой проблемы в ИРИ ведутся работы над «Шахаб-5» и «Шахаб-6».

26 января 2007 г. Тегеран сообщил о выводе на орбиту с помощью своего ракетоносителя искусственного спутника Земли (ИСЗ). Такая информация не была подтверждена независимыми источниками. По видимому, речь шла о так называемом зонде, который не мог совершить одного витка вокруг Земли и, следовательно, не являлся ИСЗ. И хотя «Шахаб-3D» (или вариант IRIS) не может самостоятельно вывести на орбиту ИСЗ, один из ее вариантов мог бы стать частью проекта разработки баллистической ракеты средней дальности (БРСД) в рамках программы «Шахаб-5» или «Ша-

хаб-6». Вполне вероятно, что в космическом проекте могли бы быть задействованы пакистанские проекты «Ghadr». К слову сказать, никакие испытательные полеты «Шахаб-3D» (или вариант IRIS) не были зарегистрированы съемкой, но все же считается, что они имели место в реализации космической программы Ирана.

Далее приведен календарь испытательных пусков модификаций «Шахаб-3» и IRIS:

- 15 июля 2000 г. проведены успешные летные испытания. Ракета пролетела 850 км.

- 21 сентября 2000 г. состоялось неудачное испытание. Ракета была подорвана практически сразу после старта. По информации иранской стороны, ракета была двухступенчатой с твердотопливной двигательной установкой.

- 23 мая 2002 г. проведены успешные летные испытания.

- В июле 2002 г. состоялось неудачное испытание.

- В июне 2003 г. прошли успешные летные испытания, что позволило Тегерану заявить о начале боевого развертывания этого ракетного комплекса.

- 11 августа 2004 г. проведены успешные летные испытания ракеты «Шахаб-3М» с новой головной частью.

- 20 октября 2004 г. вновь прошли успешные летные испытания «Шахаб-3М». По заявлению Тегерана, дальность полета ракеты составила 2 тыс. км.

- 25 февраля 2007 г., по информации иранской стороны, состоялся суборбитальный полет ракеты «Шахаб-3А». Подробности этого летного испытания не ясны до сих пор. Возможно, Тегеран предпринимал попытку вывести на орбиту ИСЗ.

- 4 февраля 2008 г. Иран проводит успешные летные испытания ракеты «Кавешгяр-1» («Исследователь-1»). Одновременно проходит проверку только что созданный первый национальный космический центр в 60 км к юго-востоку от города Семнан. «Кавешгяр-1» – это вариант одноступенчатой баллистической ракеты средней дальности «Шахаб-3В» с головной частью «бутылочное горлышко».

Сегодня стало ясно, что Иран вполне способен осваивать и развивать ракетные технологии в целях увеличения дальности полета и веса головной части. В рамках программы «Шахаб» эти ракеты получили название «Шахаб-4», «Шахаб-5», «Шахаб-6». По данным на сентябрь 2006 г., ни одна из этих ракет не производилась.

Некоторые эксперты полагают, что ракета «Шахаб-4» имеет дальность полета в пределах 2,2–2,8 тыс. км. Они утверждают, что конструкция «Шахаб-4» основана или на северокорейской No Dong-2, или трехступенчатой ракете Taer-o-dong-1, или российской SS-N-6, SS-4 и SS-5. Однако эта ракета оснащена современной системой управления и наведения на цель в отличие от старых советских ракет SS-4, технология производства которых, как полагают, была передана в свое время Северной Корее.

«Шахаб-4», по оценкам некоторых специалистов, имеет следующие тактико-технические характеристики: высота изделия – 25 м, диаметр 1,3 м, стартовый вес 22 т. Участок активного полета преодолевается за 293 сек.

Наблюдатели отмечают, что Иран, вероятно, пересмотрел свою программу «Шахаб-4» из-за возможных международных осложнений. Однако затем было объявлено, что ракета «Шахаб-4» может быть использована в качестве ракетопносителя для ИСЗ. Согласно неподтвержденным данным из оппозиционного исламскому режиму Национального совета сопротивления Ирана (NCRI), Иран впервые запустил ракету «Шахаб-4» 17 августа 2004 г.

В мае 2005 г. бывший тогда министром обороны ИРИ Али Шамхани объявил об успешном создании и совершенствовании «двойного двигателя» (twin engine). Этот «двигатель» был понят наблюдателями как двухступенчатая ракета, в каждой ступени которой имелся свой твердотопливный двигатель. Начальные предположения, что это улучшенная версия «Шахаб-3» были опровергнуты. Но иранские источники не разъяснили свои утверждения о создании нового двигателя, поэтому сейчас трудно сказать, был ли он создан вообще и использовался ли он на «Шахаб-4» или «Шахаб-5».

Иранский министр обороны Мостафа Мохаммад Наджар заявил на одной из пресс-конференций в 2006 г., что иранские конструкторы находятся в процессе «исследований, доводки и построения» ракеты «Шахаб-4».

Согласно немецким СМИ, Иран успешно продвигается в реализации программы «Шахаб-4». В феврале 2006 г. немецкое агентство печати сообщило, что 17 января того года Иран успешно испытал ракету «Шахаб-4» с дальностью полета 2,2 тыс. км. Несколько дней спустя об этих испытаниях объявил по иранскому телевидению главнокомандующий КСИР. Кроме того,

по некоторым данным, испытания этой ракеты были прекращены после успешного отделения головной части.

В 2008 г. мировые СМИ заявили о двух суборбитальных летных испытаниях иранских ракет. 4 февраля состоялось испытание ракеты «Кавешгяр-1» («Исследователь-1»). 26 ноября в СМИ появились сообщения, что Иран осуществил запуск в космос ракеты «Кавешгяр-2» («Исследователь-2»). Обе ракеты, по данным СМИ, достигли высоты в 200–250 км над поверхностью Земли, и через 40 мин. их головные части спустились на Землю при помощи парашютов. Однако некоторые специалисты считают, что иранцам все же удалось вывести на околоземные орбиты макеты спутников (то есть изделий без специальной аппаратуры, но подающих радиосигналы). По некоторым данным, этими ракетами, предположительно, были модернизированный «Шахаб-3S» (с индексом S, вполне допустимо – satellite), хотя, конечно, не исключается, что здесь «замешан» и «Шахаб-4». Но вероятнее всего, «Шахаб-3S» был именно той ракетой, которая совершила суборбитальные полеты 4 февраля и 26 ноября 2008 г. под именованиями – «Кавешгяр-1» и «Кавешгяр-2».

По сообщениям израильской разведки, Иран не оставляет попыток создать «Шахаб-5» и «Шахаб-6» с дальностью полета 3 и 5 тыс. км соответственно.

Некоторые военные специалисты полагают, что «Шахаб-5» вообще является крылатой ракетой с дальностью полета порядка 3 тыс. км, созданной в рамках программы «Шахаб», но имеющей много черт, присущих как ракетам «Шахаб», так и американским «Тамагавкам». По другим сведениям, «Шахаб-5» является модернизацией ракеты «Шахаб-4».

Проекты ракет «Шахаб-5» («некрылатый» вариант) и «Шахаб-6» основаны на северокорейской Taer.o-dong-2. Иранские аналоги, как предполагается, будут трехступенчатыми. Причем первая и вторая ступени должны быть с жидкостными двигателями, а третья – твердотопливная. Безусловно, если Иран сумеет создать ракету «Шахаб-6», то войдет в число стран, обладающих межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), что сделает ИРИ мировой ракетной державой.

Но следует отметить, что израильские как СМИ, так и официальные источники порой преувеличивают успешность иранских усилий, направленных на создание ракетно-ядерного потенциала, как оценивая возможности ИРИ, так и реальные

темпы выполнения программ. С одной стороны, обеспокоенность Израиля вполне понятна, а с другой, – это мешает объективно взвешивать складывающуюся ситуацию.

Кроме того, сами иранские власти стремятся за дымом пиаровских акций или возвеличить свои ракетно-ядерные достижения или, наоборот, набросить на них пелену таинственности.

В связи с этим сегодня трудно однозначно установить, были ли «Шахаб-5» (как возможный вариант крылатой ракеты, так и обычный вариант) и «Шахаб-6» испытаны и построены. Ведь до сих пор слишком мало объективной информации о проекте «Шахаб-5» и еще меньше известно о «Шахаб-6».

Так, имеющиеся данные были получены на основе экстраполяции характеристик северокорейской ракеты «Таер.о-dong-2». Обычный (некрылатый) вариант «Шахаб-5» – это трехступенчатая ракета, обладающая шестью силовыми установками – четыре на первой ступени, по одной на каждой из остальных; высота ракеты – 32 м; диаметр – 2,2 м; стартовый вес – 80–85 т; дальность стрельбы порядка 4–4,3 тыс. км; полезная нагрузка (вес головной части) – от 700 и 1 тыс. кг; активный участок полета – 330 сек.

Аналитики предположили, что «Шахаб-6» – это двух- или трехступенчатая ракета с жидкостными и твердотопливными двигателями. В ракете «Шахаб-6» используется большинство тех же самых систем, как и в «некрылатой» «Шахаб-5». Однако снижение веса ракеты и полезной нагрузки увеличивает дальность полета приблизительно до 6 тыс. км. По мнению специалистов, ракета «Шахаб-6» предназначена, чтобы нести головную часть весом порядка 500–1000 кг.

По некоторым данным, ракета «Шахаб-6» имеет значительное круговое вероятное отклонение (КВО). В результате ее возможности по поражению точечных целей малы, поэтому наиболее эффективное использование «Шахаб-6» возможно лишь по большим площадям, прежде всего по крупным городам. Это дает право говорить о ракете «Шахаб-6» как об оружии политического шантажа.

Хотя программа «Шахаб» является, по всей видимости, приоритетом ракетостроения ИРИ, но вне ее рамок также ведется работа по вооружению страны ракетами. Так, израильский специалист по ракетной технике Узи Рубин утверждает, что Иран приобрел в Северной Корее 18 пусковых установок мобильных ракет BM25 с дальностью стрельбы порядка 2,5–3 тыс. км.

Кроме того, Узи Рубин считает, что иранцы контрабандным путем получили с Украины несколько советских крылатых ракет Х–55 (Kh–55), которые не были взяты на вооружение ВС ИРИ, но, вероятно, использовались как основа для копирования и клонирования при создании собственных образцов аналогичного типа. Здесь надо отметить, что, действительно, Иран приобрел у Украины эти крылатые ракеты, но совершенно официально, что вызвало негативную реакцию со стороны Вашингтона. Ракеты Х–55 (Kh–55) используются иранцами в качестве ракет-мишеней, а также сверхзвуковых беспилотных летательных аппаратов.

Таким образом, в настоящее время Иран обладает ракетами с дальностью полета до 2–2,3 тыс. км и реальным потенциалом создать ракетоносители, способные покрывать расстояния до 6 тыс. км. Однако здесь возникают вопросы следующего плана.

Во-первых, о надежности уже имеющихся ракет. Как свидетельствует советский и российский опыт, до принятия ракеты на вооружение она проходит длительный путь испытаний в различных условиях. Испытательный цикл длится годами и включает до 10–15 летних испытаний в год. Как мы видим из вышеприведенных данных, иранские ракеты всевозможных модификаций не проходили подобных испытаний. Это свидетельствует о том, что надежность имеющихся в наличии ИРИ ракет не может отвечать необходимым требованиям, что, безусловно, самым отрицательным образом грозит сказаться при их боевом применении и привести к катастрофическим последствиям.

Второй вопрос – о реальности действительной дальности полета ракет. Многие модификации «Шахаб», по иранским данным, обладают дальностью более 1,5 тыс. км. Но как проверялись эти характеристики? Напомним, расстояние между северо-западной и юго-восточной точками иранской территории составляет немногим более 2 тыс. км. Если принять во внимание, что ракетные полигоны не находятся у самых границ, то в Иране нет возможности в полной мере проводить реальные пуски ракет на подобные расстояния без угрозы нарушения границ сопредельных государств.

Буквально недавно были опубликованы данные, полученные на основе фотографий, сделанных разведывательным спутником QuickBird. По словам экспертов Массачусетского технологического института, входящих в действующую при ин-

ституте рабочую группу Science, Technology and Global Security, на этих снимках зафиксированы монтажно-испытательный корпус и технические конструкции для обслуживания баллистических ракет большой дальности. Группа таких объектов расположена в 230 км юго-западнее Тегерана. То есть практически в центре страны.

Другой основной полигон иранских ракетных войск расположен недалеко от Исфагана (тоже практически в центре страны).

Кроме того, нет сведений, что иранские власти официально объявляли определенные площади акватории Индийского океана закрытыми для судоходства в связи с предстоящими пусками ракет в эти «квадраты». Хотя здесь следует отметить, что в последние несколько лет во время многочисленных учений ВМС ИРИ иранские власти перекрывали определенные площади акваторий Оманского залива и Аравийского моря. Вполне вероятно, что это делалось и для ракетных стрельб с территории Ирана. Причем показательно, что площади запретных зон на акваториях год от года уменьшались, причем в несколько раз. Это может свидетельствовать о том, что точность пусков ракет увеличивается, а их КВО уменьшается.

С другой стороны, конечно, максимальную дальность вполне возможно узнать путем математических расчетов в ходе летных испытаний без полного выгорания ракетного топлива. Но все же это будут лишь ориентировочные данные. Без полномасштабных испытаний с многократными реальными пусками на максимальную (предельную) дальность нельзя говорить о готовности ракеты надежно выполнять предназначенные ей функции.

Из приведенной выше информации вполне корректно сделать вывод, что несмотря на все трудности и недостатки, потенциал ракетостроения в Иране высок. Причем Тегеран успешно шаг за шагом превращает этот потенциал в реальную боевую мощь.

В своем портфеле наработок иранские ракетчики имеют многочисленные варианты перспективных ракетных систем, которые если не сегодня, то в ближайшие пять-семь – десять лет могут стать реальной основой для создания на первом этапе современных баллистических ракет средней дальности (по своим возможностям приближающихся к МБР), а затем и собственно межконтинентальных баллистических ракет. Один

лишь штрих – вывод спутника на орбиту – это уже огромный шаг на пути создания стратегических ракет.

Но это перспективы. Если же сравнивать с имеющимся потенциалом и открывающимися возможностями, то сегодня Иран оснащен ракетами довольно скромно (хотя и достаточно расчетливо).

Так, Центральное ракетное командование, подчиненное непосредственно Верховному главнокомандующему – Духовному лидеру страны, объединяет пять ракетных бригад:

Две бригады БРСД «Шахаб-3D» и «Шахаб-3M» (дальность стрельбы – 1300 км) – 32 пусковые установки.

Две бригады оперативно-тактических ракет «Шахаб-1» (дальность стрельбы – 285–330 км), «Шахаб-2» (дальность стрельбы – 500–700 км) – 64 пусковые установки.

Одна бригада тактических ракет.

Примечательно, что ракетные войска имеют только мобильные пусковые установки, что существенно повышает их живучесть. То есть на значительной территории огромной дуги северо-запада, запада и юго-запада Ирана, от Иранского Курдистана до Ормузского пролива созданы позиционные районы ракетных технических баз со складами, запасами горючесмазочных материалов и ракетного топлива, со своей инфраструктурой, развитой системой коммуникаций между ними.

Ракетные комплексы, находящиеся на боевом дежурстве, постоянно меняют свое месторасположение. Как правило, пусковые установки, замаскированные под обычные автомобильные фуры, сопровождают по две также замаскированные транспортно-заряжающие машины (ТЗМ) с двумя ракетами каждая. То есть боекомплект каждой ПУ составляет пять ракет. Ракеты на жидком топливе перемещаются не遠далеке от нейтрализационных (обеспечивающих безопасность заправки) и заправочных машин.

Необходимо отметить, что иранские конструкторы и инженеры-ракетчики смогли добиться несомненного успеха в модернизации оперативно-тактической ракеты «Фатех-110» (дальность стрельбы – 210 км). Они приспособили эту ракету «земля-земля» для старта с пусковых установок зенитно-ракетного комплекса (типа российского С-75).

Кроме ракетных войск, подчиненных непосредственно Верховному главнокомандующему, в вооруженных силах ИРИ ракетные части тактических ракет находятся также

в Армии (шесть ракетных дивизионов) и в КСИР (восемь ракетных дивизионов).

Таким образом, даже краткий анализ ситуации в иранском ракетостроении и в ракетных войсках свидетельствует, что Тегерану удалось сформировать многообразный и широкомаштабный арсенал тактических, оперативно-тактических ракет и самое главное – баллистических ракет средней дальности.

Уже сегодня иранские ракеты дают возможность военно-политическому руководству ИРИ держать под контролем регион Ближнего и Среднего Востока, включая Израиль, а также страны Центральной Азии. Иранские ракетные войска представляют определенную угрозу вооруженным силам США и их союзникам в Ираке и Афганистане. Более того, они способны контролировать не только военные базы региона, но и его промышленные центры, прежде всего объекты нефте- и газовых разработок и нефтегазовой инфраструктуры в целом.

Потенциал ракетостроения в Иране высок. Свидетельствами этому являются суборбитальные запуски иранских ракет и, возможно, вывод на околоземную орбиту малоразмерных объектов – макетов ИСЗ. Вполне вероятно, что при таких темпах работ в области ракетных НИОКР Иран в ближайшие пятьдесят лет сможет стать обладателем сначала баллистических ракет средней дальности, по своим возможностям приближающихся к МБР, а затем и межконтинентальных баллистических ракет.

В настоящее время возможности ракетных войск ИРИ ограничены обычными боевыми зарядами, однако созданная за последние годы мощная основа НИОКР в области ракетостроения (в первую очередь проект «Шахаб») позволяет Ирану в недалеком будущем соединить две программы – ядерную и ракетную для осуществления главной задачи – превращения Ирана в ракетно-ядерную державу.

2.3. Ракетно-ядерная мощь ИРИ в свете ирано-израильского противостояния

Вышеизложенное убедительно доказывает, что ракетно-ядерная мощь ИРИ создается достаточно высокими темпами. В этой связи вполне закономерно возникают следующие вопросы: а достаточна ли эта мощь для достижения военного

превосходства над своим «заклятым» врагом Израилем и что будет, если противостояние с ним перерастет в вооруженный конфликт? Проблема крайне сложна и не имеет простого решения. Тем не менее постараемся оценить ситуацию, конечно, с некоторыми допущениями.

Во-первых, следует отметить, что в отличие от «порогового» ядерного ИРИ Государство Израиль имеет такой статус де-факто. По экспертным оценкам, которые нашли свое подтверждение в заявлении бывшего президента США Джимми Картера, количество его ядерных боезарядов, по-видимому, созданных на основе плутония, составляет от 100 до 200 единиц. При этом ключевым объектом израильской ядерной программы служит тяжеловодный реактор (IRR-2) мощностью 26 МВт в Димоне, на базе которого создан Ядерный научно-исследовательский центр Негев. В стране имеются запасы природного урана в количестве не менее 25 тыс. т и освоено производство соответствующего ядерного топлива и тяжелой воды. Помимо реактора-наработчика оружейного плутония IRR-2 в Израиле действует радиохимический завод по регенерации отработанного ядерного топлива и выделению плутония-239, и, возможно, имеется опытное производство по обогащению урана. В последнем случае нельзя исключать наличие в стране даже термоядерных взрывных устройств.

Косвенным подтверждением ядерного статуса Израиля служит факт его военно-технического сотрудничества в ядерной сфере с ЮАР в конце 70-х годов. Учитывая, что в последующем правительство ЮАР заявило о создании и демонтаже шести ядерных взрывных устройств, нетрудно предположить их подобие израильским аналогам. Именно об этом и была информация еще в 1977 г. в журнале «Newsweek» на основе мнения ряда экспертов из американского разведывательного сообщества.

Во-вторых, среди всех стран Ближнего и Среднего Востока, включая Иран, Израиль обладает самыми совершенными потенциальными средствами доставки ядерного оружия, которые включают:

а) самолеты американского производства F-15 и F-16, а также изготовленные в Израиле многоцелевые истребители «Кфир»;

б) мобильные твердотопливные ракеты наземного базирования «Иерихон-2» и «Иерихон-3», максимальная дальность

действия которых составляет 1,5 и 2,5 тыс. км соответственно при полезной нагрузке не менее 1 т;

в) современные малозумные дизель-электрические подводные лодки германского производства с крылатыми ракетами большой дальности.

В третьих, в Израиле развернута наземная мобильная система ПРО «Arrow», предназначенная для поражения баллистических ракет средней и меньшей дальности (боеголовок) на конечном участке траектории их полета. К середине 2003 г. система включала две батареи: в районе столицы и южнее Хайфы. Позднее США оказали помощь Израилю в закупке третьей батареи, которую разместили вблизи центра ядерных исследований в Димоне. В составе одной батареи находятся 4–8 пусковых установок с 6 герметичными контейнерами на каждой (всего около 50 противоракет), РЛС управления огнем («Green Pine»), центр управления огнем («Citron Tree») и центр управления запуском («Hazelnut Tree»). РЛС управления огнем имеет круговой обзор и позволяет обнаруживать цели на расстоянии 800–960 км. перехват вражеских ракет планируется на высотах до 70 км с вероятностью не менее 90% (для гарантированного поражения мишени требуется запуск двух противоракет).

Система ПРО «Arrow» является частью более общего проекта «НОМА» (Хома – на иврите «стена»), предусматривающего создание эшелонированной противоракетной обороны всей территории страны для перехвата баллистических ракет (боеголовок) на всех участках полета: активном (разгона) и пассивном (среднем, конечном). Реализация этого проекта возможна только при тесном сотрудничестве с США, которые уже оказали помощь Израилю в развертывании комплексов «HAWK» и «Patriot» PAC-2, способных осуществлять перехват баллистических целей на высотах 15–25 км.

Первые пять батарей зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) "Хок" (HAWK) поступили на вооружение Израиля в 1965 г. Постепенно их количество наращивалось и к концу 70-х годов достигло 15 батарей. Причем после войны 1973 г. началась модернизация имеющихся ЗРК "Хок" в варианте "Усовершенствованный Хок" (Improved Hawk), которая охватила все имеющиеся комплексы этого типа. В состав обычной (стандартной) батареи ЗРК "Усовершенствованный Хок" входят: командный пункт батареи AN/TSW-8; два огневого взвода, в составе каждого из которых, помимо своего пункта управления

AN/MSW-11, имеется радиолокационная станция (РЛС) подсветки целей AN/MPQ-46 и 3 пусковые установки M192 с ракетами MIM-23B (всего 9 ракет); пункт автоматической обработки данных AN/MSQ-95, РЛС целеуказания на малых высотах AN/MPQ-48, импульсная РЛС целеуказания на больших и средних высотах AN/MPQ-50, импульсный радиолокационный дальномер AN/MPQ-51 и ряд других средств и специального оборудования. В результате последних модернизаций максимальная высота поражения целей этим ЗРК достигла 24 км и появилась возможность перехвата тактических и оперативно-тактических баллистических ракет. В то же время комплекс уже морально устарел и, по-видимому, будет постепенно сниматься с вооружения. Нынешняя численность таких ЗРК составляет порядка 77 батарей.

Зенитно-ракетные комплексы «Patriot» PAC-2 впервые появились в Израиле во время первой войны в Персидском заливе, в январе 1991 г. Каждый такой комплекс предназначался для защиты района площадью 30x30 км от иракских ракет "Скад". Однако в то время их эффективность была достаточно ограниченной: почти 40 иракских ракет взорвались на территории Израиля, в основном в Гуш-Дане и Хайфе. Позднее комплекс был доработан, что позволило повысить его эффективность. К настоящему времени на территории Израиля развернуты четыре батареи «Patriot» PAC-2, в состав каждой из которых входят 32 транспортно-пусковых контейнера с управляемыми ракетами типа MIM-104, многофункциональная РЛС MPQ-53, станция управления перехватом MSQ-104, станция энергоснабжения MJQ-24 и ряд других средств и специального оборудования. Для повышения эффективности перехвата по каждой из целей выпускается по две ракеты типа MIM-104.

В декабре 2007 г. на территории Израиля был испытан усовершенствованный зенитно-ракетный комплекс «Patriot» PAC-3. В частности, комплекс оснащен ракетами ERINT с новой системой наведения, что повышает вероятность поражения цели, и модернизированной РЛС, имеющей большую дальность обнаружения, улучшенные возможности по классификации, распознаванию и идентификации целей, а также большую живучесть.

Помимо этого, Израиль стремится закупить для целей ПРО американский авиационный комплекс лазерного оружия (ABL) или создать собственный путем установки лазера на беспилотный летательный аппарат.

Система ПРО Израиля была существенно усилена после доставки в сентябре 2008 г. на базу ВВС Израиля «Неватим» (Nevatim) в пустыне Неgev мобильной РЛС передового базирования (FBX-T) AN/TPY-2, дальностью 1,9 тыс. км и предназначенной для обнаружения и отслеживания баллистических ракет сразу после их пуска. Одновременно прибыли необходимое вспомогательное оборудование, средства для охраны объекта и 120 американских военнослужащих в качестве обслуживающего персонала. Причем израильским военным доступ на эту РЛС был закрыт, но дано обязательство передавать получаемые данные на командный пункт системы ПРО «Arrow».

Казалось бы, имея такой потенциал, Израиль может быть уверен в своей неуязвимости. Однако ввиду ограниченности собственной территории (143-я страна по площади в мире) и достаточно высокой плотности населения (свыше 300 чел./км²) для уничтожения подавляющей части жителей страны достаточно двух ядерных боеголовок средней мощности или четырех, несущих биологическое оружие. В современных условиях исключить подобное нельзя ввиду как широкого распространения в регионе ракет и ракетных технологий, так и роста возможностей по оснащению боеголовок химическим, биологическим, а в перспективе и ядерным оружием. В этой связи израильское руководство, понимая невозможность стопроцентного уничтожения вражеских ракет (боеголовок) средствами ПРО, основную ставку делает на упреждающий удар. Последний особенно опасен в отношении столь крупной страны, как Иран, если Тегеран сможет получить достаточное количество современных средств ПВО, например – зенитных ракетных систем большой и средней дальности «Триумф» (С-400). В этом случае имеющегося у Израиля потенциала средств в обычном оснащении для нанесения соответствующего удара по ИРИ может не хватить, что вынудит руководство страны пойти на применение ядерного оружия, впервые в общемировой практике после 1945 г. Именно поэтому российскому руководству следует, вопреки желанию Тегерана, в ближайшей и даже в среднесрочной перспективе воздерживаться от продажи в ИРИ современных средств ПВО.

С учетом вышеизложенного особый интерес представляет вопрос о том, как в Израиле видят возможные пути решения иранской ядерной проблемы. С этой целью проведен анализ материалов Института исследований в сфере национальной

безопасности (Institute for National Security Studies), расположенного в Тель-Авиве. По мнению израильской стороны, возможны следующие сценарии развития возможных событий:

А. ИРИ создает ядерное оружие и возникает вопрос о его ликвидации политико-экономическими или военными средствами;

Независимо от того, кто будет наносить по Ирану военный удар (Израиль или США), после приобретения Тегераном ядерного статуса уничтожение соответствующего оружия будет намного трудней, чем на этапе его создания. Реализация же такой задачи практически находится на грани возможного, так как потребует точных разведывательных данных не только о местах производства ядерного оружия, которые чрезвычайно тяжело скрыть от современных средств технической разведки, но и о местах складирования ядерных боеприпасов. Скрытно разместить последние намного легче ввиду как существенной ограниченности демаскирующих признаков, так и самих их размеров.

Аналогичный вопрос возникает и в отношении мобильных иранских ракет «Шахаб-3», дальность полета которых достаточна для достижения израильской территории. Опыт последней войны в Ираке (2003 г.) показал, что полностью уничтожить мобильные ракеты только воздушными средствами поражения достаточно сложно. А если Иран сможет сохранить часть ракетно-ядерного потенциала, то с высокой степенью вероятности он нанесет именно по Израилю ответный удар (вероятность ответного ракетного удара по американским военным объектам, размещенным на Ближнем и Среднем Востоке, сравнительно мала ввиду несоизмеримости военных потенциалов). Следовательно, получение ИРИ ядерного статуса резко ограничивает возможности подавления мощи Ирана военными средствами силами не только Израиля, но и США.

В отличие от Северной Кореи заставить Иран ликвидировать уже созданное ядерное оружие политико-экономическими мерами достаточно проблематично ввиду его высокой степени самодостаточности. Конечно, существует пример ЮАР, которая в 1990–1991 гг. под давлением международного сообщества ликвидировала собственные ядерные боеприпасы вместе с соответствующей инфраструктурой и технической документацией. Комплексные ядерные программы военной направленности имелись также в Бразилии и Аргентине, но они были прекращены в первой половине (середине) 90-х годов, в основном

под давлением США, по экономическим причинам и ввиду ослабления аргентино-бразильского противостояния после прихода к власти в Бразилии гражданского правительства. По-видимому, именно экономические причины в совокупности с проблемой передачи власти привели и к остановке ливийской ядерной программы в 2003 г. Однако и этот опыт распространить на Иран не представляется возможным, так как страна не стоит перед историческим выбором пути своего дальнейшего развития, а подавляющее большинство населения считает, что реализация собственной ядерной программы отвечает иранским национальным интересам. Кроме того, ИРИ уже находится в режиме международных санкций со стороны Совета Безопасности ООН, но это лишь замедлило продвижение ее национальной ядерной программы.

Руководство Израиля ясно понимает, что оно может только косвенно, путем переговоров с дружественными государствами, предоставления им соответствующей разведывательной информации и лоббирования собственных интересов в их законодательной и исполнительной ветвях власти, влиять на политико-экономические меры, предпринимаемые в отношении Ирана со стороны международного сообщества. А наличие собственного ядерного оружия и очевидная невозможность его ликвидации даже в случае предоставления Израилю гарантий безопасности со стороны США или НАТО крайне сковывают возможности Израиля и ряда арабских стран по созданию на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Такая инициатива, активно продвигаемая Египтом, может стать, пожалуй, единственной возможностью остановить региональную гонку ядерных вооружений, если Тегеран получит ядерный статус.

На самом деле элементы сдерживания между Израилем и Ираном уже существуют. Они основываются на понимании в Тегеране реальной возможности при исключительных обстоятельствах нанесения по иранским объектам израильского военного удара как обычными средствами поражения, так и ядерными. Аналогично и в Израиле отдают себе отчет в том, что ИРИ способна предоставить (если уже не предоставила) ракетное вооружение повышенной дальности (свыше 100 км) ливанской группировке «Хизбалла», палестинским движениям ХАМАС и «Исламский джихад» и подтолкнуть их к нанесению по Израилю массированного удара, а также использовать для этих целей ракеты «Шахаб-3». К моменту же получения Ира-

ном ядерного статуса, если такое произойдет, Израиль будет вынужден пойти на следующие шаги:

- установить собственное радиолокационное наблюдение над всей иранской территорией с целью своевременного обнаружения пуска баллистических ракет;
- организовать постоянное дежурство наземных носителей ядерного оружия и средств ПРО;
- начать морское (воздушное) патрулирование соответствующих носителей ядерного оружия с целью гарантированного нанесения по ИРИ ответного удара;
- ускорить работы по созданию и развертыванию авиационного комплекса лазерного оружия как составной части национальной системы ПРО.

Конечно, все эти меры не позволят Израилю обеспечить полноценное ядерное сдерживание Ирана, а в условиях относительной территориальной близости обеспечить ответный ядерный удар просто невозможно. Тем не менее гарантированное нанесение ответного удара и создание эффективной национальной системы ПРО должно повлиять на мнение тех в Тегеране, кто не исключает саму возможность нанесения ядерного удара.

Б. ИРИ создает инфраструктуру, которая может быть использована для создания и производства ядерного оружия.

Очевидно, что после создания Ираном ядерного оружия Израиль самостоятельно, с помощью обычных средств поражения уничтожить его не сможет. Успех такой операции сомнителен даже в случае ее осуществления ВС США. Совершенно другое дело, если ИРИ только создает ядерную инфраструктуру. В этом случае Израиль может попытаться уничтожить ее даже в одиночку. Однако необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, военный потенциал Израиля не достаточен для осуществления продолжительной операции против Ирана. По-видимому, длительность израильских ракетно-бомбовых ударов составит всего несколько дней, а список пораженных объектов будет достаточно ограниченным. Причина этого заключается в достаточной удаленности от целей израильских военно-воздушных баз (порядка 1,5 тыс. км), отсутствии дальней авиации, недостаточности средств поражения большой дальности и крайней ограниченности парка самолетов-топливозаправщиков.

Во-вторых, Израиль и ИРИ не имеют общей границы. В этой связи для нанесения ударов израильским военно-воздушным силам необходимо будет заблаговременно получить воздушный коридор. Наиболее вероятный путь нанесения такого удара проходит через Иорданию и Ирак, что потребует согласия со стороны Вашингтона. Получить же последнее от президента-демократа Барака Обамы будет достаточно проблематично. Еще менее реально нанесение воздушных ударов через Сирию и турецкую часть Курдистана ввиду крайне жесткой реакции со стороны Анкары и стремления Израиля нормализовать отношения с Дамаском.

В-третьих, для нанесения авиационного удара придется использовать ракеты класса «воздух-земля», дальность пуска которых составляет от 40 до 150 км, что неизбежно потребует входа в зону действия иранских средств ПВО. И хотя на вооружении военно-воздушных сил Израиля имеется около 40 самолетов разведки и радиоэлектронной борьбы (РЭБ), помимо 10 самолетов-разведчиков RF-4E, потери израильского самолетного парка, по-видимому, будут неизбежными.

В-четвертых, вызывает сильные сомнения возможность уничтожения в первом ударе всех иранских мобильных ракетных комплексов, что неизбежно приведет к ответному удару со стороны ИРИ. В значительной степени это имеет отношение и к иранской ядерной инфраструктуре. Как следствие, Тегеран сразу прекратит любые взаимоотношения с МАГАТЭ и немедленно приступит к наработке оружейного урана, развернув для этого дополнительные обогатительные производства в местах, наиболее удаленных от территории Израиля.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что израильский удар по ИРИ обычными средствами поражения может иметь смысл только при военной поддержке со стороны Вашингтона. В противном случае, это только спровоцирует Тегеран на создание ядерного оружия в минимально возможные сроки.

Таким образом, анализ темпов развития иранских ядерной и ракетной программ убеждает в том, что потенциальные угрозы ИРИ надо воспринимать достаточно серьезно. Конечно, перед иранскими специалистами стоит огромное множество сложных технических проблем, усугубляемых отсутствием международного сотрудничества в условиях сохраняющейся политической изоляции. Тем не менее путем крайнего напряжения

Ирану удастся наращивать свой ракетно-ядерный потенциал, создавая беспокойство для всех окружающих государств. К сожалению, в первую очередь для США и Израиля. Складывающаяся региональная обстановка крайне затрудняет реализацию против Тегерана военного сценария, во всяком случае в ближайшее время. В связи с этим, учитывая результаты президентских выборов США и усиливающееся внутривнутриполитическое противостояние внутри Государства Израиль, особую опасность представляет возможность самостоятельного военного удара по ИРИ со стороны Израиля, что только усугубит иранскую ядерную проблему и, по-видимому, приведет ИРИ к получению ядерного статуса. Для международного сообщества гораздо разумнее не доводить ситуацию до стадии вооруженного конфликта ввиду крайне непредсказуемых последствий, а сосредоточиться на поиске других, невоенных путей решения этой проблемы. Именно этому и будут посвящены последующие главы представленной работы.

Глава III. ХРОНОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА, СВЯЗАННОГО С ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ

3.1. Возникновение кризиса

Начало обострения вокруг иранской ядерной программы следует отнести к 2002 г. Именно тогда иранскому руководству, которому в течение долгого времени удавалось скрывать истинные масштабы своей ядерной программы, впервые были предъявлены серьезные обвинения в связи с его незаконной деятельностью в рамках ДНЯО как безъядерного государства. А иного и быть не могло, так как в современных условиях, в отличие от опытно-конструкторских работ, этап крупного производства в ядерной области скрыть практически невозможно. Как следствие этого, в августе 2002 г. оппозиционная иранскому режиму группировка "Организация моджахедов иранского народа" публично предоставила доказательства наличия в Иране двух неизвестных ранее ядерных объектов: по производству тяжелой воды в Араке и обогащению урана в Натанзе. Позднее американские космические средства подтвердили эту информацию. В результате Вашингтон смог поставить вопрос о том, что Иран занимается незаявленной в МАГАТЭ деятельностью. Так, в декабре 2002 г. американское телевидение продемонстрировало спутниковые снимки этих секретных ядерных объектов, после чего Иран был вынужден допустить к ним инспекторов МАГАТЭ. С этого времени иранская ядерная программа постоянно находится в центре внимания международного сообщества. Причем нарушения, допущенные Тегераном, носят в основном технический характер, но совершенно по-разному трактуются оппонентами Ирана.

Действительно, в мае 1974 г. Иран подписал с МАГАТЭ Соглашение о всеобъемлющих (comprehensive) гарантиях для неядерных государств-участников ДНЯО. По этому документу неядерное государство обязуется информировать МАГАТЭ о ядерных материалах, которые оно импортирует или производит внутри

страны, и сообщать обо всех местах, где они находятся. Инспектора же Агентства проводят независимую проверку и дают оценку полноты и точности полученной информации. К 2003 г. строительство выявленных ядерных объектов еще не было завершено, и на них отсутствовали ядерные материалы, поэтому Тегеран, с формальной точки зрения, не обязан был информировать МАГАТЭ о положении дел в этих точках. В то же время тайное сооружение объектов в Араке и Натанзе позволяет усомниться в исключительно мирной направленности иранской ядерной программы. И неизвестно, присоединилась бы ИРИ к ДНЯО сегодня, если бы шахский Иран не заключил его в 1968 г. Вполне возможно, что в случае отсутствия таких международных обязательств Иран пошел бы по пути Индии, Пакистана и Израиля.

В 2003 г. иранский ядерный кризис продолжал углубляться. В феврале Тегеран признал факт установки 100 газовых центрифуг Р-1 для обогащения урана на опытном предприятии в Натанзе, планируя к концу года увеличить их количество до 900. В мае Франция предоставила ГЯП материалы, обвиняющие Иран в осуществлении военной ядерной программы. В августе появилась информация об обнаружении инспекторами МАГАТЭ следов высокообогащенного урана на предприятии в Натанзе. К осени международное сообщество окончательно убедилось в потенциальной возможности Ирана осуществлять обогащение урана. Уже завершилось строительство опытного завода, на котором были установлены 160 газовых центрифуг Р-1, а еще 1000 были готовы к монтажу. Там же имелись подземные помещения промышленного производства общей площадью 60 тыс. кв. м, что позволяло установить около 50 тыс. центрифуг.

В сентябре 2003 г. МАГАТЭ фактически предъявило Ирану ультиматум: до конца октября Тегеран должен был подписать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о сохранении гарантий и ответить на все вопросы о своей ядерной программе, иначе его досье будет передано на рассмотрение СБ ООН, что может привести к введению против Ирана экономических санкций. Тегеран решил временно отступить, что было в значительной степени обусловлено военными успехами США в Ираке. Руководство страны осознавало реальную возможность применения против ИРИ силы, поэтому пошло навстречу международному сообществу. В этот период у многих возникло ощущение, что иранскую ядерную проблему можно будет решить в ближайшем будущем.

3.2. Несбывшиеся надежды

Напряженность вокруг иранской ядерной программы стала ослабевать после того, как 21 октября 2003 г. было достигнуто предварительное соглашение между Тегераном и «большой тройкой» ЕС (Великобританией, Францией и Германией). Иран согласился на широкое сотрудничество с МАГАТЭ в области своей ядерной программы, принял обязательство подписать Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, выполнять его требования до завершения ратификации, а также добровольно приостановить все работы по обогащению урана, регенерации облученного (отработанного) ядерного топлива и выделению плутония. В обмен на это ЕС предложил Ирану широкомасштабное экономическое сотрудничество.

Выполняя ранее взятые на себя обязательства, в ноябре 2003 г. Тегеран разрешил инспекторам МАГАТЭ проводить проверки иранских ядерных объектов без предварительного уведомления. Спустя месяц Тегеран подписал Дополнительный протокол (1997 г.) и принял на себя добровольные обязательства по его выполнению до завершения процесса ратификации. Одновременно с этим Иран продолжил переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС. Причем на период ведения переговоров он ввел временный мораторий на все работы в области обогащения урана и выделения плутония, а также прекратил монтаж новых газовых центрифуг в Натанзе, а сам объект поставил под контроль МАГАТЭ.

Переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС шел крайне сложно и медленно. Прогресса удалось достичь только через год, когда в сентябре 2004 г. был поставлен под контроль МАГАТЭ завод по конверсии урана в г. Исфагане. А в ноябре 2004 г. между Ираном и ЕС были подписаны так называемые Парижские соглашения о создании мер доверия к мирной направленности иранской ядерной программы. Со своей стороны ЕС обещал возобновить переговоры по экономическому сотрудничеству, поддержать заявку Тегерана о вступлении во Всемирную торговую организацию, рассмотреть возможность предоставления Ирану гарантий безопасности и содействовать приобретению им легководного ядерного реактора. В дальнейшем предполагалось согласовать новое широкомасштабное рамочное соглашение.

В соответствии с Парижскими соглашениями Тегеран добровольно ввел временный мораторий на все виды работ, связанных с обогащением урана (выделение плутония). Причем было зафиксировано, что мораторий – это шаг доброй воли со стороны Тегерана, следовательно, он может от него отказаться без всяких последствий для себя. В дальнейшем обе стороны неоднократно демонстрировали противоположное понимание ранее подписанного документа: Иран упирал на формулировки о временном характере моратория, а ЕС заявлял, что это только первый шаг к полному отказу от обогащения урана (выделения плутония). По-видимому, изменение первоначальной позиции ЕС было обусловлено давлением со стороны Вашингтона. К сожалению, реализовать Парижские соглашения без активного участия в этом процессе США было просто невозможно.

В феврале-марте 2005 г. и США, и Россия старались найти компромиссные варианты решения иранской ядерной проблемы. В то время США допускали возможность поддержать заявку Ирана на вступление в ВТО и частично снять ограничения с американо-иранской торговли, если Тегеран пойдет на определенные уступки. Такой шаг Вашингтона, без сомнения, означал его нежелание усугублять раскол между США и их европейскими партнерами по иранскому вопросу. Что можно также объяснить стремлением американских политико-формирующих кругов «переиграть» Россию, которая взяла курс на продолжение сотрудничества с Ираном в ядерной области и одновременно сняла последнюю озабоченность международного сообщества о направленности такого сотрудничества, подписав в конце февраля 2005 г. ряд документов, регламентирующих возврат ОЯТ с первого энергоблока Бушерской АЭС в Россию. Также не следует забывать и о позиции «либеральных интернационалистов», выступавших против усиления конфронтации США с Ираном и по-прежнему оказывавших определенное влияние на администрацию Дж.Буша.

23 марта 2005 г. в Париже Иран представил ЕС свой поэтапный план реализации национальной ядерной программы в области обогащения урана:

1-й этап – возобновление конверсии урана на предприятии в Исфахане, но сохранение моратория на обогащение урана;

2-й этап – производство, установка и тестирование 3 тыс. газовых центрифуг на предприятии в Натанзе, при этом гарантируется, что будет производиться только низкообогащенный

уран, который полностью пойдет на производство топливных сборок для АЭС;

3-й этап – промышленное обогащение урана в Натанзе на основе использования тысяч центрифуг с присутствием инспекторов МАГАТЭ и представителей ЕС в Исфохане и Натанзе;

4-й этап – продолжение промышленного обогащения урана в Натанзе и ратификация Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий.

Кроме этого, Тегеран был готов воздержаться на неопределенный срок от регенерации ОЯТ и выделения плутония, а также рассмотреть в будущем вопрос о прекращении строительства тяжеловодного ядерного реактора в Араке. Причем ни один из этих этапов, предложенных Ираном, не был ограничен временными рамками. Вводя ограничения на реализацию собственной ядерной программы и обязуясь не проводить военно-прикладных исследований в этой области, Тегеран призывал ЕС предоставить ему преимущества в сфере безопасности и торговли, в том числе в области ядерных технологий. ЕС отрицательно отнесся к этим предложениям, так как существовала неясность с дальнейшим использованием получаемых ядерных материалов.

Таким образом, весной 2005 г. переговоры по иранской ядерной проблеме зашли в тупик ввиду принципиального несовпадения занимаемых позиций. Тем не менее до иранских президентских выборов (июнь 2005 г.) каждая из сторон старалась не обострять ситуацию. В ЕС надеялись, что новым президентом станет Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани (президент Ирана в 1989–1997 гг.), который ради возвращения в большую политику пойдет на расширение сотрудничества с Западом. Именно поэтому ЕС защищал Иран от критики США, а МАГАТЭ подчеркивало, что в работе с Тегераном наблюдается прогресс. Однако дальнейшее развитие событий показало, насколько поверхностно на Западе знали реальную ситуацию в ИРИ.

3.3. Эскалация кризиса

Во время июньских президентских выборов 2005 г. победу в ИРИ одержали радикалы-консерваторы. Как следствие этого, новый иранский президент Махмуд Ахмадинежад в отличие от своего предшественника, пытавшегося установить неформаль-

ный диалог между Тегераном и Вашингтоном, занял крайне жесткую антиамериканскую позицию. Сразу после своего избрания Ахмадинежад заявил о том, что не видит смысла в восстановлении каких-либо связей ИРИ с США. По-видимому, такие заявления объяснялись не только влиянием на него экстремистских идей «хомейнизма», но и конъюнктурными внутривнутриполитическими соображениями.

Одновременно с этим иранское руководство стремилось укрепить свои международные связи. В июле 2005 г. Тегеран вступил в Шанхайскую Организацию Сотрудничества в качестве наблюдателя. Это способствовало сближению Тегерана с Москвой и Пекином, обеспечило ему политическую поддержку и позволило оказывать определенное влияние на страны Центральной Азии. Однако даже гипотетическое членство в ШОС не дало бы ему каких-либо гарантий безопасности, а политической поддержки могло быть недостаточно в случае открытия против Ирана боевых действий.

Следует признать, что поначалу еще шел поиск компромисса между Ираном и Западом. Так 18 июля 2005 г., за две недели до инаугурации нового иранского президента, бывший тогда секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ Хасан Роухани заявил, что политика Тегерана в ядерной области останется неизменной: Иран будет стремиться к заключению рамочного соглашения с ЕС, гарантирует мирную направленность своей ядерной программы, но настаивает на своих правах как государства-участника ДНЯО. Возглавляя переговорный процесс по ядерной проблеме с иранской стороны, Хасан Роухани старался получить согласие «большой тройки» ЕС на реализацию мер первого этапа иранских предложений (конверсия урана в Исфохане) под контролем МАГАТЭ. Не получив ответа от ЕС и видя, что европейские инициативы вели только к долговременным ограничениям в развитии национальной ядерной программы, 1 августа 2005 г. Тегеран приостановил переговорный процесс с «большой тройкой» ЕС и проинформировал о своей позиции МАГАТЭ. По мнению иранской стороны, отказ ЕС от рассмотрения мартовских предложений нарушал Парижские соглашения, поэтому 8 августа 2005 г. Тегеран начал конверсию урана на предприятии в Исфохане.

ЕС вновь подтвердил право Ирана на развитие мирной ядерной программы, но потребовал ограничиться созданием и эксплуатацией энергетических (легководных) и исследователь-

ских реакторов. В этом случае Ирану было обещано широкое сотрудничество с ЕС в области экономики, политики и обеспечения безопасности. Такое заявление иранская сторона сочла для себя оскорбительным и пошла на дальнейшее обострение ядерного кризиса.

17 сентября 2005 г. в Нью-Йорке, после саммита в связи с шестидесятилетием ООН иранский президент Махмуд Ахмадинежад вначале обвинил Запад в проведении «ядерного апартеида», а затем заявил, что Иран готов, дабы снять всякие подозрения, работать над программой по обогащению урана совместно с другими странами. Ранее, в ходе двухсторонней встречи с премьер-министром Турции Тайипом Эрдоганом он сообщил следующее: «Исламская Республика Иран никогда не стремилась к обладанию оружием массового уничтожения. При этом, принимая во внимание потребности исламских государств, мы готовы передать ядерные ноу-хау этим странам». На Западе такие заявления были восприняты резко негативно, так как в них увидели стремление Ирана к ядерному распространению.

Все вышеперечисленное не могло не остаться без внимания со стороны международного сообщества. 24 сентября 2005 г. иранскую ядерную программу обсудили на заседании Совета управляющих МАГАТЭ и большинством голосов приняли решение, допускающее передачу иранского досье в СБ ООН. Такая позиция полностью устраивала американскую администрацию, так как, по ее мнению, после прихода к власти в ИРИ президента Махмуда Ахмадинежада решение иранской ядерной проблемы в рамках МАГАТЭ стало невозможным. Вопрос должен был окончательно решиться через месяц, но 6 ноября 2005 г. послам Великобритании, Германии и Франции в Тегеране было вручено письмо секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Лариджани с призывом возобновить переговоры по иранской ядерной программе. А 9 ноября состоялась встреча министров иностранных дел Великобритании, Германии, России и Франции, после которой министр иностранных дел Великобритании Джек Стро сообщил, что европейская тройка выступила против передачи иранского ядерного досье в СБ ООН.

С ноября 2005 г. Россия стала принимать все более активное участие в решении иранской ядерной проблемы. Москва предложила обогащать уран для Тегерана на своей территории. Это предложение было поддержано Западом, так как,

с одной стороны, исключалась возможность передачи Ирану технологий обогащения урана, а с другой, был предложен реальный выход из тупиковой ситуации. Однако такое предложение не устраивало иранское руководство, которое хотело производить все компоненты ядерного топлива на собственной территории и, по-видимому, обладать потенциальной возможностью создания ядерного оружия. Начался безрезультатный переговорный процесс.

Следует заметить, что целый ряд неядерных государств-членов ДНЯО (Япония, Германия, Аргентина, Бразилия) имеют предприятия по обогащению урана, регенерации ОЯТ и выделению плутония, но не испытывают международного давления. Причина этого состоит не столько в ядерных технологиях, сколько в характере режима, который либо не вызывает международного доверия (особенно со стороны Вашингтона), либо его имеет. Возможно, что при смене режима в Тегеране и (или) американской администрации те же ядерные технологии перестанут быть объектом столь острого беспокойства Запада.

В 2006 г. эскалация ядерного кризиса продолжалась, что определялось как доминированием «ястребов» в администрации Джорджа Буша, так и все большей опорой нового иранского руководства на ортодоксальный «хомейнизм». Так, в январе Иран возобновил исследования в области производства ядерного топлива (обогащения урана). На основе этого 4 февраля Совет управляющих МАГАТЭ решил проинформировать СБ ООН об иранской ядерной программе, отложив окончательное решение до 6 марта. После этого президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад приостановил соблюдение Ираном Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что сделало невозможным выявление незаявленной (нарушающей требования ДНЯО) деятельности с его стороны. Иран предостерег, что в случае введения против него санкций, он выйдет из ДНЯО и полностью прекратит свои взаимоотношения с МАГАТЭ.

29 марта 2006 г. было принято Совместное заявление Председателя СБ ООН, призывающее ИРИ возобновить мораторий на обогащение и переработку урана. Но данное заявление не носило обязательного характера. Руководство Тегерана продолжило курс на конфронтацию с международным сообществом. В середине апреля 2006 г. руководитель ОАЭИ Голямреза Агазаде сообщил, что иранскими учеными на предприятии

в Натанзе был успешно запущен каскад из 164 газовых центрифуг Р-1 и получен низкообогащенный уран (3,5–4,8% по изотопу урана-235). Иран объявил, что планирует до 21 марта 2007 г. запустить там же 3 тысячи газовых центрифуг. Очевидно, что такой уровень обогащения недостаточен для получения ядерных материалов оружейного качества (он должен составлять не менее 90%). Однако технологические процессы получения высоко- и низкообогащенного урана принципиально не различаются, а степень обогащения урана определяется энергозатратами и временем получения материала нужного качества. Следовательно, даже процесс получения НОУ всегда таит потенциальную опасность создания ядерного оружия. Кроме того, руководство ИРИ заявило о вступлении в «клуб ядерных держав» и создании полного ядерного топливного цикла.

Вначале ведущие государства достаточно сдержанно отреагировали на сделанные иранским руководством заявления, так как отсутствовали документально подтвержденные со стороны МАГАТЭ факты о получении ИРИ НОУ. Помимо этого, все понимали, что для вступления в «клуб ядерных держав» нужно провести испытание собственного ядерного взрывного устройства. Именно так и поступили в 1998 г. Индия и Пакистан, став де-факто ядерными государствами. По-видимому, это сделал и Израиль в ходе южноафриканского ядерного испытания. А для создания полного ядерного топливного цикла необходимо иметь развитую плутониевую программу, которая в Иране находится на начальной стадии своего развития. Промышленное же обогащение урана подразумевало не эксперимент на 164 газовых центрифугах, а постоянное использование тысяч таких устройств.

Тем не менее Иран, несмотря на высокий процент выхода газовых центрифуг из строя при сборке (ввиду относительно низкого технического уровня собственного производства), смог к настоящему времени нарастить их количество на опытном заводе в Натанзе до 18 каскадов (около 3,5 тыс. газовых центрифуг). В то же время последние инспекции МАГАТЭ этого предприятия показали, что уровень достигнутого обогащения составляет не более 4%, а также все еще существует техническая проблема объединения центрифуг в каскады, что, конечно, существенно снижает их производительность. Все это говорит о том, что задержка в развертывании газовых центрифуг составляет не менее полугода, а технология получения даже высокообогащенного урана (не менее 20% по изотопу урана-235) до сих пор не освоена.

Кроме того, до момента получения от инспекторов МАГАТЭ убедительных фактов, по-видимому, некорректно подозревать ИРИ в широкомасштабном использовании ею газовых центрифуг Р-2 (иранское название – IR-2). По данным Агентства на январь 2008 г. на опытном производстве в Натанзе был установлен только каскад с 10 центрифугами IR-2. Кроме этого, под большим вопросом остается их производительность. В этой связи ближе к истине пока считать, что Тегеран имеет только центрифуги Р-1.

Очевидно, что иранская сторона явно переоценивает свои реальные возможности в ядерной области. Порой же руководство Тегерана просто блефует, считая, что все его действия будут оставаться безнаказанными со стороны международного сообщества. Личная встреча Махмуда Ахмадинежада с Владимиром Путиным на юбилейном саммите ШОС (2006 г.), по-видимому, еще более укрепила уверенность иранского руководства, что Москва и Пекин не допустят введения против ИРИ экономических и политических санкций. Однако это оказалось не так.

Вначале была принята резолюция 1696 от 31 июля 2006 г., которая отметила, что МАГАТЭ более трех лет не может прояснить все аспекты ядерной программы Ирана и исключить отсутствие на его территории незаявленных ядерных материалов или деятельности, имеющей, в том числе, военно-прикладной характер, и потребовала от ИРИ:

- приостановить всю деятельность (включая исследовательскую), связанную с обогащением урана и переработкой ОЯТ;
- возобновить сотрудничество с МАГАТЭ в рамках Дополнительного протокола (1997 г.).

Вслед за этим были приняты еще три резолюции СБ ООН, которые уже ввели в отношении ИРИ международные санкции:

а) резолюция 1737 от 23 декабря 2006 г. выразила серьезную озабоченность тем, что Иран не выполнил требований предыдущей резолюции СБ ООН, и ввела против него следующие санкции (см. Приложение 2):

- запрет на торговлю с ИРИ любыми материалами, оборудованием, товарами и технологиями, которые могли бы способствовать его деятельности, связанной с обогащением урана, переработкой ОЯТ, использованием тяжелой воды и разработкой систем доставки ядерного оружия;
- отказ в предоставлении Ирану любой технической помощи или профессиональной подготовки, финансовой помо-

щи, инвестиций, брокерских или иных услуг и передачи финансовых ресурсов или услуг, связанных с вышеприведенной деятельностью;

– ограничение въезда (транзитного проезда) на территорию других государств физических лиц, которые имеют отношение к ядерной деятельности Ирана и разработке им систем доставки ядерного оружия;

– замораживание денежных средств, других финансовых активов и экономических ресурсов, находящихся в собственности или под контролем физических или юридических лиц, которые связаны с ядерной деятельностью Ирана и разработкой им систем доставки ядерного оружия;

– запрет на специализированное обучение или профессиональную подготовку граждан Ирана, которые вовлечены в ядерную деятельность Ирана и разработку им систем доставки ядерного оружия;

б) резолюция 1747 от 24 марта 2007 г. расширила против Ирана санкции за счет (см. Приложение 3):

– запрета экспорта из Ирана любых вооружений, в том числе боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем;

– отказа правительству ИРИ в предоставлении субсидий, финансовой помощи и льготных кредитов, за исключением тех, которые предусмотрены для гуманитарных целей и целей развития;

в) резолюция 1803 от 3 марта 2008 г. (см. Приложение 4) предоставила право на проведение инспекций грузов, как следующих в Иран, так и отправляемых из этой страны, в случае наличия подозрений относительно провоза запрещенного оборудования. А также рекомендовала странам, имеющим с Тегераном коммерческие связи, усилить бдительность как при экспорте из Ирана товаров, так и при ведении финансовых операций с иранскими банками и их филиалами за рубежом, замеченными в нарушении международных санкций. Среди последних выделены следующие: "Банк Мелли" и "Банк Садерат". Кроме того, был запрещен въезд (транзитный проезд) на территорию других государств пяти конкретных физических лиц, имеющих прямое отношение к реализации иранской ядерной программы.

Помимо этого, 27 сентября 2008 г. была принята резолюция СБ ООН 1835 (см. Приложение 5), которая дополнительно

ных санкций в отношении ИРИ не вводила и только подтверждала необходимость выполнения Тегераном требований всех ранее принятых резолюций. Принятие именно такой резолюции СБ ООН было обусловлено значительным ухудшением российско-западных отношений после трагических событий в Закавказье в августе 2008 г.

В соответствии с резолюциями СБ ООН 1737, 1747 и 1803 в список лиц (организаций), имеющих отношение к чувствительной ядерной деятельности в Иране и разработке им систем доставки ядерного оружия попали 35 организаций и 40 физических лиц (по сравнению с декабрем 2006 г. общее количество таких субъектов деятельности увеличилось с 22 до 75). В то же время санкции сохранили свой целевой характер (сдерживание ядерного и ракетного распространения) и не затронули строительства АЭС в Бушере.

Причем ужесточение санкций в отношении Ирана со стороны СБ ООН не является самоцелью международного сообщества. Одновременно с этим Тегерану предлагаются все более сильные стимулы в экономической и политической областях, а также в сфере обеспечения безопасности. Кроме того, постоянно заявляется о готовности снятия таких санкций в случае восстановления доверия к иранской ядерной программе (проблема транспарентности). Подтверждением гибкости позиции международного сообщества служит и факт того, что в настоящее время Ирану предлагается приостановить обогащение урана только на период, пока делятся соответствующие переговоры. К сожалению, такие сигналы мирового сообщества не находят адекватного ответа со стороны руководства ИРИ.

С целью ослабления давления со стороны СБ ООН Тегеран предпринимал энергичные усилия для того, чтобы в 2009–2010 гг. стать непостоянным членом этой организации. Он выдвигал свою кандидатуру для участия в выборах в Нью-Йорке и рассчитывал на поддержку со стороны стран-участниц Движения неприсоединения. Способствовало этому и то, что в ходе 15-й конференции Движения неприсоединения на уровне министров иностранных дел Иран был выбран очередным руководителем Движения. Однако стать Ирану непостоянным членом СБ ООН так и не удалось.

Но международное сообщество также не собирается отступать. Так, с 2006 г. переговоры с ИРИ стали вести от имени

так называемой «шестерки» (пяти постоянных членов СБ ООН и Германии). Такое изменение формата переговоров с Ираном (с трехстороннего на шестисторонний) стало возможным после существенного сближения позиций наиболее крупных внешнеполитических игроков по рассматриваемой тематике и носит положительный характер, так как позволяет полнее учитывать различные интересы и облегчает поиск возможных компромиссов. Тем не менее «шестерка» по-прежнему не ведет прямых переговоров с Ираном, а вырабатываемая ею позиция доводится до Тегерана через Верховного комиссара ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Солану. Все это слишком затягивает переговоры, особенно с учетом неуступчивости Тегерана. В этой связи целесообразно изменить формат переговоров на семисторонний, чтобы Иран мог стать их равноправным участником. В последнем случае Тегерану будет значительно сложнее играть на внешнеполитических противоречиях, которые реально существуют между Россией (Китаем) и Западом.

Таким образом, конфронтация Ирана с международным сообществом нарастает. Тегеран отказывается выполнять требования резолюций СБ ООН, продолжает наращивать опытное производство по обогащению урана в Натанзе и строительство тяжеловодного исследовательского реактора в Араке. Следствием этого является полное прекращение любого сотрудничества с Ираном в сферах, связанных с обогащением урана, разработкой и выделением плутония, разработкой систем доставки ядерного оружия (запрещены торговля, оказание технической и материальной помощи, подготовка научно-технического персонала; введены ограничения на въезд связанных с такой деятельностью лиц; заморожены зарубежные финансовые счета соответствующих иранских физических лиц и организаций). Помимо этого запрещен экспорт из Ирана любых вооружений и военной техники и предоставление иранскому правительству финансовой помощи и льготных кредитов, а также затруднены финансовые операции с иранскими банками и предоставлено право на досмотр грузов, не только следующих в ИРИ, но и отправляемых из нее. Все вышеперечисленное, а также чрезмерные затраты на ядерную и ракетную программы уже оказывает свое негативное влияние на развитие экономики страны. Дальнейшая неуступчивость руководства ИРИ, проведение им провокационной внешней политики и поддержка ряда ради-

кальных организаций будут неизбежно вести к ужесточению вводимых против Тегерана санкций со стороны СБ ООН, Европейского Союза и отдельных государств, а также подталкивать к попыткам силового решения этой проблемы.

При этом следует учитывать, что Россия и Китай не собираются защищать Иран от военного нападения, но и не хотят, особенно Москва, иметь боевые действия в непосредственной близости от своей территории. Если Тегеран сохранит проводимый им внешнеполитический курс, продолжит создавать на собственной территории полный топливный ядерный цикл и вместо конструктивной работы с «шестеркой» международных посредников по Ирану станет лишь тянуть время, то позиции Москвы, а вместе с ней и Пекина по иранской ядерной проблеме еще более сблизятся с Западом, что сделает возможным проведение единой в отношении ИРИ политики со стороны международного сообщества. В этой связи вполне закономерно был подписан указ Президента РФ №682 от 5 мая 2008 г. «О мерах по выполнению резолюции СБ ООН 1803 от 3 марта 2008 г.» (см. Приложение 6), в котором была подтверждена решимость Москвы выполнять требования настоящей резолюции. Причем срок между подписанием такого указа и принятием резолюции СБ ООН составил всего два месяца (в 2007 г. для этого потребовалось восемь месяцев).

По сути, сейчас Тегеран имеет последний шанс остановить эскалацию конфликта. 21 августа 2007 г. Иран и МАГАТЭ достигли соглашения относительно рабочего плана по поэтапному снятию остающихся у Агентства вопросов к иранской ядерной программе. ИРИ уже представила МАГАТЭ существенную информацию по экспериментам с полонием-210, по источнику загрязнения ВОУ технологического оборудования, руднику в Гчине и закупочной деятельности бывшего руководителя Центра физических исследований. По мнению иранской стороны, предоставленная Агентству информация достаточна для полного закрытия вопросов, связанных с обогащением урана, выделением плутония и механической обработкой обогащенного металлического урана в полусферы. В этой связи Тегеран считает, что у МАГАТЭ не осталось других поводов, кроме специально сфабрикованных, и требует применения гарантий в «обычном режиме».

По мнению же Агентства, далеко не все вопросы прошлой ядерной деятельности ИРИ закрыты. В частности, серьезную

озабоченность вызывают исследования, касающиеся конверсии диоксида урана в тетрафторид урана (проект «Зеленая соль»), испытаний бризантных взрывчатых веществ и высоковольтного оборудования для активации детонаторов, разработки токового электродетонатора и проектирования боевой части баллистической ракеты. Очевидно, что эти виды деятельности могут предназначаться для создания ракетно-ядерного потенциала, что требует дальнейшего выполнения рабочего плана. Кроме того, на территории ИРИ не действует Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что крайне затрудняет заблаговременное выявление здесь незаявленной (незаконной) ядерной деятельности и наличия соответствующих материалов.

В свете изложенного только дальнейшее развитие событий сможет показать, насколько серьезно Тегеран смотрит на сотрудничество с МАГАТЭ, и готов ли он к нормализации отношений с международным сообществом.

Глава IV.

ДИНАМИКА НЫНЕШНЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА ТЕГЕРАНА С ОСНОВНЫМИ ИГРОКАМИ НА ИРАНСКОМ ПОЛЕ

4.1. Позиция США по отношению к кризису

В течение всего XX в. США уделяли самое пристальное внимание Ближнему и Среднему Востоку – главной мировой кладовой энергетических ресурсов и перекрестку товарных и финансовых потоков. Несмотря на то, что американские национальные интересы периодически пересекались с интересами Великобритании и России (Советского Союза), позиции Вашингтона в этом регионе постоянно усиливались. Однако только в начале XXI в., после ликвидации правления талибов в Афганистане, военного вторжения в Ирак и отстранения от власти Саддама Хусейна США окончательно утвердили здесь свое присутствие. В результате были созданы мощные рычаги американского влияния на экономику Южной и Юго-Восточной Азии, Японии, Южной Кореи и Китая, которые обеспечиваются в значительной мере нефтью из зоны Персидского залива. А также появилась возможность экономического влияния США на Европу, энергетический комплекс которой в перспективе во все большей степени будет полагаться на поставки нефти и природного газа из регионов Персидского залива и Каспийского моря. Помимо этого, масштабное присутствие американских вооруженных сил укрепило позиции их главного союзника на Ближнем и Среднем Востоке – Израиля и затормозило процесс консолидации арабского мира на антиизраильской платформе.

Однако для более полной реализации в регионе национальных интересов США этого недостаточно, так как руководство ряда расположенных здесь государств, в частности Сирии и Ирана, продолжает проводить ярко выраженную антиамериканскую и антиизраильскую политику. Кроме того, на Ближнем и Среднем Востоке усиливаются позиции радикального ислама, который находит широкую поддержку среди мест-

ного населения в условиях неспособности правящих элит решить насущные проблемы людей. Следовательно, Вашингтону необходимо изменить политическую и экономическую региональную атмосферу так, чтобы отсюда больше не исходила угроза его национальным интересам. Для этого, по мнению администрации бывшего президента Джорджа Буша, было бы желательно ускорить здесь процессы демократизации и сменить режимы в Тегеране и Дамаске.

В этой связи необходимо заметить, что демократизация жизни по-американски не является панацеей для решения существующих в регионе проблем, а значительная часть проживающего здесь населения не готова воспринять те изменения, которые ему навязываются со стороны Вашингтона. Больше того, радикальное исламистское движение ХАМАС получило в секторе Газа (часть палестинских территорий) власть именно после демократических выборов. Не исключено, что аналогичное может произойти и в других странах региона, например в Пакистане.

Еще в период первой администрации Билла Клинтона США неизменно использовали следующие обоснования правомочности своего жесткого давления на ИРИ: это поддержка иранской теократией международного терроризма, несоблюдение Тегераном Декларации о правах человека и стремление иранских правящих кругов получить доступ к ядерному оружию. Приход к власти в Белом доме Джорджа Буша только активизировал борьбу с ИРИ по этим направлениям.

По убеждению Вашингтона, руководство Тегерана поддерживает тесные связи с террористическими организациями. В частности, президент США Джордж Буш неоднократно предостерегал иранское руководство от опасности укрывательства членов международной террористической организации «Аль-Каида». А бывший сотрудник ЦРУ Роберт Баер несколько лет назад издал книгу «Не замечая зла», в которой описал состоявшуюся в 1996 г. встречу в Афганистане эмиссара иранской разведки с представителями «Аль-Каиды». В это трудно поверить не только ввиду религиозных различий (в отличие от шиитского Ирана «Аль-Каида» является сунитской организацией), но и потому, что режим талибов, тесно сотрудничавший с этой террористической организацией, представлял реальную угрозу для иранских национальных интересов. Хотя, конечно, нельзя полностью исключать саму возможность таких контактов.

Вашингтон имеет больше оснований критиковать Тегеран за связь с такими радикальными исламистскими организациями, как ливанская группировка «Хезболла», палестинские движения ХАМАС, «Исламский джихад» и ряд других. Тем более, что в январе 2003 г. Израиль перехватил в Красном море судно «Карина А» с оружием, якобы предназначенным Ираном для Палестинской национальной администрации. Но даже в этом случае вина Тегерана не была доказана.

Подходы американской администрации к сохранению тоталитарной сути иранского режима выглядят такими же жесткими, как и реакция на возможные связи Тегерана с международным терроризмом. Причем здесь дело не столько в несоблюдении Ираном Декларации о правах человека, сколько в мессианстве американского руководства во главе с президентом Джорджем Бушем, его фанатичной убежденности в своей способности насадить в регионе духовные ценности западного мира. Так, еще в ноябре 2003 г. Джордж Буш заявил, что его политика будет направлена на устранение «нехватки свободы» на Ближнем и Среднем Востоке, которая, по его словам, является единственной причиной бедности и стагнации стран региона. А бывший заместителем государственного секретаря Ричард Армитадж в октябре 2003 г. проинформировал сенатский комитет по международным отношениям, что США будут стимулировать стремление иранского народа к свободе.

Наиболее же болезненной для Вашингтона является проблема приобретения Тегераном ядерного оружия, так как в этом случае США придется полностью отказаться от силовой смены существующего режима и, следовательно, забыть о собственном подавляющем доминировании в исключительно важном для национальных интересов регионе. Учитывая двойной характер по сути любых ядерных технологий, Вашингтон стремится всячески сдерживать развитие Тегераном мирной ядерной программы, чем, конечно, нарушает статью IV ДНЯО (о мирном использовании атомной энергии). Хотя в последнее время наметилась определенная тенденция на сближение американской позиции и европейской. Так, 6 июня 2008 г. государственный секретарь США Кондолиза Райс заявила, что администрация Джорджа Буша не пытается лишить Иран доступа к гражданским ядерным технологиям и таким образом отказаться ему в праве на развитие атомной энергетики. «Мы поддерживаем строительство Россией реактора в Бушере. Мы поддержива-

ем идею России о создании своего рода консорциума с целью предоставления ядерного топлива Ирану», – отметила руководитель внешнеполитического ведомства США.

Причем резкая риторика администрации Джорджа Буша, отличающаяся от более умеренного подхода к Ирану администрации Билла Клинтона в 1999–2000 гг., была подкреплена следующими практическими шагами:

- продлен односторонний запрет на торговлю с Ираном и американские инвестиции в его экономику;

- введены ограничения на въезд в США представителей иранской государственной власти;

- внесен в список террористических организаций ряд военно-политических структур ИРИ, в первую очередь Корпус стражей исламской революции;

- блокируется принятие Ирана в ВТО и реализация проекта транзита каспийской нефти через территорию ИРИ, несмотря на высокую экономичность именно этого пути доставки нефти в Южную Азию;

- существенно затрудняется проведение операций, позволяющих Азербайджану и Казахстану поставлять иранскую нефть в Юго-Восточную Азию в обмен на поставки собственной нефти на север Ирана.

Администрация Буша выступала за изоляцию ИРИ, видя в этом путь к смене власти в стране и созданию прозападного правительства. Такой подход поддерживается далеко не всеми даже внутри американского общества. Так, по мнению одного из ведущих экспертов в области нераспространения ОМУ из «Фонда Карнеги за международный мир» Джорджа Перковича, «начиная с администрации Клинтона девяностых действия в отношении Ирана были чересчур публичными и акцентированными на использование силы. Это вызвало усиление национализма и привело Иран к тому, что ядерная технология стала считаться в иранском обществе национальной гордостью. Эта политика продолжилась в последнее десятилетие, и это было ошибкой. США допустили большой промах, стараясь реализовать стратегию смены режима».

Тем не менее Вашингтону удалось настоять на передаче иранского дела в СБ ООН как представляющего угрозу для международного мира, что позволило ввести против ИРИ санкции и предоставить в случае необходимости формальный повод для силовых действий в отношении Тегерана. Последнее

представляется наиболее опасным, так как, с одной стороны, отсутствуют убедительные доказательства того, что Иран принял окончательное решение о создании собственного ядерного оружия. С другой стороны, операция в Ираке 2003 г. убедительно показала, что даже режим Саддама Хусейна не удалось сменить в результате воздушно-ракетных ударов. В отношении Ирана очевидно, что без наземной операции существующий режим не сменить, а ее проведение чревато самыми непредсказуемыми последствиями, в первую очередь для всего региона Ближнего и Среднего Востока. Аналогичной точки зрения придерживается и председатель Международной комиссии по ОМУ, в прошлом генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс: «Политика военных угроз в отношении Ирана всегда была контрпродуктивна. В случае нападения США это только сплотит иранское общество и даст больше власти президенту Махмуду Ахмадинежаду».

Нынешняя же американская политика в отношении Ирана базируется на утверждении, что после прихода к власти президента Махмуда Ахмадинежада решение иранской ядерной проблемы в рамках МАГАТЭ стало невозможно. Причем в американской администрации Джорджа Буша полагали, что Тегеран уже принял решение о создании ядерного оружия, но под давлением международного сообщества с осени 2003 г. временно приостановил его реализацию. Правительство США стремится не допустить возобновления иранской военной ядерной программы и создания соответствующей инфраструктуры, требуя от ИРИ прекращения любых работ в области обогащения урана и выделения плутония. Американские специалисты считают, что запуск на предприятии по обогащению урана в Натанзе 3 тыс. газовых центрифуг Р-2 (наличие таких возможностей никем не подтверждено) позволит иранским специалистам наработать массу расщепляющихся материалов, необходимых для изготовления одного ядерного боезаряда, уже через 271 день. Заводские площади предприятия в Натанзе могут вместить до 54 тыс. центрифуг, но сделать это ИРИ в ближнесрочной перспективе не представляется возможным ввиду отсутствия ряда необходимых материалов. Тем не менее, по мнению администрации США, деятельность ИРИ в ядерной области представляет собой вызов всему международному сообществу и требует адекватной реакции со стороны СБ ООН.

Во многом американские усилия не были тщетными. Так, в 2006–2008 гг. против ИРИ были введены санкции со стороны СБ ООН (резолюции 1737, 1747 и 1803), которые имели отношение и к ядерной, и к ракетной программам. Их применение уже существенно ухудшило экономическое положение страны и материальное положение значительной части населения. Причем достаточно распространенное мнение о слабости таких санкций является ошибочным, так как реализация концепции «smart sanctions» (целевых санкций) предполагает сфокусированное воздействие только на правящий режим, уменьшая таким образом их негативное влияние на жизненный уровень местного населения.

Чувствительными для экономического положения ИРИ оказываются и американские санкции, введенные против страны в одностороннем порядке. В настоящее время они базируются на принятых после трагических событий 11 сентября 2001 г. законодательных актах, направленных на недопущение использования финансовых институтов США для легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Свод этих законов получил название «USA PATRIOT Act» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools to Intercept and Obstruct Terrorism Act). В соответствии с ним были введены ограничения на открытие и ведение американскими финансовыми институтами, в том числе отделениями и дочерними структурами неамериканских банков в США, корреспондентских счетов на имя иностранных банков. На банки США возложены обязательства по созданию и применению специальных программ и процедур, препятствующих использованию корреспондентских счетов в качестве инструментов легализации преступных доходов и финансирования терроризма. По мнению Вашингтона, Иран является одним из основных спонсоров терроризма, поэтому принятый свод законов имеет к нему самое непосредственное отношение.

Помимо этого, ИРИ подпадает под действие «Пакта санкций против Ирана» (Iran Sanctions Act). В своем первоначальном варианте по «Пакту санкций против Ирана и Ливии» (Iran-Libya Sanctions Act) предполагалось не допускать на рынок США иностранные нефтегазовые компании, годовой оборот которых с иранскими партнерами превышает 20 млн. долл. Однако под воздействием своих европейских партнеров, обративших внимание на экстерриториальное применение амери-

канских законов и угрожавших ответными мерами по линии ВТО, Вашингтон был вынужден пойти на уступки, согласившись в мае 1998 г. на реализацию ранее подписанного контракта «Total SA» (Франция), российского «Газпрома» и «Petronas» (Малайзия) по освоению второй и третьей очереди крупнейшего иранского газового месторождения «Южный Парс» (общая сумма контракта составила порядка 2 млрд. долл.). В ответ ЕС обещал усилить взаимодействие с США в сферах нераспространения ОМУ и борьбы с терроризмом.

В то же время по-прежнему не видно тех угроз, из-за которых международное сообщество будет готово пойти на полное прекращение экономических отношений с Ираном. Несмотря на все усилия Вашингтона, Тегеран по-прежнему не воспринимается как государство-агрессор, его связи с террористическими организациями не очевидны, а осуществление военно-прикладных исследований в ядерной области в настоящее время опровергается даже американскими спецслужбами. Учитывая сильную зависимость ряда стран от поставок иранской нефти, введение против Тегерана полномасштабных экономических санкций (экономического эмбарго) представляется достаточно маловероятным.

Еще более сомнительно, что международное сообщество в лице СБ ООН санкционирует нанесение по Ирану массированных ракетно-бомбовых ударов даже в случае создания страной собственного ядерного оружия. Такие действия могут быть предприняты только в одностороннем порядке со стороны США и (или) Израиля, но даже в этом случае надежды на полное уничтожение иранского ракетно-ядерного потенциала относительно малы. Это было наглядно продемонстрировано в июле-августе 2006 г., когда Израиль попытался ликвидировать инфраструктуру ливанской группировки «Хизбалла». За 34 дня боевых действий авиация Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) так и не смогла полностью уничтожить бункеры, склады ракет и пусковые установки шиитских боевиков. А это значит, что ракетно-бомбовый удар по Ирану не даст стопроцентной уверенности в том, что Тегеран лишился возможностей продолжать выполнение своих ядерной и ракетной программ. А учитывая дислокацию ряда таких объектов под землей, максимальное использование искусственных и естественных защитных сооружений, ограниченность информации об их местоположении и сокращение с февраля 2006 г. деятельности

на иранской территории инспекторов МАГАТЭ (Тегеран прекратил соблюдать требования Дополнительного протокола от 1997 г. к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий), можно еще более усомниться в реальности полной ликвидации всех объектов ракетной и ядерной инфраструктуры ИРИ.

Ливано-израильский конфликт лета 2006 г. выявил и то, что уничтожение значительной части гражданской инфраструктуры страны не всегда приводит к острому всплеску общественного недовольства позицией правящего режима и очередной «цветной революции». Так, до 12 июля в рядах ливанской группировки «Хизбалла» насчитывалось не более 1 тыс. активных боевиков, ее руководство вело переговоры с прозападно настроенным премьером Фуадом Синиорой о разоружении, а большинство ливанцев отрицательно относились к неподчинявшейся центральной власти радикальной шиитской группировке. После 14 августа в рядах «Хизбаллы» было уже 3 тыс. боевиков, а действия ее лидера шейха Насраллы одобряли 80% населения Ливана, включая суннитов, христиан-маронитов и друзов. Нет сомнения, что в случае военного нападения США на ИРИ иранцы точно так же сплотятся вокруг своего президента Махмуда Ахмадинежада и его духовных наставников. Особенно учитывая то, что шииты, составляющие основную часть иранского населения, на протяжении столетий были наиболее угнетенными, ниже всех стоящими на социальной лестнице, поэтому они научились стойко выдерживать удар. Все вышеперечисленное убеждает в том, что силовой путь решения иранской ядерной проблемы является тупиковым.

Однако в американском экспертном сообществе существуют и другие взгляды на решение этой проблемы. Так, в конце 2001 г. представителями администрации Джорджа Буша был выработан план, предусматривающий поэтапное сближение обоих государств. Причем этот план в своих основных чертах повторял проект восстановления двусторонних взаимоотношений, предложенный в 1997 г. американскими востоковедами Робинот Райтом и Шаулем Бахашем. Они предложили следующую последовательность установления диалога с ИРИ: неофициальные контакты, подписание пакета соглашений при помощи посредников, прямые переговоры на высшем уровне.

Аналогичные идеи высказали в своей статье «Успешный подход к Ирану», опубликованной в газете Washington Post (27 мая 2008 г.), известный политик и политолог Збигнев Бже-

зинский и генерал Уильям Одон: «Успешный подход к Ирану должен учитывать интересы и его, и нашей безопасности. Американские авиаудары по иранским ядерным объектам или менее эффективные израильские приведут лишь к тому, что реализация ядерной программы Ирана будет задержана по времени. В любом случае ответственность ляжет на Соединенные Штаты, которым придется заплатить определенную цену за вероятные реакции Ирана. Они почти наверняка будут включать в себя дестабилизацию на Ближнем Востоке, а также в Афганистане и серьезные попытки срыва поставок нефти, что, как минимум, приведет к значительному повышению и без того высокой цены. Волнения на Ближнем Востоке, вызванные превентивным ударом по Ирану, нанесли бы ущерб и Америке и, в конечном итоге, Израилю.

Учитывая заявленные цели Ирана: потенциал для ядерной энергетики, но не ядерное оружие, а также предполагаемую готовность к обсуждению с США вопросов безопасности в более широком контексте, реалистическая политика воспользовалась бы удобным случаем, чтобы посмотреть, чего здесь можно добиться. Соединенные Штаты могли бы дать понять, что они готовы к переговорам без предварительных условий (сохраняя за собой право прекратить переговоры, если Иран останется неуступчивым и начнет нарабатывать высокообогащенный уран) или к переговорам на основе готовности Ирана приостановить обогащение урана в обмен на одновременную приостановку экономических и финансовых санкций со стороны США.

Такой более широкий и одновременно гибкий подход улучшил бы перспективы создания международного механизма, призванного удовлетворить стремление Ирана к автономной программе атомной энергетики, минимизируя вероятность того, что она быстро превратится в программу разработки ядерного оружия.

План же администрации Джорджа Буша предусматривал пять этапов:

1. Развитие уже существующих отношений в области культуры и спорта, укрепление контактов в сфере студенческого и научного обмена, связей между ветеранами государственной службы, а также проведение совместных общественных форумов по злободневной тематике (борьба с наркоманией, защита окружающей среды и т.д.). При этом особое внимание уделяется сбору информации о настроениях в иранском обществе и

определению истинных целей и мотивов политики руководства Тегерана. После налаживания тесных связей с иранскими неправительственными организациями именно через них планируется вести идеологическую обработку местного населения.

2. Развитие деловых связей под руководством Торговой палаты США и ассоциации ирано-американской торговли. Обеспечивается доступ американских компаний на иранский внутренний рынок. С целью обмена информацией осуществляются шаги по организации встреч с иранскими бизнесменами, для которых вводятся визовые и пошлинные льготы. Как следствие этого, в Иране открываются представительства американских компаний и завязываются первичные дипломатические контакты и неофициальные парламентские связи.

3. Установление дипломатических отношений и межправительственного диалога по самым острым политическим вопросам. Изменяется действующее законодательство США с целью снятия с Ирана всех экономических санкций и стимулирования экспорта сюда американских товаров. Формируются меры доверия между ВС Ирана и Центральным командованием ВС США за счет уведомления о военных маневрах, отработки использования экстренных средств связи, подготовки к совместным действиям в спасательных операциях и т.п.

4. Размораживание иранских счетов в американских банках и разрешение всех двусторонних финансовых претензий. В частности, после иранской революции 1978–1979 гг. министерство обороны США не выполнило свои военные контракты для Тегерана на сумму порядка 6,4 млрд. долл. С другой стороны, американские юридические и частные лица требуют от Ирана удовлетворения через Гаагский трибунал исков, связанных с актами террора на сумму 208 млн. долл.

5. Взятие под американский контроль иранской ядерной программы под предлогом того, что только в этом случае может быть обеспечена полная уверенность международного сообщества в мирной ее направленности. После этого возможно развитие полномасштабного сотрудничества в ядерной области и поставка легководных ядерных реакторов. Начало широкого военного сотрудничества и реализация программы модернизации иранских ВС. По мнению американских экспертов, все это позволит Тегерану занять лидирующее место в регионе Персидского залива.

Конечно, сейчас полная реализация этого плана даже в среднесрочной перспективе кажется невозможной, так как

большая часть иранского духовенства и государственного аппарата, в том числе его силовых структур, занимает твердые антиамериканские и антиизраильские позиции. В то же время, по мнению некоторых американских политологов, существуют определенные надежды на перемены настроений в обществе. Они основаны на нестабильности социально-экономической обстановки в Иране. Если в будущем условия жизни малоимущих слоев населения существенно не изменятся, то могут возникнуть предпосылки для ослабления позиций консерваторов внутри страны и усиления либерального крыла духовенства, более склонного к компромиссам в сфере внешней политики.

Помимо этого, Вашингтон отдает себе отчет в том, что санкции против Тегерана оборачиваются ущербом для экономики самих США, закрывая американским компаниям доступ на иранский рынок. Нельзя игнорировать Тегеран и по внешнеполитическим соображениям, так как построить демократический режим в Ираке (Афганистане) или урегулировать арабо-израильский конфликт можно только при иранском активном участии. А с учетом огромных запасов иранских энергоресурсов, крайне удобных путей транспортировки добываемых в Каспийском регионе нефти и природного газа, а также очень емкого уже сейчас иранского внутреннего рынка стремление определенных кругов Вашингтона к нормализации отношений с Тегераном полностью соответствует американским национальным интересам.

22 августа 2006 г. в своем ответном послании на согласованный пакет предложений, сформулированный Россией, США, Китаем, Великобританией, Францией и Германией, Тегеран обратился к Вашингтону с предложением забыть старые обиды и совершить прорыв в двусторонних отношениях, которые последние 27 лет прозябают на уровне постоянных ссор и конфликтов. По мнению иранской стороны, необходимо строить отношения двух равноправных партнеров, ни один из которых не будет впредь пытаться диктовать другому свою волю, и на равных договариваться о совместной политике на Ближнем и Среднем Востоке. Конечно, руководство Тегерана явно переоценивает свои силы, но в то же время оно проявляет, во всяком случае на словах, свою готовность к нормализации двусторонних отношений. Трудно сказать, насколько такое стремление является искренним, но, по-видимому, Вашингтону на это следует обратить свое внимание.

Кроме того, в 2007 г. произошло исключительно важное для развития американо-иранских отношений событие. Вашингтон впервые за последние 27 лет пошел на прямые двусторонние переговоры с Тегераном. Конечно, темой переговоров стала не иранская ядерная программа, а ситуация в Ираке. Тем не менее уже проведены несколько раундов переговоров, которые подтвердили саму их возможность. В этом же контексте может быть рассмотрен и опубликованный в декабре 2007 г. доклад американского разведывательного сообщества, согласно которому еще осенью 2003 г. Иран прекратил реализацию своей военной ядерной программы. Таким образом, просматривается некоторая основа для возможной корректировки американского внешнеполитического курса, особенно с учетом прихода в Белый дом в январе 2009 г. представителя Демократической партии Барака Обамы.

Подтверждением вышесказанному являются следующие факты.

1. В середине мая 2008 г. министр обороны США Роберт Гейтс во время своего выступления в Американской академии дипломатии заявил о необходимости «атаковать» Иран многочисленными предложениями, инициативами, стимулами для переговоров и угрозами с единственной целью: начать, первоначально на неправительственном уровне, двусторонний диалог. «Если состоится дискуссия, тогда им тоже что-то понадобится, – считает Роберт Гейтс. – Мы не можем во время дискуссии оставаться тем, кто только требует, не позволяя им почувствовать, что они также нуждаются в нас». Помимо этого, министр обороны США призвал американцев посещать ИРИ.

2. В июле 2008 г. заместитель государственного секретаря США Уильям Бернс принял участие в многосторонней встрече, которая прошла в Женеве, с секретарем ВСНБ ИРИ Саидом Джалили по иранской ядерной проблеме. По сути, это была первая с 1979 г. прямая дипломатическая встреча представителей ИРИ и США на столь высоком уровне. В то же время следует признать, что в ходе этой встречи какие-либо прямые двусторонние американо-иранские контакты не завязались.

3. Американское руководство стало зондировать вопрос о возможности восстановления своего дипломатического присутствия в ИРИ, а также проинформировало о планирующемся укомплектовании подразделения своего швейцарского посольства, которое используется для американо-иранских контактов, дипломатами и наделении их достаточно широкими полномочиями.

В связи с этим показательным является следующее утверждение профессора Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Энтони Кордесмана: «США пытаются остановить ядерную программу Ирана дипломатическими методами, поскольку не считают угрозой со стороны Тегерана проблемой, решение которой не терпит отлагательств». По его мнению, Белый дом планирует передать решение этой проблемы следующему президенту США.

По видимому, логика событий подталкивает США к полноценному участию сначала в многосторонних переговорах (при участии иранской стороны) по ядерной проблеме ИРИ, а затем и в прямых двусторонних американо-иранских переговорах по этой проблеме. Опыт Северной Кореи показывает, что это не только возможно, но и является достаточно эффективным.

4.2. Отношение к Ирану Европейского Союза

В отличие от США, которые стремятся к глобальному доминированию и установлению полного контроля над наиболее крупными месторождениями нефти (природного газа) и путями их транспортировки, ЕС серьезно обеспокоен нестабильностью всего региона Ближнего и Среднего Востока, поскольку это сдерживает реализацию мер по развитию европейской интеграции. В этой связи Иран многими в Европе рассматривается как своеобразный островок стабильности, сотрудничество с которым может принести значительные экономические дивиденды.

Экономическое сотрудничество с ИРИ европейских стран

Наиболее явно интерес Брюсселя к Тегерану стал проявляться примерно с 1998 г., когда на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости «всеобъемлющего диалога» с ИРИ. Несомненно, что ожидания ЕС в отношении Ирана во многом оказались нереализованными, и причина этого состояла не только в том, что в 2005 г. к власти пришел неоконсерватор Махмуд Ахмадинежад, но и в неспособности ЕС реализовать самостоятельную, независимую от США внешнюю политику по этому вопросу.

Рассматривая экономическую основу взаимоотношений между ИРИ и ЕС, следует признать, что только в первом полу-

годии 2007 г. общий объем товарооборота между Ираном и 27 членами ЕС достиг 11 млрд. 300 млн. евро, при этом экспорт европейских стран в Иран составил 4 млрд. 600 млн. евро, а импорт из Ирана – 6 млрд. 700 млн. евро. В целом европейские страны сейчас сравнительно мало импортируют иранские энергоносители, но в будущем, по мере сокращения общемировых запасов, такая зависимость может усилиться. Кроме того, европейские страны хотели бы ослабить свою зависимость от поставок российского природного газа. С этой целью предполагается построить из Ирана магистральный экспортный газопровод длиной 3,3 тыс. км и мощностью 30 млрд. куб. м природного газа в год. Помимо ИРИ в этом проекте выразили свое желание участвовать Австрия, Болгария, Венгрия, Румыния и Турция. В то же время среди руководителей энергетического сектора ЕС есть и влиятельные противники такого проекта, которые предлагают сначала импортировать природный газ из Азербайджана, Туркмении и Казахстана, а только потом из Ирака и Ирана. Тормозится реализация плана и со стороны Турции, которая настаивает на закупке иранского газа по низкой цене и его перепродаже по своей цене странам ЕС. Как следствие этого, практическое появление новой газомагистрали до 2015 г. маловероятно.

Европейские страны не только импортируют энергоресурсы из Ирана, но и участвуют в их добыче. В частности, в освоении самого крупного в стране газового шельфового месторождения «Южный Парс» (разведанные запасы оцениваются в 25 трлн. куб. м природного газа) участвуют следующие европейские компании: «TotalFina Elf ENI» и «Agip Petroli» (Италия), «Statoil» (Норвегия), «Gas de France» (Франция), «Royal Dutch /Shell» (Великобритания, Голландия, США), «BHP Petroleum» и «LASMO» (Великобритания).

Помимо этого, европейские страны заинтересованы в получении доступа к потенциально емкому внутреннему рынку ИРИ. В частности, на иранском рынке сотовой (мобильной) связи активно работает шведская компания «Ericsson», которая стала поставщиком оборудования для сети GSM 900 (базовых станций, коммутаторов и т.п.). Стремится наращивать свое сотрудничество с Ираном в области телекоммуникаций, оптико-волоконной и мобильной связи и французская компания «Alcatel». В то же время отсутствует какое-либо сотрудничество между европейскими и иранскими компаниями в сферах атомной энергетики и производства (продажи) оружия.

Крупнейшим торговым партнером ИРИ среди европейских стран стала Италия. Товарооборот между двумя странами за первое полугодие 2007 г. составил 2 млрд. 881 млн. евро. Италия импортировала из Ирана товаров на сумму 2 млрд. 84 млн. евро, а экспортировала в Иран товаров на сумму 797 млн. евро. Вслед за Италией со второго по пятое места среди европейских торговых партнеров ИРИ занимают соответственно Германия (товарооборот – 1 млрд. 813 млн. евро), Франция (1 млрд. 765 млн. евро), Нидерланды (1 млрд. 309 млн. евро) и Греция (1 млрд. 56 млн. евро).

Объем товарооборота с остальными странами ЕС был следующим: Испания – 838 млн. евро, Великобритания – 331 млн., Бельгия – 279 млн., Австрия – 232 млн., Швеция – 230 млн., Португалия – 202 млн., Румыния – 192 млн., Дания – 62 млн., Финляндия – 47 млн., Польша – 42 млн., Словения – 30 млн., Ирландия – 14 млн., Чехия – 13 млн., Венгрия – 13 млн., Болгария – 12 млн., Люксембург – 7 млн., Литва – 7 млн., Словакия – 5 млн., Кипр – 4 млн., Эстония – 1 млн. и Мальта – 1 млн. евро.

В первом полугодии 2007 г. экспорт Германии в Иран составил 1 млрд. 642 млн. евро, и среди ЕС она стала наиболее крупным экспортером своей продукции в ИРИ. Крупнейшим импортером иранских товаров стала Италия. Ее импорт составил 2 млрд. 84 млн. евро.

Рассмотрим далее текущую картину торгово-экономического сотрудничества с Ираном основных его европейских партнеров.

Италия – ныне главный торгово-экономический партнер Ирана. Основные товары, экспортируемые Ираном в Италию: нефть, продукция нефтехимической, горнорудной и металлургической промышленности, сталь, фрукты, сухофрукты, кожа, ковры. Главной продукцией, импортируемой Ираном из Италии, являются машины, механизмы и промышленное оборудование. Однако двустороннее сотрудничество не ограничивается только импортом иранской нефти и экспортом итальянского оборудования для тяжелой промышленности ИРИ. Обе страны заинтересованы в расширении экономического взаимодействия, в том числе в сферах связи, транспорта, судостроения, автомобилестроения, сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и экспорта инженерно-технических услуг. Италия готова участвовать в проектах производства, переработки, маркетинга и экспорта иранских сельскохозяйственных

товаров. Организация развития промышленности и рудников Ирана и итальянская компания «Ираско» строят завод по производству графитовых электродов. Италия участвует в освоении железорудного месторождения «Сангестан» в районе Нейшапура.

Итальянские компании «TotalFina Elf ENI» и «Agip Petroli» активно сотрудничают в нефтегазовых проектах, осуществляемых в Иране. В рамках соглашения о промышленном сотрудничестве между Ираном и Италией итальянская компания «Fata Aluminum Production» участвовала в модернизации алюминиевого комплекса «Аль-Мехди». Также продолжилось сотрудничество между иранской автомобильной компанией «Замьяд» и итальянской компанией «Iveco». А в январе 2008 г. в Иране состоялась церемония подписания контракта на проведение геологоразведочных работ на нефтяном блоке «Дир» и на последующую его разработку между Иранской национальной нефтяной компанией и итальянской компанией «Эдисон». Контракт оценивается в 107 млн. долл.

Германия, придавая большое значение укреплению своих позиций на иранском рынке, делает главный акцент на расширение капиталовложений немецких компаний в иранскую экономику. Берлин занимает первое место среди европейских инвесторов в экономику ИРИ и участвует в реализации 19 различных проектов, в том числе строительстве ирригационных сооружений и создании инфраструктуры водоснабжения, строительстве электростанций, алюминиевого комбината «Аль-Мехди» в Бендер-Аббасе, завода пищевой промышленности и упаковки, строительстве опреснительной установки в Чахбахаре. Германия поддерживает членство Ирана во Всемирной торговой организации. Основными статьями экспорта Германии в Иран являются тяжелое оборудование и машины, продукция нефтехимической промышленности, генераторы и комплектующие детали для автомобилей. Иранский экспорт в Германию, кроме нефти, главным образом состоит из текстильных товаров, сухофруктов и сельскохозяйственной продукции.

Несмотря на имеющиеся разногласия по ядерной программе, Германия стремится к укреплению и росту сотрудничества с Ираном. Так, во время встречи с руководителями Организации свободной экономической зоны (СЭЗ) «Киш» посол Германии в Иране Герберт Хонсовитц заявил, что отношения между этими странами успешно развиваются в таких областях, как энергетика, автомобилестроение, туризм, производство

сельскохозяйственной техники. По словам посла, Тегеран и Берлин имеют все условия для плодотворного сотрудничества в высокотехнологичных областях промышленности, в деле защиты окружающей среды, в производстве промышленных машин и оборудования. Также Герберт Хонсовитц подчеркнул, что Иран и Германия с давних пор поддерживают взаимовыгодные экономические отношения друг с другом, и устранение имеющихся препятствий позволит иностранным инвесторам чувствовать себя в полной безопасности на экономической арене Ирана. В настоящее время некоторые компании и организации из-за давления со стороны США стали относиться к сотрудничеству с Ираном более осмотрительно. Тем не менее для Германии торгово-экономические отношения с Ираном по-прежнему имеют особую важность.

Франция также является значительным торгово-экономическим партнером Ирана. Так, в 2005 г. Иран и Франция приступили к реализации долгосрочного (до 2010 г.) соглашения о взаимном экономическом сотрудничестве. Соглашением предусматриваются активизация деятельности малого и среднего бизнеса обеих стран, расширение инвестиционного сотрудничества на взаимной основе в таких областях, как авиаперевозки, жилищное строительство, прогрессивные технологии, туризм, рыбное хозяйство, медицина, фармацевтика, строительство электростанций и метро, нефтегазовая промышленность. Между французской компанией «Пежо-Ситроен», иранской компанией «САПКО» и администрацией СЭЗ «Киш» был решен вопрос о строительстве завода по производству автозапчастей на этой территории. Основная часть продукции этого завода будет поставляться на экспорт. Иранская компания «САПКО» входит в промышленную группу «Иран Ходроу» и является крупным производителем комплектующих и запасных частей для автомобилей марки «Пежо».

Франция и Иран сотрудничают в области создания инфраструктуры транспортных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад». Тегеран закупил у Парижа 100 локомотивов на общую сумму более 245 млн. евро, а французская компания «Тоталь» участвует в разработке месторождения «Южный Парс».

Франции крайне сложно обойтись без иранских энергоресурсов. Нефть и газ из Ирана остаются слишком привлекательными для французских предпринимателей, чтобы отказаться от них. Однако следует отметить, что руководство страны

после победы на президентских выборах Никола Саркози действительно заняло крайне жесткую позицию в отношении Тегерана. Так, в октябре 2007 г. министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер в очередной раз призвал западные страны к введению новых санкций против ИРИ. По мнению министра, пока диалог между Ираном и европейскими странами продолжается, необходимо параллельно работать и над проектом новых санкций. Такое положение вещей, как считает Бернар Кушнер, заставит Иран отнестись к переговорам более серьезно.

Что же касается **Нидерландов**, то несмотря на неплохой торговый оборот между странами, кабинет министров этой страны оставляет за собой право поддержать возможную вооруженную акцию против Ирана. Министр иностранных дел Максим Ферхахен в апреле 2007 г. заявил в парламенте, что «возможны ситуации, в которых вмешательство в Иране можно себе представить». А в сентябре 2007 г. главы МИД Франции и Нидерландов призвали европейские страны принять собственные санкции против ядерной программы ИРИ. «Мы предпочли бы усиление санкций против Ирана в вопросе ядерной энергетики через СБ ООН, но если Совет Безопасности не соглашается на принятие дополнительных мер, то мы готовы применить европейские санкции, с поддержкой со стороны Соединенных Штатов», – сказал министр иностранных дел Нидерландов. Подобной точки зрения придерживаются и в соседней **Бельгии**, где в 2007 г. министр иностранных дел этой страны Карел де Гухт призвал все страны мира выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН относительно санкций против Ирана.

Частный сельскохозяйственный сектор Ирана также имеет хорошие перспективы для сотрудничества с аналогичным сектором **Греции**, экономическая деятельность которой по-прежнему носит сельскохозяйственный характер. Помимо этого, имеются условия для плодотворного сотрудничества между двумя странами в таких областях, как создание совместных рынков, выращивание хлопка и льна, борьба с засухой.

Отношения Ирана с **Испанией и Португалией** развиваются довольно успешно. Так, 16 марта 2008 г. группа испанских предпринимателей посетила о. Киш и заинтересовалась инвестиционными проектами городского строительства на этом острове. Испанские предприниматели планируют инвестировать крупные средства в проекты городского строительства. Преимуществом СЭЗ «Киш» для иностранных инвесторов яв-

ляется то, что в течение длительного срока они освобождаются от всех налогов, для них и иностранных сотрудников фирм установлен безвизовый режим и сняты все ограничения по перемещению валюты. Иран является огромным и очень перспективным рынком сбыта продукции португальских частных компаний, так как ИРИ в 16 раз больше Португалии по площади территории и в 7 раз больше по численности населения. Кроме того, Иран граничит с 15 государствами, что упрощает транзит португальских товаров в страны Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Центральной Азии. Наиболее перспективными областями для развития сотрудничества Ирана и Португалии являются горнодобывающая и нефтегазовая промышленность, нефтехимия, пищевая промышленность, электроэнергетика и банковское дело. Однако, несмотря на все преимущества сотрудничества Португалии с Ираном, 19 сентября 2007 г. премьер-министр Португалии пригрозил ввести санкции против Ирана в случае нарушения Тегераном международных договоров.

Пристальное внимание к нефтяной отрасли Ирана оказывается со стороны **Великобритании**. Причем стратегическая конкуренция между британскими, американскими и иными компаниями усилилась в нефтяной и газовой сфере сразу же, как только франко-германский капитал проявил интерес к освоению крупнейшего месторождения «Южный Парс». Страны Евросоюза, в первую очередь Великобритания, Германия и Франция, стремятся воспользоваться ситуацией вокруг «иранского ядерного досье» для продвижения своих экономических и политических интересов на Ближнем и Среднем Востоке. В обмен на отказ от работ в критических ядерных областях Ирану было обещано содействие в строительстве легководных ядерных реакторов, поставке топлива к ним, в заключении ряда соглашений по торговле и снятии имеющихся экономических санкций.

Швеция является одним из ведущих торговых партнеров Ирана. В настоящее время здесь проживают около 90 тыс. иранцев, что благоприятствует развитию двусторонних торгово-экономических отношений и научно-технических и культурных связей между двумя странами. В 2006 г. Иран и Швеция подписали соглашение о стимулировании и поддержке взаимных инвестиций. В этом же году Иран и Швеция заключили межправительственное соглашение о международных автомо-

бильных перевозках пассажиров и грузов, а Исфаханский университет медицинских наук и Шведский университет подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области научных исследований. Как уже упоминалось ранее, на иранском рынке сотовой (мобильной) связи активно работает шведская компания «Ericsson».

Несмотря на дипломатические скандалы, имевшие место в последние годы между ИРИ и странами Скандинавии, Иран заинтересован во всестороннем укреплении взаимоотношений с ними, особенно со Швецией и Норвегией, с которыми он активно сотрудничает в нефтегазовой отрасли.

Швейцария заявила о готовностиерна инвестировать значительные средства в нефтегазовую отрасль иранской экономики. 17 марта 2008 г. в Тегеране между Иранской национальной газовой компанией и швейцарской компанией «Elektrizitaets-Gesellschaft Luafenburg» было подписано соглашение о поставках иранского природного газа в Швейцарию. В соответствии с названным соглашением, рассчитанным на 25-летний период, с 2009 г. в Швейцарию через территорию Турции начнутся поставки иранского природного газа в объеме 500 млн. куб. м в год. В дальнейшем объем поставляемого из Ирана в Швейцарию газа будет доведен до 5 млрд. куб. м в год. В таком объеме газ будет поставляться с 2012 г. Поставки газа в Швейцарию не имеют отношения к вопросу о поставках иранского газа в Европу по трубопроводу «Набукко». Подписание этого контракта вызвало крайнее недовольство США и Израиля.

Австрия и Иран уделяют внимание налаживанию сотрудничества между представителями малого и среднего бизнеса обеих стран, привлечению австрийских инвестиций в нефтегазовую, нефтехимическую, автомобилестроительную и железнодорожную отрасли иранской экономики.

Венгрия рассматривает энергетическую отрасль в качестве приоритетного направления своей деятельности на иранском рынке. Среди других сфер сотрудничества между двумя странами можно назвать фармацевтическое производство, защиту окружающей среды, информационные технологии, производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания.

Таким образом, среди всех европейских стран наибольший ежегодный торговый оборот с ИРИ имеют Италия и Германия. Именно их позиция в значительной степени удерживает ЕС от введения дополнительных экономических санкций в отношении

Ирана. Эффективность же действующих санкций со стороны СБ ООН явно недостаточна для изменения внешнеполитического курса Тегерана. В то же время именно введенные со стороны международного сообщества санкции на фоне неэффективной экономической политики президента Махмуда Ахмадинежада привели к серьезному бензиновому кризису на территории ИРИ летом 2007 г., когда сокращение импорта бензина на 56% вынудило руководство страны пойти на его квотирование.

«Большая тройка» ЕС и иранская ядерная программа

Необходимо заметить, что ЕС в отличие от США допускает положительное влияние Ирана на решение региональных конфликтов на Большом Ближнем Востоке. Так, 16 июля 2006 г., в период активных боевых действий Израиля против шиитского исламистского движения «Хизбалла» в Ливане, премьер-министр Италии Романо Проди предложил Ирану стать посредником в урегулировании ближневосточного кризиса. Такая позиция европейских стран обусловлена тем, что Тегеран имеет реальные рычаги влияния как в ПНА и Ливане через исламские движения ХАМАС и «Хизбалла», так и в Ираке, Афганистане, Пакистане, а также в ряде других мест. Однако проводимая ИРИ политика отличается двойственностью, так как, с одной стороны, она не заинтересована в сохранении конфликтов, особенно в непосредственной близости от собственных границ. Но с другой, поддержание вялотекущего процесса их урегулирования позволяет Тегерану реализовывать собственные национальные интересы. Следовательно, решить существующие на Большом Ближнем Востоке региональные конфликты без активной помощи Тегерана просто невозможно, но его участие будет обязательно увязано с ходом решения иранской ядерной проблемы.

С момента возникновения иранского ядерного кризиса среди европейских стран наиболее активную роль в решении этой проблемы играла Франция. Именно Париж в мае 2003 г. предоставил Группе ядерных поставщиков материалы, обвиняющие Иран в осуществлении военной ядерной программы. По мнению Парижа, Тегеран нарушил требования ДНЯО и Соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ, поэтому следовало поставить вопрос о его ответственности перед СБ ООН. Спустя два месяца Франция обратилась к ИРИ с предложением провести переговоры по восстановлению мер доверия между странами в ядерной области. Предполагалось решить эту

проблему на многосторонней основе совместно с Россией и Германией. Однако Москве и Парижу не удалось согласовать свои позиции по иранской ядерной проблеме, поэтому к переговорам вместо России подключилась Великобритания. В итоге возникла так называемая «большая тройка» ЕС: Великобритания, Франция и Германия.

В октябре 2003 г. начались переговоры «большой тройки» ЕС и Ирана, в ходе которых была выработана совместная декларация. Тегеран приостановил свою деятельность по обогащению урана, регенерации ОЯТ и выделению плутония, а ЕС взял курс на установление с Ираном сотрудничества в области политики, экономики и безопасности (см. главу 3). Спустя месяц между сторонами были подписаны Парижские соглашения, но основное противоречие так и не было устранено: Тегеран выступал за временный мораторий и считал возможным проведение в ближайшем будущем работ по обогащению урана под строгим контролем МАГАТЭ, европейская же сторона считала, что этого недостаточно. Жесткость позиции «большой тройки» объяснялась тем, что отсутствовала явная связь между программой развития собственной атомной энергетики и реализацией планов по конверсии и обогащению урана. К этому времени в Иране не было ни одной АЭС, поэтому заявленная необходимость самостоятельно производить ядерное топливо вызывала сильные сомнения. Не говоря уже о том, что для государства-участника ДНЯО не было никаких проблем с экспортом такого топлива.

Большие надежды Брюссель возлагал на иранские президентские выборы 2005 г., надеясь, что курс президента Мохаммеда Хатами на выстраивание диалога с западной цивилизацией будет продолжен. Однако Европу ждало большое разочарование: к власти в Иране пришел радикал-консерватор Махмуд Ахмадинежад, и вслед за этим начался процесс ухудшения европейско-иранских отношений.

В начале августа 2005 г. Тегерану был передан пакет предложений по рамочному соглашению между ЕС и ИРИ. «Большая тройка» ЕС подтвердила право Ирана на развитие мирной ядерной программы, гарантировала поставки ядерного топлива для иранских энергетических и исследовательских реакторов, поддержала российско-иранское сотрудничество в области атомной энергетики и стремление Тегерана вступить в ВТО, а также обещала содействовать в закупке запасных частей для

гражданской авиации. Кроме того, Франция и Великобритания вновь подтвердили свои односторонние гарантии безопасности, предоставленные Ирану 6 апреля 1995 г. при условии соблюдения Тегераном в полной мере своих обязательств согласно ДНЯО. Все это, по мнению «большой тройки», могло привести к формированию принципиально новых европейско-иранских взаимоотношений в области экономики, политики и безопасности, но для этого Иран должен был остановить реализацию собственной ядерной программы в области обогащения урана (см. главу 3).

Вместе с тем следует заметить, что подготовленное «большой тройкой» рамочное соглашение практически не содержало конкретных предложений, а излагало лишь общие принципы европейско-иранского сотрудничества. Поэтому неудивительно, что Тегеран отрицательно отнесся к этой инициативе и в одностороннем порядке прекратил переговорный процесс. Но ему даже не хватило выдержки, чтобы дождаться получения из Брюсселя официального документа.

Тем не менее «большая тройка» ЕС старалась избежать кризиса в разрешении иранской ядерной проблемы, поэтому в первой половине сентября 2005 г. она пыталась найти пути возвращения к Парижским соглашениям. В Нью-Йорке были проведены переговоры с Россией, ЮАР, Индией, Китаем и рядом других стран. В частности, рассматривалось предложение о вывозе всего наработанного ИРИ гексофторида урана в ЮАР и предоставлении ей взамен уранового концентрата. В тот период ЕС выступал категорически против любых иранских исследований в области обогащения урана и выделения плутония и требовал, чтобы Тегеран полностью остановил работу конверсионного предприятия в Исфахане и сооружение тяжеловодного ядерного реактора в Араке. Со своей стороны европейские страны были готовы поставить в Иран легководный исследовательский реактор.

К сожалению, руководство Тегерана выбрало курс на конфронтацию и никак не отреагировало на сделанные ЕС предложения. Положение еще более осложнилось после выступления в Нью-Йорке иранского президента Махмуда Ахмадинежада. В результате 24 сентября 2005 г. Совет управляющих МАГАТЭ большинством голосов принял решение, допускающее передачу иранского досье в СБ ООН.

По мнению «большой тройки», тогда следовало сохранять четырехформатный состав участников переговоров, а России

взаимодействовать с Ираном на двусторонней основе. Причиной этого состояла в том, что осенью 2005 г. позиции Москвы и Брюсселя относительно путей решения иранской ядерной проблемы существенно расходились. В то же время ЕС поддержал российскую инициативу о создании на ее территории международного центра по обогащению урана с целью обеспечения иранских потребностей в ядерном топливе.

В дальнейшем, вплоть до осени 2006 г., представители «большой тройки» ЕС и России надеялись, что Тегеран пойдет навстречу международному сообществу и в обмен на широко-масштабное экономическое сотрудничество откажется от проведения работ по обогащению урана на собственной территории. Однако иранское руководство продолжало тянуть время, одновременно наращивая соответствующее опытное производство в Натанзе и делая провокационные заявления о вступлении в «клуб ядерных держав» и создании полного ядерного топливного цикла (см. главу 3). Оставив без внимания российское предложение, совместное заявление Председателя СБ ООН от марта 2006 г. и сделанное несколько позже верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности Хавьером Соланой пакетное предложение, Тегеран, по сути, не оставил международному сообществу иного выбора, как введение против него санкций со стороны СБ ООН, что было реализовано в декабре 2006 г. (резолюция СБ ООН 1737).

В 2007 г. ЕС продолжил самостоятельные переговоры с ИРИ по ядерной проблеме, но без ощутимых результатов. Осложняло переговоры и то, что в рамках Европейского Союза отсутствовало единое мнение о путях решения этой проблемы. Так, в октябре 2007 г. министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер послал письмо 26 своим европейским коллегам, призвав ЕС немедленно ввести жесткие (дополнительные) экономические санкции против Ирана. Это предложение было поддержано политическим руководством стран Бенилюкса и Великобритании, но встретило непонимание в Австрии, Германии и Италии. В частности, министр иностранных дел Италии Массимо д'Алема заявил, что необходимо попытаться найти дипломатическое решение проблемы «ядерного досье» на переговорах с Ираном.

Как уже было отмечено, Италия является крупнейшим иранским торговым партнером в Европе, ее компании инвестировали миллиарды долларов в иранскую экономику, в том чис-

ле в крупнейший иранский газовый проект «Южный Парс», а на иранских объектах работают сотни итальянских специалистов. Можно представить, каковы будут последствия прекращения импорта итальянских товаров в Иран или поставок иранской нефти в Италию. Если со стороны Италии будет объявлено экономическое эмбарго, то тут же это место займут компании из других стран. Поэтому Италия выступила категорически против введения в отношении ИРИ жестких (дополнительных) санкций. Рим и Берлин – самые крупные экономические партнеры Ирана, и санкции ЕС против этой страны могут привести к серьезным проблемам в итальянской и немецкой экономиках. По этому поводу МИД Италии выпустил документ, в котором говорится, что «Италия и Германия договорились о необходимости поддерживать слаженные действия в отношениях с европейскими странами с целью добиться единого и действенного поведения ЕС». «Письмо французского министра – лишь внутривластная пропаганда», – сказал итальянский министр иностранных дел. «Мы можем заплатить за это высокую экономическую цену», – добавил он.

Подобные позиции, исходя из своих национальных интересов, занимают и некоторые другие страны. Почему? Газета «Washington Post» от 6 апреля 2007 г. пишет: «Понятно почему. Потому что единая Европа прекрасно себя чувствует как зона свободной торговли, но говорить о ней как о политической единице просто несерьезно. Европа, что ни говори, – это всего лишь какое-то количество суверенных стран, у каждой из которых свои интересы. Притом что заморозка экономических отношений с Европой потрясла бы Иран до самого основания».

В итоге сейчас против Ирана действуют санкции ЕС, но они в основном копируют аналогичные санкции со стороны СБ ООН. В то же время Брюссель демонстрирует более высокую готовность в использовании санкций, чем это до сих пор делают Москва и Пекин. Кроме того, инициатором резолюции СБ ООН 1803 (2008) стали именно Великобритания, Германия и Франция, что свидетельствует об определенном ужесточении европейского подхода к решению рассматриваемой проблемы, обусловленного в первую очередь реальной возможностью регионального ядерного распространения.

Подтверждением последнего вывода является то, что процесс свертывания отношений с Ираном идет. К примеру, Германия, которая занимает второе место в списке крупнейших

партнеров ИРИ, за первое полугодие 2007 г. снизила объем торговли с Тегераном на 18%. По данным британо-иранской торговой палаты, объемы экспорта из Великобритании в Иран за 2007 г. снизились на 7%, достигнув в денежном выражении отметки в 431,4 млн. фунтов.

Начинают появляться и новые нюансы в политике крупных зарубежных компаний по отношению к Ирану. Так, нефтегазовые компании, имеющие свои интересы в ИРИ, сознательно затягивают процесс переговоров. С одной стороны, они в угоду Соединенным Штатам не торопятся выполнять свои обещания перед Ираном, но, с другой стороны, также не спешат уходить с перспективного иранского рынка. В частности, компании «Роял Датч Шелл», «Репсол» и «Тоталь», имеющие неплохие перспективы по участию в проектах по разработке газового месторождения «Южный Парс» и созданию очень важных для Ирана производственных мощностей по сжижению газа, выжидали, по всей вероятности, решений по ядерной программе ИРИ, а также итогов президентских выборов в США (2008 г.) и Иране (2009 г.), которые могли повлиять на разрешение этой проблемы. Одновременно с этим на иранском рынке активизировалась деятельность мелких и средних компаний, что позволило увеличить экспорт товаров ЕС в ИРИ за первые четыре месяца 2008 г. на 18%. Так, по данным «Eurostat» за рассматриваемый период времени экспорт в Иран из Италии вырос на 33%, из Франции – на 30%, из Германии – на 17%.

В качестве последней инициативы ведущих европейских государств, имеющей прямое отношение к иранской ядерной проблеме, следует отметить заявление премьер-министра Великобритании Гордона Брауна и президента Франции Никола Саркози от марта 2008 г. о создании специальной международной системы выявления поставщиков ядерных материалов, нарушающих ДНЯО. Очевидна и цель ее создания – максимально воспрепятствовать получению Тегераном тех материалов, которые могут быть использованы для обогащения урана и наработки плутония.

В целом следует признать, что политика ЕС в отношении Тегерана находится под сильным влиянием Вашингтона. Причина этого состоит не только в трансатлантической солидарности, но и в том, что европейские компании боятся попасть под американские экономические санкции и потерять свое место на стабильном и чрезвычайно емком рынке США. Так, ежегодный

товарооборот французской компании «Areva Group» с США составляет около 1,5 млрд. долл., поэтому французы не будут рисковать этим постоянным доходом взамен потенциального строительства АЭС в политически нестабильном Иране. В то же время ряд европейских государств пока не видит альтернатив иранской нефти. Вследствие этого, несмотря на сильный нажим со стороны Вашингтона, ЕС не готов прекратить сотрудничество с Тегераном в этой сфере. Еще более отрицательно здесь воспринимают американские планы силового решения иранской ядерной проблемы, во всяком случае большинство лидеров стран Европейского Союза не собираются в этом участвовать.

4.3. Российско-иранское «настороженное партнерство»

Исторические реальности. Географически и исторически так сложилось, что Иран (ранее – Персия) издавна являлась для России традиционным политическим и торгово-экономическим партнером на Востоке, на протяжении целых эпох оставаясь одним из важных направлений российской восточной политики.

Столетиями между русскими и персами шел оживленный обмен товарами, идеями, культурными ценностями, усиливающими цивилизационный потенциал двух народов.

С XV века страны обменивались дипломатическими миссиями, позже между Российской Империей и Шахиншахской Персией установились постоянные дипломатические сношения.

В истории российско-иранских отношений было много разных событий, как со знаком минус, так и со знаком плюс. Однако следует подчеркнуть, что стороны всегда чувствовали и осознавали значимость друг друга.

Историческим событием стала борьба антигитлеровской коалиции против фашизма во Второй мировой войне. В то время Советский Союз ввел на иранскую территорию свои войска, чем спас страну как от фашистской оккупации, так и от необходимости силой оружия освободить иранский народ от нацизма, что неизбежно привело бы к страшным разрушениям. Иран стал членом антигитлеровской коалиции, и через его территорию поставлялась военная техника из США и Англии в Советский Союз, на фронты Великой Отечественной

войны. Именно Тегеран стал местом исторической встречи глав государств СССР, США и Англии, на которой решались судьбы войны и будущего мира. Поэтому советский и иранский народы были по одну сторону баррикад борьбы за свободу и справедливость.

После войны СССР делал все возможное, чтобы Иран не превратился в стартовую площадку чужих ракет, нацеленных на советские города. Более того, Москва приняла самое активное участие в осуществлении программы индустриализации Ирана в 60-х – 70-х годах прошлого века. Вспомним, что в это время здесь с помощью СССР было построено более 200 промышленно-экономических объектов, в том числе такой гигант индустрии, как Исфаганский металлургический комбинат.

Исламская революция 1979 г. в Иране внесла свои коррективы в советско-иранские связи. Вначале ее восприняли в Кремле с определенной растерянностью: направляющей силой этой революции оказалось духовенство, что явно не вписывалось в рамки атеистического марксизма-ленинизма. Однако демократические лозунги революции в Иране, участие в ней широких народных масс, активная роль левых организаций, а главное – ее антиамериканская сущность в разгар холодной войны с США – все это способствовало тому, что советское руководство с одобрением восприняло революционные преобразования в соседнем Иране, откуда были изгнаны американцы. Однако затем в советско-иранских отношениях наметился кризис, который объяснялся несовместимостью коммунистической идеологии и ислама. Рассвет забрезжил, когда к власти в СССР пришел прагматик Михаил Горбачев, провозгласивший «новое мышление». Знаменательным событием в истории отношений между Москвой и Тегераном стало личное послание лидера исламской революции и основателя ИРИ имама Хомейни Михаилу Горбачеву.

Но все же, кажется, перелом наступил несколько позже – в середине 90-х годов. К этому времени как в Иране, так и в России произошли кардинальные перемены: сквозь сковывающую все живое мерзлоту шиитско-идеологических догматов все активнее стали пробиваться ростки прагматизма и открытости в иранском обществе, усиливались политико-экономические позиции реалистов, возглавляемых президентом ИРИ Мохаммедом Хатами. Распался Советский Союз, ушел в прошлое идеологизированный тоталитарный режим со своими

имперскими претензиями. Новая Россия стала строить свою внешнюю политику на совершенно иных, демократических принципах, отвечающих сложившимся в мире современным условиям.

Важной вехой в новейшей истории российско-иранских отношений стал официальный визит президента ИРИ Мохаммеда Хатами в Россию весной 2001 г. Встречи и плодотворные переговоры в Москве президентов Путина и Хатами явились мощным импульсом для активизации процесса всеобъемлющего российско-иранского сотрудничества.

По итогам визита президента Ирана было принято Совместное российско-иранское коммюнике, в котором четко заявлено, что «взаимовыгодное сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях, а также на международной арене отвечает национальным интересам двух стран и играет важную роль в деле поддержания мира и стабильности на региональном и глобальном уровнях». Именно прагматизм стал основой российско-иранских отношений в XXI в.

Экономические реальности. Наиболее известно российско-иранское сотрудничество в сфере атомной энергетики, которое заключается в достройке, ориентировочно к концу 2008 г., атомной электростанции с водо-водяным энергетическим реактором ВВЭР-1000 (VVER-1000) в Бушере. Этот проект носит исключительно мирный характер, так как строящийся реактор не предназначен для наработки плутония. С декабря 2007 г. (начало поставок ядерного топлива) на АЭС в Бушере стали распространяться гарантии МАГАТЭ. Причем в соответствии с подписанными в феврале 2005 г. российско-иранскими соглашениями, ИРИ взяла на себя обязательства по возврату облученного (отработанного) ядерного топлива с энергоблока Бушерской АЭС в Россию, что исключает возможность его использования Ираном в военных целях. Строительство АЭС в Бушере является достаточно крупным контрактом, нынешняя стоимость которого превышает 1 млрд. долл. В его реализации задействовано около трехсот российских предприятий, что создало приблизительно 20 тыс. рабочих мест.

Несмотря на давление со стороны Запада, продолжается российско-иранское военно-техническое сотрудничество. Так, в течение 2006 г. в Иран были поставлены 29 зенитных ракетных комплексов «Тор М-1» на сумму около 1 млрд. долл. По-

мимо этого, Тегеран хотел бы закупить зенитные ракетные системы среднего и дальнего радиуса действия «С-300 ПМУ1». Однако в январе 2006 г. Иран, вопреки мнению международного сообщества, возобновил ядерные исследования в области обогащения урана, поэтому переговоры по этому вопросу были прерваны. Неожиданно в декабре 2007 г. министр обороны ИРИ Мостафа Наджар заявил о предстоящих поставках из России пяти дивизионов таких комплексов, но официальные представители Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству опровергли эту информацию.

Кроме этого, сотрудничество между Москвой и Тегераном развивается в областях добычи (транспортировки) нефти и газа, строительства железных дорог в рамках проекта «Север-Юг», предусматривающего создание транспортного коридора от российско-финской границы до иранского порта Бендер-Аббас в Персидском заливе, а также в сфере поставок продовольствия и товаров легкой промышленности. В целом в 2007 г. объем товарооборота между нашими странами достиг 3,3 млрд. долл. (рост по сравнению с 2006 г. составил 54%). По-видимому, столь значительное увеличение товарооборота было обусловлено поставками вооружений и окончанием строительства Бушерской АЭС. При этом экспорт РФ в ИРИ превысил 2,9 млрд. долл., а импорт – 350 млн. долл. Ранее в структуре российско-го экспорта доля черных и цветных металлов и изделий из них составляла 69%; нефти и продуктов ее переработки – 10%; машин, оборудования и транспортных средств – 8%; древесины и целлюлозно-бумажных изделий – 8%; продукции химической промышленности – 2%.

Об успешном экономическом сотрудничестве свидетельствует такой факт: ОАО «Газпром» в составе консорциума с французской компанией «TotalFinaElf» и малазийской «Petronas» («Petronas Carigali Overseas Sdn Bhd») завершило работы по освоению второй и третьей очереди газоконденсатного месторождения «Южный Парс» и в настоящее время в рамках контракта осуществляет расчеты с иранской стороной по возврату вложенных в проект средств. Стоимость проекта составляет около 2 млрд. долл., долевое участие «Газпрома» – 30%. «Газпром» строит в Иране подземные хранилища газа и разрабатывает генеральную схему газораспределительной сети страны, а также участвует в строительстве и обслуживании национальных газовых сетей.

Российская компания «Татнефть» создала совместное (с равными долями участия) российско-иранское предприятие «Pars-Татнефть» для ведения в Иране работ в нефтегазовой и нефтехимической промышленности. Она уже завершила выполнение обязательств по контракту на геофизические исследования методом сейсмолокации бокового обзора в районе месторождения «Монд».

Помимо этого, в конце октября 2005 г. российская ракета-носитель «Космос-3М» вывела на орбиту первый иранский спутник связи и космической фотосъемки. В настоящее время российское научно-производственное объединение Прикладной механики им. ак. М.Ф. Решетникова по иранскому заказу разрабатывает телекоммуникационный геостационарный спутник, а ОАО «КАМАЗ» запустило в Тебризе (Иран) совместно с «Rakhsh Khodro Diesel Co.» уже вторую линию по сборке грузовых автомобилей. Всего в 2008 г. планировалось отгрузить около 1,7 тыс. сборочных комплектов деталей. Примерно такие же объемы заявлены и на 2009 г. Таким образом, уже сейчас Иран стал для «КАМАЗа» крупнейшим экспортным рынком вне постсоветского пространства.

Отдельного рассмотрения заслуживает инициатива создания организации ведущих мировых производителей и экспортеров природного газа, так называемого газового ОПЕК. Выразив заинтересованность в его создании, Москва не поддержала иранский (жесткий) вариант устава этой организации, предложив согласовывать только цены на природный газ и маршруты его транспортировки. Расхождение позиций по этому вопросу обусловлено следующим. Иран, настаивая на скорейшем создании газового ОПЕК, стремится решить для себя исключительно политические задачи. При этом он практически не экспортирует природного газа, несмотря на огромные его запасы. Россия же является крупнейшим поставщиком природного газа в Европу и выстраивает свои отношения со странами ЕС на основе долгосрочных контрактов по ценам, привязанным к мировым ценам на нефть, поэтому она не собирается менять схему экспорта или согласовывать отпускные цены на природный газ с другими участниками картеля. Кроме того, в отличие от нефти рынка природного газа как такого не существует ввиду крайней незначительности (в общем объеме) экспорта сжиженного газа и его относительной дороговизны. Вследствие вышеизложенного, Пятое заседание Форума стран – экспорте-

ров газа прошло в апреле 2008 г. на уровне экспертов, то есть носило чисто консультативный характер.

Таким образом, несмотря на отдельные успехи, современные российско-иранские экономические отношения в целом сравнительно скромны. Перспективы же дальнейшего российско-иранского экономического сотрудничества крайне неясны, так как в отношении ИРИ уже введены санкции со стороны СБ ООН (резолюции 1737, 1747 и 1803), США и ряда других ведущих государств. Препятствует этому и то, что Москва и Тегеран как крупнейшие экспортеры углеводородного сырья достаточно часто вступают в прямую конкуренцию, в частности на европейском газовом рынке, а совместная добыча иранских энергоресурсов не всегда возможна из-за отсутствия у РФ соответствующих передовых технологий.

Политические реальности. В нынешней сложнейшей международной обстановке, которая обусловлена воздействием огромного количества факторов, Россия прекрасно понимает стратегическое значение Исламской Республики Иран. Ни у кого не вызывает сомнения, что ИРИ играет одну из доминирующих ролей в важнейшем регионе планеты – Западной Азии, где она занимает особое военно-стратегическое положение, являясь одновременно и средневозвосточной, и кавказской, и центральноазиатской, и каспийской страной, имеющей выход в Персидский и Оманский заливы Индийского океана. Все болевые точки региона так или иначе сопряжены с Ираном. И международная политическая практика последних лет это убедительно доказала: без участия Ирана не могут быть решены многие мировые и региональные проблемы. В частности: борьба с терроризмом и наркобизнесом, кризис в Ираке, нормализация ситуации в Афганистане, национальное примирение в Таджикистане, стабилизация на Кавказе, ближневосточное урегулирование и в более широком плане – наведение мостов, экономическое сотрудничество и ведение диалога между цивилизациями.

Однако, несмотря на эти реальности, в политической сфере российско-иранских отношений все же присутствует определенная противоречивость.

С одной стороны, в период 90-х годов Иран был традиционным политическим партнером России в сдерживании суннитских, ваххабитских радикальных группировок, в первую очередь на Северном Кавказе, в недопущении изоляции Армении,

при мирном урегулировании в Таджикистане, а также активно помогал в свержении режима талибов в Афганистане. Россия и Иран придерживаются общего мнения о недопустимости вмешательства в региональные дела Кавказа, Каспия, Центральной Азии со стороны западных держав.

С другой стороны, приверженность нынешнего руководства ИРИ ортодоксальной «хомейнистской» идеологии, поддержка им радикальных (если не сказать террористических) исламистских группировок и провокационная антизападная и антиизраильская политика на фоне нерешенности региональных проблем усугубляют ситуацию в сфере международной безопасности. Причем ввиду территориальной близости любой вооруженный конфликт какой-либо страны с Ираном может привести к дестабилизации ситуации вначале в Закавказье, а затем и на российском Северном Кавказе.

Кроме того, иранское руководство с маниакальной настойчивостью продолжает программу обогащения урана, разумная потребность в которой отсутствует вообще, и пытается любой ценой создать полный ядерный топливный цикл, что может стать базисом для создания ядерного оружия. Опасность такой деятельности для Москвы очевидна с учетом досягаемости для иранских ракет "Шахаб-3" южных регионов России, включая Волгоградскую и Астраханскую области, в которых проживает более 20 млн. человек. В этой связи для России недопустимо, если Иран будет накапливать запасы оружейного урана и плутония, прекратит взаимоотношения с МАГАТЭ и выйдет из ДНЯО.

По мнению российской стороны, сейчас особенно важно сохранить инспекции иранских ядерных объектов со стороны МАГАТЭ и возобновить действие на территории ИРИ Дополнительного протокола (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что позволит заблаговременно выявлять незаявленную (незаконную) ядерную деятельность и наличие соответствующих материалов. Одновременно с этим Москва готова продолжать с Тегераном активный диалог, подтверждением этого стали два следующих события:

– в конце апреля 2008 г. в Тегеране прошли переговоры бывшего и.о. секретаря Совета Безопасности РФ Валентина Соболева с высшим руководством ИРИ, включая президента Махмуда Ахмадинежада. При этом Россия призвала Иран продолжить переговоры с «шестеркой» международных посредников;

– 14 мая 2008 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров предложил международному сообществу предоставить ИРИ гарантии безопасности и обеспечить ей более достойное место в переговорах по урегулированию ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Тем не менее современные российско-иранские отношения в политической сфере носят ограниченный характер. Одна из причин этого состоит в том, что нынешнее иранское руководство, преследуя свои узко национальные интересы, достаточно часто игнорирует доверительность предложений Москвы, пытаясь угодить Западу. Так, в ноябре 2005 г. бывший в то время секретарем Совета Безопасности РФ Игорь Иванов посетил Тегеран и предложил создать на российской территории совместное предприятие по обогащению урана. Однако руководство ИРИ сделал вид, что не получало такого предложения, и вынудило Москву сделать это повторно уже по дипломатическим каналам. Аналогичное происшествие случилось и в ходе юбилейного саммита Шанхайской организации сотрудничества в 2006 г., когда президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад согласился принять предложения так называемой «шестерки» по ядерной проблеме, а потом не сделал этого.

Другая причина, существенно осложняющая российско-иранские отношения, обусловлена тем, что Тегеран, стремясь стать лидером мусульманского мира, постоянно старается увлечь Москву на свою орбиту антизападной политики. Последнее явно противоречит российским национальным интересам, в том числе и потому, что страна остро нуждается в передовых западных технологиях и крупных инвестициях, а основные валютные поступления получает из Европы. Пойдя на резкое сближение с ИРИ, Россия рискует все потерять и получить взамен только мифические контракты в сфере ядерной энергетики, речь о которых идет уже последние несколько лет.

В настоящее время российско-иранские отношения переживают не самый лучший этап своего развития. Его продолжительность оценить достаточно трудно, но, по-видимому, только приход к власти в Тегеране прагматиков, способных выстроить с остальным миром взаимоприемлемые отношения, создаст серьезную базу для существенного улучшения отношений между нашими странами. А до этого времени, в условиях все усиливающейся международной изоляции Тегерана говорить о расширении российско-иранского сотрудничества, а тем бо-

лее о формировании союзнических отношений просто несерьезно. Гораздо разумнее постараться сохранить с ИРИ партнерские отношения и убедить других в необходимости мирного решения иранской ядерной проблемы. Правда, подтверждая все то позитивное, что есть в российско-иранских связях, нельзя не отметить и возможные последствия превращения естественных и необходимых российско-иранских партнерских отношений в стратегическо-союзнические. Вопрос звучит так: до каких пределов может и должно идти сближение демократической России и исламского Ирана?

По всей видимости, необходим прагматический подход к отношениям с Ираном, основанный на самостоятельном, независимом курсе РФ в иранской проблематике, на развитии выгодных для России торгово-экономических, научных, военно-технических, культурных связей в самых различных областях, несмотря на известное раздражение США и некоторых американских союзников и их политическое давление. В то же время, несмотря на серьезный кризис в российско-западных отношениях, возникший после вторжения войск Грузии на территорию Южной Осетии, следует с пониманием относиться к опасениям Запада по поводу действующей и ныне военно-политической доктрины ИРИ, декларирующей полное единство религии, идеологии и политики, необходимость «экспорта идей исламской революции» в другие страны и поддержку исламских движений во всем мире.

Если принять во внимание тот факт, что по Хомейни религия – идеология – политика есть одно целое, то чисто шиитские установки естественно трансформируются в политические. Поэтому, сохраняя, безусловно, необходимые и важные для России связи с шиитским Ираном, нужно также всегда иметь в виду этот религиозный морально-этический и психологический аспект. Подобная шиитская идеологизированная политика (или политизированная идеология!) может стать инструментом элементарного использования заинтересованности России в Иране для достижения руководством ИРИ целей, далеких от национальных интересов РФ.

Политику на иранском направлении желательно вести с учетом особенностей шиитской государственности в Исламской Республике Иран, господствующей там идеологии и с осознанием того очевидного факта, что Иран сегодня пытается использовать Россию в своих собственных интересах.

В настоящее время отношения РФ – ИРИ должны характеризоваться как «настороженное партнерство», без перерастания в стратегическо-союзнические.

4.4. Иран в стратегических планах Китая

Китай наряду с Японией, Италией, Южной Кореей и Германией является одним из ведущих торговых партнеров Ирана. Двухсторонний товарооборот в 2006 г. превысил 10 млрд. долл. Иран обеспечивает 18% китайских потребностей в импорте нефти (400 тыс. баррелей сырой нефти в день) и является на сегодня крупнейшим поставщиком нефти в эту страну, опередив Саудовскую Аравию и Оман.

Одна из острейших проблем КНР обусловлена достаточно ограниченными собственными запасами нефти и природного газа. По мере развития экономики, которая во многом еще движется по экстенсивному пути, эта проблема будет все более обостряться. Так, уже сейчас китайский импорт нефти превышает 90 млн. тонн, а к 2020 г. ожидается его увеличение до 200 млн. тонн. Аналогичная ситуация наблюдается и на рынке природного газа: к 2010 г. планируется увеличение спроса на это сырье до 80–100 млрд. куб. м в год, к 2020 г. – до 190–220 млрд. куб. м, к 2030 г. – до 320–380 млрд. куб. м. Один из путей решения собственной энергетической проблемы руководство Пекина видит в существенном расширении экспорта углеводородов из ИРИ. Реализуя такую стратегию, Китай в 2004 г. подписал с Ираном два долгосрочных контракта в энергетической сфере:

– в марте китайская государственная нефтеторговая компания «Zhuhai Zhenrong Corp.» заключила 25-летнее соглашение на импорт из Ирана природного газа на сумму порядка 20 млрд. долл.;

– в октябре китайская государственная нефтяная компания «Синопек» (SINOPEC Engineering Inc.) подписала контракт на импорт в течение 25 лет из материкового нефтегазового месторождения «Ядавалан», расположенного на юго-западе Ирана, 385 млрд. куб. м природного газа, а также в этот же период времени 150 тыс. баррелей сырой нефти в день. Разведанные запасы нефти этого месторождения составляют 18,3 млрд. баррелей, а извлекаемые запасы – 3,2 млрд. баррелей.

Позднее от поставок иранского природного газа КНР временно отказалась, по-видимому, заменив его аналогичным сырьем из Центральной Азии. В отношении же иранской нефти переговоры продолжились, что позволило в декабре 2007 г. подписать между Министерством нефти ИРИ и китайской компанией «Синопек» контракт на разработку некоторой части месторождения «Ядавалан». Этот контракт предусматривает китайские инвестиции в размере 2 млрд. долл. в течение четырех лет. После чего компания «Синопек» будет добывать 85 тыс. баррелей сырой нефти в день. Предполагается и вторая стадия проекта, в рамках которой планируется добывать еще 100 тыс. баррелей нефти. Помимо этого, с 2001 г. компания «Синопек» разрабатывает нефтяное месторождение «Заварех-каншане», расположенное в 200 км от Тегерана. Всего в 2008 г. эта компания планировала закупать в ИРИ 240 тыс. баррелей сырой нефти в день.

В настоящее время рассматривается вопрос о ежегодных поставках в Китай 20 млн. т сжиженного природного газа (в пересчете это составит порядка 30,8 млрд. куб. м природного газа) из иранского месторождения «Северный Парс». Соответствующее соглашение между Министерством нефти ИРИ с китайской компанией «Синук» уже подписано, но требуется его утверждение со стороны Высшего экономического совета ИРИ. Против такого соглашения выступают как местные власти, так и ряд депутатов Меджлиса, которые предлагают добываемый здесь природный газ направлять исключительно для внутренних нужд местного населения, а для экспорта в Китай использовать газовое месторождение «Южный Парс». Помимо этого, возможно продление до КНР планирующегося газопровода Иран-Пакистан-Индия. Однако перспективы сооружения последнего достаточно неясны ввиду активного противодействия этому проекту со стороны Вашингтона.

Осуществление названных контрактов не только привлекает значительные китайские инвестиции в разведку, добычу и транспортировку иранских энергоресурсов, но и позволяет развивать нефтехимическую и газовую инфраструктуру страны. В частности, за последние годы КНР вложила 1,5 млрд. долл. в строительство завода газовых конденсатов в Свободной экономической зоне «Киш» (иранская провинция Хормозган). А китайская государственная компания «Синопек» подписала с Иранской национальной нефтяной компанией соглашение

на сумму 150 млн. долл. о переоборудовании Тебризского и Исфаганского нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) и сооружении нефтепровода Некка–Тегеран длиной 336 км. Однако позже в связи с выдвиганием иранцами неприемлемых дополнительных условий сотрудничества компания «Синопек» вышла из совместного консорциума. Вместо нее к реконструкции НПЗ в Тегеране и Тебризе приступили несколько частных китайских компаний.

Следует заметить, что одним из условий продвижения КНР на энергетическом рынке Ирана была продажа ему китайского вооружения. В 90-е годы, по некоторым данным, Пекин оказывал Тегерану помощь в создании баллистических ракет дальнего действия. В октябре 1997 г. во время официального визита в США председатель КНР Цзян Цзэминь пообещал Белому дому прекратить китайско-иранское сотрудничество в военно-технической сфере. Тем не менее в период 1997–2006 гг. Пекин поставил Тегерану радар, транспортные самолеты, противокорабельные ракеты и ракеты класса "земля-воздух". По данным американской стороны, достаточно часто проданное ИРИ китайское оружие затем контрабандным путем доставлялось в Ирак и Афганистан.

В условиях все усиливающейся международной изоляции Тегерана китайская экономика представляет для ИРИ, пожалуй, единственный источник крупных инвестиций и современных технологий. В Пекине это отчетливо осознают и, невзирая на возможность экономических санкций со стороны США, усиленно расширяют свою экспансию на перспективный иранский рынок. При этом особое место отводится сотрудничеству в сфере транспорта. В частности, реализуется подписанный в 2003 г. «Протокол о взаимодействии в транспортной сфере», который предполагает строительство китайскими специалистами на иранской территории аэропортов, автодорог, железных дорог и портовых сооружений. Пекин уже инвестировал в транспортную отрасль ИРИ порядка 400 млн. долл. Так, китайцы строят шоссейную магистраль «Тегеран-Север», расширяют сеть тегеранского метро и, по-видимому, будут строить линии метро в Исфагане, Мешхеде и Тебризе. Одновременно с этим ведутся широкомасштабные поставки в Иран китайских грузовых и микро- автомобилей. В частности, только компания «China National Heavy Truck Corporation» в 2006 г. поставила в ИРИ 10 тыс. автомобилей большой грузоподъемности и под-

писала с иранской компанией «Iran Khodro Diesel» контракт на сборку своих грузовиков. А китайская компания «South East (Fujian) Motor Co. Ltd.». За тот же период времени поставила в ИРИ 8 тыс. микроавтобусов «Soueast Delica».

Сотрудничество КНР и ИРИ в сфере транспорта хорошо вписывается в реализуемую Пекином концепцию создания «Большого Китая», то есть существенного расширения сферы своего влияния путем экономического проникновения и завоевания твердых позиций во всех близлежащих странах. В рамках этой концепции формируется азиатско-европейский трансконтинентальный коридор (новый «Шелковый путь»), проходящий через Турцию, Иран, страны Центральной Азии и Китай. При этом предполагается как строительство новых железных и автомобильных дорог, так и прокладка нефте- и газопроводов. Важность последнего для Пекина исключительно велика, так как позволит, с одной стороны, исключить американский контроль за транспортировкой энергоресурсов, а с другой, – укрепить собственную энергетическую безопасность.

Помимо этого, Пекин и Тегеран развивают сотрудничество в таких областях, как энергетика, строительство, судостроение, сельское хозяйство, нефтехимия, водное хозяйство и ткацкое производство. Всего в Иране сейчас работают свыше 1200 китайских компаний и фирм. Об эффективности китайско-иранского сотрудничества в сфере энергетики говорит тот факт, что китайские компании уже построили в ИРИ две гидроэлектростанции (ГЭС) – «Талеган» и «Мулла Садра», а также победили в международном конкурсе на строительство ГЭС «Рудбар». Для реализации этих проектов КНР открыла кредитную линию в размере 1 млрд. долл.

Конечно, достаточно тесные китайско-иранские экономические связи оказывают свое влияние и на внешнеполитические взаимоотношения. Тем более, что по ряду важнейших общемировых вопросов (повышение роли ООН в решении мировых проблем, становление многополярности, реализация курса на мирное сосуществование) позиции сторон близки или совпадают. Укреплению двусторонних взаимоотношений способствовало и то, что в июле 2005 г. Иран вступил в качестве наблюдателя в ШОС. В то же время, Пекин явно не хочет, во всяком случае в настоящее время, ставить под удар свои взаимоотношения с Вашингтоном, степень важности которых для него существенно выше. Как следствие этого, активное китайско-иранское

сотрудничество в чувствительных для США областях (ядерная, военно-техническая) к началу XXI в. оказалось свернутым, в 2006–2008 гг. Пекин поддержал введение санкций против ИРИ со стороны СБ ООН, а в последнее время стал ограничивать китайско-иранские связи в банковской сфере.

По-видимому, руководство ИРИ переоценило степень зависимости Китая от иранской нефти и его стремление заменить ЕС на этом рынке. Подтверждением такого вывода служат итоги ноябрьского (2007 г.) визита в КНР министра обороны США Роберта Гейтса, во время которого тема Ирана была одной из основных. К тому же Китай уже несколько лет в срочном порядке осваивает новые нефтяные источники в Центральной Азии, Африке и Латинской Америке, чтобы как можно меньше зависеть от Ирана и всего Ближнего и Среднего Востока.

Не способствуют сближению с Тегераном и усиливающиеся китайско-израильские отношения. Насущная потребность в них обусловлена сохранением эмбарго ЕС и США на экспорт вооружений в Китай, которое было введено после трагических событий на площади Тяньаньмынь (1989 г.). В этих условиях Пекин пытается восполнить недостаток современных военных технологий за счет сотрудничества с Тель-Авивом. Как следствие этого, Китай выступает против принятия Ирана в члены ШОС.

Таким образом, Иран занимает важное место в стратегических планах КНР, особенно связанных с обеспечением энергетической безопасности и реализацией концепции «Большого Китая». Однако осуществление этих планов, по-видимому, отложено до момента некоторой стабилизации американо-иранских отношений. В настоящее же время руководство Пекина старается сохранить с Тегераном партнерские отношения и не допустить введения против ИРИ жестких санкций, в первую очередь препятствующих экспорту отсюда углеводородов.

При этом следует заметить, что в отношении иранской ядерной программы Пекин, по сути, не проявляет большой активности. Причины такой политики обусловлены следующим:

- нежеланием ссориться с Западом, основным источником передовых технологий и крупных инвестиций;
- относительной территориальной удаленностью и отсутствием общей границы с ИРИ, что делает достаточно маловероятным расширение возможного американо-иранского вооруженного конфликта на китайскую территорию;

– серьезными нарушениями режима ядерного нераспространения, совершенными КНР в прошлом, и нынешним позиционированием себя как ответственного внешнеполитического игрока;

– отсутствием двустороннего сотрудничества в ядерной сфере.

КНР будет вынуждена занять более активную позицию по отношению к иранской ядерной проблеме, если под удар будут поставлены ее коренные национальные интересы, связанные с экспортом из ИРИ углеводородов. В этом случае Китай как постоянный член СБ ООН может воспользоваться своим правом вето в этой организации. Кроме того, КНР, как и РФ, выступает против военного решения этой проблемы.

4.5. Ирано-израильское противостояние

С момента образования государства Израиль и вплоть до 1979 г. взаимоотношения этой страны с Ираном развивались в дружественном русле. Иран экспортировал туда нефть, природный газ, различное минеральное сырье, продовольствие и предметы ширпотреба, а в обмен получал доступ к передовым технологиям в промышленности, сельском хозяйстве и медицине. Вследствие этого Израиль входил в десятку важнейших торговых партнеров Ирана, положительное сальдо товарооборота приносило в 70-е годы Тегерану ежегодно порядка 200 млн. долл., и на территории страны работали сотни израильских специалистов.

В тот период для экспорта иранской нефти и нефтепродуктов были построены нефтепровод Эйлат–Ашкелон и нефтеперерабатывающий комплекс в Ашдоде, а также реконструирован Эйлатский порт. Тогда развитие иранской ядерной программы, начатое шахом Мохаммедом Резой Пехлеви, не вызвало у израильского руководства никаких возражений. Вследствие этого Израиль активно помогал Тегерану в создании ядерной инфраструктуры. В частности, специалисты из израильских ядерных центров в Димоне и Сореке заложили фундамент энергетического реактора в Бушере и подготовили проект технико-экономического обоснования для постройки исследовательского реактора в Исфахане.

Политическому сближению Израиля и Ирана способствовало то, что они были основными союзниками США на Ближ-

нем и Среднем Востоке. В связи с этим между странами активно развивалось сотрудничество в сферах обороны и безопасности в соответствии с действовавшим «Соглашением об обмене стратегической и оборонной информацией и координации взаимных действий». В частности, специалисты из Израиля создавали в Иране современную систему противовоздушной обороны и заложили основы иранского ракетостроения, сотрудники израильской службы внешней разведки «Мосад» помогали налаживать работу шахской разведывательной структуры САВАК, а в период войны Судного дня 1973 г. Тегеран оказал Израилю существенную помощь, передав ему 25 боевых истребителей F-4 «Фантом».

Истоки противостояния

После победы в Иране исламской революции взаимоотношения между Ираном и Израилем стали стремительно ухудшаться, так как основатель ИРИ аятолла Хомейни всегда считал Израиль (по его терминологии – «сионистское государственное образование») одним из двух главных врагов ИРИ (после США).

Еще задолго до исламской революции в своих речах и проповедях аятолла Хомейни проводил четкую антиизраильскую, антиссионистскую линию. Приведем всего несколько примеров.

2 мая 1963 г. во время речи в кумской мечети аятолла Хомейни сказал: «Они [паломники] вынуждены терпеть придирки презрительного [шахского] чиновника, если кто-нибудь выскажет правдивое мнение, что исламу угрожают евреи. Господи, уж не жид ли управляет всеми нами на самом деле? Уж не прожидовлена ли и наша страна?»

15 апреля 1964 г. аятолла Хомейни произнес в Куме большую речь о социально-экономических реформах шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, названных «Белой революцией шаха и народа». В этой обличительной речи Хомейни, в частности, сказал: «Мы считаем, что программы наших реформ на самом деле разработаны Израилем, и это к Израилю вы [то есть шахские власти] обращаетесь за помощью и советом, когда надо составить план. Вы зовете израильских советников в нашу страну. Вы посылаете студентов из нашей страны в Израиль... Бог знает, чему они могут научиться у евреев, кроме искусства мошенничать, обманывать и предавать..?» «Любимый мой народ ненавидит Израиль, ненавидит любое правительство,

заискивающее перед Израилем». «Не стоит любой стране доверять евреям... Гибельно для любой исламской страны, для мусульман доверять им, иметь отношения и заключать договоры с правительством, которое сейчас враг ислама, которое противостоит исламу и незаконно захватило Палестину».

26 октября 1964 г. перед своим домом в Куме аятолла Хомейни выступил с речью, где отметил: «Все наши нынешние беды порождаются Израилем».

18 февраля 1978 г. в Неджефе (Ирак) в мечети шейха Ансари аятолла сказал: «Такие империалистические государства, как Америка и Британия, дали жизнь Израилю. Теперь мы видим, какие унижения испытывали и продолжают испытывать там мусульмане и особенно шииты. А тем временем они навязали Египту своего агента по имени Садат, каждый шаг которого направлен на служение империализму и который совсем недавно посетил Израиль, где официально признал его и одобрил каждое слово, высказанное израильцами».

Тем не менее после завоевания власти в 1979 г. клерикальное руководство проявило достаточно высокую степень терпимости к собственным иудеям. Последним были гарантированы гражданские права, если они не будут заниматься шпионской деятельностью в пользу Израиля. Хотя сразу после революции определенное количество иранских евреев подверглось гонениям, это не вылилось в целенаправленную политику репрессий, как это произошло, например, с иранскими курдами. Еврейский капитал по-прежнему продолжал оставаться неотъемлемой частью экономики ИРИ, а верующие иудеи свободно отправляли свои религиозные потребности в десятках действующих в стране синагог.

После смерти аятоллы Хомейни в 1989 г. было обнародовано «Религиозное и политическое завещание имама Хомейни». В нем лидер исламской революции, создатель Исламской Республики Иран также не забыл нанести удар по Израилю. Касаясь характера израильского государства, имам Хомейни наставлял:

«Америка – природный террорист – совершила поджог всего мира, а ее союзник, мировой сионизм, ради достижения своих грязных целей совершает преступления, о которых стыдно говорить и писать.

С точки зрения ислама и мусульман, а также всех международных критериев, Израиль – агрессор и захватчик...»

«Я считаю план независимости Израиля и его признание катастрофой для мусульман и подрывом деятельности исламских правительств».

По мнению имама Хомейни, единственный путь к освобождению Иерусалима – это вера в Бога, самопожертвование и вооруженный поход до полного уничтожения Израиля.

Поэтому совершенно очевидно, что пока в Иране господствующей официальной идеологией остается хомейнизм, вопрос об улучшении отношений с Израилем стоять не может. Как следствие, ИРИ является одной из немногих (а быть может, единственной) страной, не признающей возможность самого существования Государства Израиль.

Естественно, что чрезвычайно радикальная позиция ИРИ по этому вопросу вытекает из самой сущности учения лидера исламской революции и основателя ИРИ аятоллы Хомейни. Сохранение этой антиизраильской линии Хомейни неоднократно подтверждали нынешние иранские политики. Так, бывший министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази заявил, что единственный путь к миру и спокойствию в Палестине заключается в создании свободного демократического государства с участием всех палестинцев, в том числе христиан и иудеев. По сути, этот проект предусматривает уничтожение Государства Израиль путем его поглощения и перевод его граждан в положение религиозного меньшинства в большой Палестине, находящейся под управлением арабов-мусульман. Вполне понятно, что этот утопический план нереалистичен. Он идет вразрез как с позицией абсолютного большинства стран мира, так и с решениями ООН.

Однако, несмотря на это, иранский лидер аятолла Али Хаменеи по восточному образно, но решительно, как заправский хирург, назвал Израиль «раковой опухолью на теле Ближнего Востока, подлежащей удалению».

Али Акбар Мохташами – представитель реформистов и один из основателей организации «Хизбалла», чрезвычайно аллегорично сравнив Израиль с «ножом в сердце исламского мира», заявил, что «настало время сопротивления агрессии великих держав и особенно агрессии их незаконного, не легитимного представителя в регионе – Израиля, который должен быть уничтожен».

На этой константе держится все палестинское направление ближневосточной политики Тегерана.

Совершенно ясно, что занимая такую радикальную позицию, нынешнее руководство ИРИ не может не выступать против любого сближения палестинцев и израильтян в вопросах разрешения этой важнейшей проблемы. В 2005 г. официальный представитель МИДа Ирана Хамид Реза Ассефи заявил, что не видит варианта мирного урегулирования ближневосточного кризиса. «Политика Израиля основана на создании напряженности и кризисных ситуаций, поэтому нельзя даже предположить, что сионистский режим и Палестина достигнут мира, это не реально», – заявил Ассефи. По его мнению, «никакой связи между урегулированием ближневосточного кризиса и непризнанием Ираном Израиля как государства не существует». При этом он особо подчеркнул, что «Исламская Республика в любом случае никогда не признает Израиль, и это наше дипломатическое право».

Примечательно, что после смерти аятоллы Хомейни в иранском обществе, даже в его верхних эшелонах, неоднократно поднимался вопрос о восстановлении связей с США – с «сатаной номер один». По этому поводу шли бурные дискуссии. Однако ничего подобного не отмечалось в отношении Израиля. Это как табу. Это в ИРИ – запретная тема.

Израиль и иранская ядерная программа

Ощущение исходящей из Ирана угрозы резко усилилось после того, как в 90-е годы спецслужбы Израиля получили информацию о разработке в ИРИ такого оружия массового уничтожения, как ядерное, и средств его доставки. По мнению израильских экспертов, поводом для такой деятельности стало применение Ираком химического оружия против иранской армии, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, а в последующем – использование Ираком ракетного оружия для нанесения ударов по Тегерану. Истинные же причины стремления Тегерана к собственному ядерному оружию, по их мнению, обусловлены следующим:

- необходимостью сдерживания внешней угрозы со стороны США;
- стремлением ИРИ стать региональной державой;
- отсутствием другой национальной задачи, значимость и необходимость выполнения которой признается большинством иранцев вне зависимости от их идеологических убеждений.

С этого времени в ирано-израильском противостоянии все явственней стал просматриваться ядерный аспект. Так, руко-

водство ИРИ начало призывать международное сообщество к осуждению Израиля, как государства, отказывающегося подписать ДНЯО и не скрывающего, что имеет ядерное оружие. При этом утверждалось, что если соседи Ирана по региону Ближнего и Среднего Востока не создадут здесь безъядерной зоны, то ИРИ будет вынуждена самостоятельно беспокоиться об обеспечении собственной безопасности. Последнее предполагало получение Тегераном ядерного статуса.

В ответ Израиль развернул широкую кампанию по дискредитации Тегерана, явно завышая или специально искажая иранские возможности в ядерной сфере. Цель подобной деятельности состояла в том, чтобы показать международному сообществу близость ИРИ к получению ядерного статуса и неизбежность последующего за этим ядерного кризиса в регионе и в мире в целом. Вследствие этого США стали уделять иранской ядерной программе самое пристальное внимание. Первоначально, не имея конкретных фактов, Вашингтон постарался максимально затруднить реализацию этой программы, убедив Аргентину и Китай полностью свернуть свое сотрудничество с Ираном в ядерной сфере. В 2000-е годы было инициировано рассмотрение этого вопроса вначале в МАГАТЭ, а затем – в СБ ООН (см. главу 3).

Следует выделить две основные причины современного ирано-израильского противостояния. Во-первых, по мнению ряда экспертов, такая конфронтация обусловлена самой историко-философской концепцией шиизма, получившей в ИРИ государственный статус. Лежащая в ее основе идея образования всемирного исламского государства предполагает насаждение такого же государственного устройства в других мусульманских странах. Важнейшей же преградой на этом пути, как считал имам Хомейни, является лежащий в сердце исламского мира Израиль, поэтому он сформулировал задачу борьбы с ним как «освобождение Иерусалима».

Во-вторых, весь послереволюционный период ИРИ трясет от всевозможных неурядиц. В стране сохраняется значительная безработица, высокая инфляция, и до сих пор не отменено обеспечение отдельных категорий граждан по карточной системе. В этих условиях правящему режиму просто необходимо создать образ внешнего врага, как общемирового (США), так и регионального (Израиль), борьба с которыми может отвлечь общественное мнение. Израиль достаточно хорошо подходит

на эту роль: неисламская страна в исламском окружении, недавний партнер свергнутого шаха, американский стратегический союзник и узурпатор третьего по важности после Мекки и Медины города мусульманского мира – Иерусалима.

Первый этап ирано-израильского противостояния (90-е годы) был Израилем успешно выигран. С повестки дня международного сообщества был временно снят вопрос об израильском ядерном оружии, а все его внимание было сосредоточено на иранской ядерной программе. Даже приход к власти в ИРИ летом 1997 г. более лояльных к Западу политиков под руководством президента Мохаммеда Хатами и провозглашенный Тегераном курс на «Диалог цивилизаций» не смогли изменить эту ситуацию. За Ираном по-прежнему не признавалось его право на проведение работ в области обогащения урана и выделения плутония.

В 2000-е годы ситуация на Ближнем и Среднем Востоке стала кардинально меняться в пользу ИРИ. Так, в 2001–2002 гг. была свергнута власть «Талибана» в Афганистане, а в 2003 г. – Саддама Хусейна в Ираке. Ранее оба режима представляли непосредственную угрозу для Тегерана, а протяженные общие границы крайне затрудняли оборону страны. Теперь Иран не имеет в регионе сильных соперников, особенно с учетом глубокой вовлеченности в собственные внутренние проблемы Турции и Пакистана. Помимо этого, в 2006–2007 гг. Израиль оказался в значительной степени ослаблен под действием следующих причин:

- а) вывод части еврейских поселений с палестинских территорий привел к серьезному внутриизраильскому кризису;
- б) исламистское движение ХАМАС вначале победило на парламентских выборах, а затем захватило власть в секторе Газа;
- в) с политической арены страны ушел многоопытный и пользующийся заслуженным авторитетом Ариэль Шарон;
- г) война в Ливане не только не привела к ликвидации группировки «Хизбалла», но и, наоборот, усилила ее позиции;
- д) публикации в ряде западных изданий карикатур на пророка Мохаммеда резко усилили в мире антиизраильские настроения, особенно внутри мусульманских стран.

Новый виток ирано-израильского противостояния начался после победы в ИРИ на парламентских выборах 2004 г. исламских радикалов и прихода в 2005 г. к власти их ставленника Махмуда Ахмадинежада. В русле нового внешнеполитического

курса были сделаны резкие заявления о том, что Израиль необходимо стереть с политической карты мира, а мусульмане не должны отвечать за уничтожение евреев в Европе в годы Второй мировой войны и расплачиваться своими территориями за так называемый «Холокост», который, по мнению иранских политиков, является проблемой во многом надуманной и специально раздувается израильскими средствами массовой информации. Хотя лидеры значительного числа стран признали тон высказываний президента Махмуда Ахмадинежада недопустимым и осудили его за угрозы в адрес Израиля, Тегеран смог достичь своей цели: в центр внимания международного сообщества вновь попал обладающий ядерным оружием Израиль.

В новых условиях руководству Израиля пришлось внести коррективы в свою политику по отношению к Ирану. Во-первых, подчеркивается историческая близость двух стран и отсутствие между ними непреодолимых противоречий. Во-вторых, активно используется проживающая в Израиле иранская диаспора, многие представители которой осуждают как внешнюю, так и внутреннюю политику президента Махмуда Ахмадинежада. В-третьих, заявляется, что в отличие от Ирана израильские ядерные возможности не представляют ни для кого реальной опасности. В этой связи характерным является мнение бывшего председателя Совета национальной безопасности Израиля генерал-майора Узи Даяна, который исключает участие собственной страны в возможной силовой акции против Ирана. По его мнению, Израиль не видит в ИРИ врага, что может служить основой для нормализации отношений в будущем. В то же время ядерный Иран станет угрозой для региональной стабильности, так как под действием «эффекта домино» решение о создании собственного ядерного оружия примут, например, Турция, Египет, Саудовская Аравия, Сирия и Алжир. Следовательно, надо предотвратить получение Ираном ядерных возможностей.

Одновременно в Израиле существуют и другие взгляды на возможность проведения операции по уничтожению иранской ядерной инфраструктуры. Однако значительная территориальная удаленность таких объектов, их рассредоточенность и достаточно высокая защищенность в совокупности с возможными асимметричными ответными мерами, которые могут быть осуществлены силами ХАМАС и «Хизбаллы», делают реализацию такого сценария достаточно трудной, особенно при самостоятельном исполнении (без США).

Последние события, связанные с публикацией в конце 2007 г. более благоприятных для Тегерана докладов генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эль-Барадея о состоянии иранской ядерной программы и американских служб разведки об оценке иранской угрозы, вызвали в Израиле негативную реакцию. В частности, сотрудники израильской разведки, военные эксперты и аналитики высказали сомнение в достоверности американского доклада, который, по их мнению, не только лишил президента США возможности использовать военную силу против ИРИ, но и существенно уменьшил вероятность введения против Тегерана жестких санкций. А премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт заявил, что его страна не разделяет выводы этого доклада и продолжит свои усилия по полному прекращению работ по иранской ядерной программе. В этой связи возможность ослабления международного давления на ИРИ воспринимается израильским руководством однозначно: Израилю придется самому решать эту проблему.

Вследствие вышеизложенного Израиль выступает за полное прекращение иранской ядерной программы, считая, что даже сам процесс освоения ИРИ чувствительных ядерных технологий представляет угрозу для еврейского государства, вне зависимости от принятия Тегераном политического решения о создании ядерной бомбы. Конечно, такая позиция не является конструктивной, но она мотивируется достаточно высокой степенью уязвимости израильской территории как перед иранскими ракетами «Шахаб-3», несмотря на создание собственной системы противоракетной обороны «Эрроу», так и перед террористическими акциями радикальных исламистов.

Пока не видно тех причин, по которым Израиль смог бы изменить свое отношение к иранской ядерной программе. Но, по видимому, со временем он будет вынужден смириться с тем, что не только в ИРИ, но и в ряде других стран региона существуют собственные ядерные программы. Причем само наличие таких программ вовсе не говорит об очевидном стремлении государств к созданию ядерного оружия, хотя и не исключает этого. В этой связи на МАГАТЭ возлагается исключительно высокая ответственность за своевременное выявление любой ядерной деятельности военно-прикладного характера.

Таким образом, наиболее активными игроками на иранском поле, помимо России, являются США и Израиль. При этом Вашингтон пытается в первую очередь приостановить освое-

ние Тегераном чувствительных ядерных технологий (обогащения урана и переработки плутония), а Израиль ставит вопрос шире, требуя вообще прекратить иранскую ядерную программу. Определенную активность в решении этой проблемы проявляет и ЕС, но трудности выработки единой точки зрения, сильная зависимость от США и отсутствие реальных результатов уже многолетних переговоров подталкивают Брюссель занять выжидательную позицию. Последней точки зрения придерживается и Китай, который имеет в ИРИ значительные интересы, но пока предпочитает не ссориться с США и Израилем по этому вопросу.

В дальнейшем развитие иранской ядерной проблемы во многом будет определяться состоянием американо-иранских отношений. Если после смены администрации в Белом доме в начале 2009 г. будет взят курс на нормализацию таких отношений, а Тегеран постепенно скорректирует свой внешнеполитический курс, то углубление нынешнего противостояния ИРИ и международного сообщества может быть приостановлено. Это позволит найти приемлемые варианты решения этой проблемы. В противном случае использование силы против ИРИ со стороны США и их ближайших союзников, по-видимому, станет неизбежным.

Глава V. **АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБОВ** **УРЕГУЛИРОВАНИЯ ИРАНСКОГО КРИЗИСА**

Иранская ядерная проблема – это, по сути, проблема сохранения режима нераспространения. Не решать ее нельзя. Вопрос стоит: КАК? При этом все варианты разрешения чрезвычайно сложны, неоднозначны и многоплановы.

Есть два главных пути:

Первый – признать за Ираном статус ядерной державы, то есть страны, обладающей ядерным оружием. Здесь нужно подчеркнуть, что еще год назад президент Ахмадинежад назвал Иран ядерной державой, но он в это вкладывал свое понимание. Все же толковать этот термин следует так: ядерная держава – это та страна, которая обладает ядерным оружием.

Конечно, можно признать за Ираном этот статус, и в этом случае международное сообщество, на первый взгляд, вроде бы успокоится. Возможно, иранский ядерный вопрос будет снят с повестки дня мировой политики. Но это только на первый взгляд. Ведь за признанием Ирана ядерной державой последуют события, которые трудно предсказать, хотя можно быть абсолютно уверенным, что последствия подобного шага будут близки к катастрофическим. Для Ирана зажжется зеленый свет на пути создания ядерного оружия. Примеру ИРИ последуют другие, прежде всего «пороговые страны», которых также не будет оснований не признавать ядерными. ДНЯО превратится в пустую декларацию, как и «иранские» резолюции СБ ООН, которые президент Ахмадинежад сегодня и так считает «клочками бумаги». Это изменит все нынешнее состояние в регионе и мире. За этим последуют действия как региональных, так и мировых держав, которые могут нанести непоправимый ущерб не только режиму нераспространения ядерного оружия, но всей системе региональной и глобальной безопасности.

Вторым путем решения иранской ядерной проблемы могло бы стать принуждение Ирана к прекращению создания промышленной инфраструктуры для обогащения урана. И здесь,

по всей вероятности, также существуют различные направления: это «пряник», то есть задабривание иранцев различными финансово-экономическими, технологическими преференциями для прекращения Ираном формирования полного ядерного топливного цикла, предоставление исламскому режиму международных гарантий безопасности от внешней агрессии, а также инспирируемого извне внутреннего коллапса. Другой рычаг – это «кнут» – проведение международным сообществом политики перманентного ужесточения финансово-экономических санкций против ИРИ в ответ на действия Ирана по нарушению резолюций СБ ООН.

И, наконец, осуществление насильственных акций. Они могут быть самыми разнообразными и по форме и по содержанию. Но насильственные действия против Ирана, кем бы они ни проводились, приведут к региональной, а, возможно, и глобальной катастрофе, причем в разных сферах и по разным аспектам. Очевидно, что о гипотетических катастрофических последствиях военного удара по ИРИ можно писать целые тома исследований.

Необходимо подчеркнуть, что официальное признание за Ираном статуса ядерной державы, а также применение насильственных акций следует рассматривать как две крайние позиции. Их, конечно, нужно предусматривать, анализировать. Но! Исключительно в гипотетическом ключе. О пагубности признания ИРИ ядерной державой мы уже сказали. Теперь – об эффективности или неэффективности насильственных акций. Итак.

5.1. Проблемы силового разрешения иранского ядерного кризиса

Многие американские аналитики неоконсервативного толка **рекомендовали** администрации Джорджа Буша использование насильственных методов при решении иранской проблемы. Предлагаемые ими сценарии сводились к трем вариантам:

– активная поддержка деятельности иранских оппозиционных групп, также подразумевающая свержение «муллократии» («оранжевая революция»);

– нанесение массированных ракетно-бомбовых ударов по иранским ядерным и, соответственно, военным объектам («югославский сценарий»);

– наземная военная операция, подразумевающая полное уничтожение ядерной инфраструктуры ИРИ или даже свержение ее теократического режима («иракский сценарий»).

Даже если демонстративно оставить в стороне вопрос об отсутствии международно-правовой базы, реальная попытка осуществления подобных акций будет сопряжена с колоссальными трудностями.

Рассмотрим эти варианты, исходя не из последовательности их перечисления, а в порядке снижения уровня их утопичности.

При этом последний вариант вообще можно однозначно отнести к разряду абсолютно утопических, во всяком случае, в обозримом будущем. В частности, развязав наземную войну с ИРИ, Пентагон должен быть готов к большим потерям среди своего личного состава из-за военной мощи противника, значительно превосходящей по силе саддамовский Ирак. Достаточно указать, как было отмечено в подглаве 1.3. «Некоторые вопросы военного строительства в Иране», что численность совокупных регулярных вооруженных сил Ирана (Армия и КСИР), отличающихся высокой дисциплиной и достаточной преданностью теократическому режиму, превосходит все вооруженные силы региона и является одной из самых высоких в мире.

Учитывая это обстоятельство, некоторые американские политологи-«ястребы» акцентируют внимание на двух следующих моментах. Они прежде всего указывают, что военная операция должна быть крайним средством, которое нужно использовать лишь тогда, когда неэффективность дипломатических мер станет очевидной для международного сообщества. Во-вторых, такие эксперты подчеркивают необходимость создания широкой коалиции из сопредельных с ИРИ государств. В связи с этим известный аналитик Джеймс Филипс (Heritage Foundation) пишет, что США смогут успешно вести войну, если объединят свои усилия с Израилем, Турцией, Ираком и членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), то есть со всеми странами региона, встревоженными иранскими ядерными амбициями. Политолог указывает, что Вашингтон должен подготовить почву для выработки совместной стратегии, которая включала бы в себя как действия на случай наземной операции, так и акции по психологическому давлению на правительство Махмуда Ахмадинежада (например, проведение военно-морских маневров в акватории Персидского залива).

На первый взгляд, в рекомендациях Джеймса Филиппса есть рациональное зерно. Так, монархии Залива, сплотившись в рамках ССАГПЗ, стремятся к обеспечению своей безопасности путем создания антииранского союза, в который вошли бы другие государства, например, Египет и Иордания.

Вместе с тем имеются сомнения в том, что Саудовская Аравия и ее соседи с энтузиазмом отнесутся к идее подъема своего военно-стратегического партнерства с США на новый уровень. Следует особо подчеркнуть, что у большинства монархий многочисленные общины шиитов и этнических персов вызывают сильную головную боль. Эти религиозные и национальные общности представляют собой особую опасность для Саудидов, Сабахов и других правящих династий, поскольку способны играть роль естественных каналов экспорта «хомейнистской революции».

Не следует также сбрасывать со счетов и фактор исламской солидарности, берущей свои корни в предписаниях Корана. В этом плане особенно показательным выступление Генерального секретаря Лиги арабских государств (ЛАГ) Амра Мусы в феврале 2007 г., который заявил, что арабские государства не позволят американским и израильским ВВС использовать свое воздушное пространство для нанесения ударов по ИРИ. Как отметил Амр Муса, это невозможно «ни сейчас, ни в будущем, поскольку Иран является братской страной».

Учитывая отказ Турции участвовать в иракской кампании 2003 г., также вряд ли можно рассчитывать на то, что эта страна станет партнером Вашингтона в войне с ИРИ. Как показывают нынешние события, Анкара крайне болезненно относится к акциям курдских сепаратистов, всплеск деятельности которых непременно произойдет после начала крупномасштабной операции в Иране. Хотя руководство НАТО настоятельно просило Турцию открыть свое воздушное пространство и границы с Исламской Республикой Иран в случае войны, турецкие лидеры проигнорировали просьбу. Целесообразно подчеркнуть, что отношения между Турцией, в которой серьезную политическую силу с недавних пор стали представлять умеренные исламисты, и ИРИ развиваются весьма успешно. Еще в начале 2007 г. тогдашний глава турецкого МИДа Абдулла Гюль торжественно заявил, что не имеет оснований опасаться какого-либо экспорта «хомейнистской» революции.

Администрация Джорджа Буша также не могла рассчитывать и на Азербайджан, на который еще несколько лет назад делала особую ставку. При этом, вопреки действующей здесь конституции, предполагалось размещение в Азербайджане американских военных баз, что позволило бы достаточно быстро перебрасывать войска в горячие точки на Среднем Востоке. Однако, руководствуясь стратегией «позитивного равновесия», режим президента И. Алиева пошел в 2005 г. на заключение с Ираном пакта о ненападении, согласно которому Азербайджан обязался не предоставлять свою территорию другим государствам для проведения силовых акций против южного соседа.

Что же касается «постсаддамовского» Ирака, то это квазигосударство скорее представляет для Вашингтона проблему, сдерживающую его агрессию против ИРИ, нежели удобный плацдарм для наступления на северо-восток. Таким образом, среди названных Джеймсом Филиппсом стран надежным американским союзником в регионе остается лишь Израиль, военного и стратегического потенциала которого явно недостаточно для успешного проведения здесь наземных военных действий.

Другой вариант насильственной акции – поддержка оппозиционных иранских группировок с целью свержения теократии – выглядит столь же утопическим, хотя именно его, по всей видимости, брала на вооружение администрация Джорджа Буша. Начнем с того, что данная стратегия не принесет желаемого результата в кратчайшие сроки, какой бы мощной оппозиция теократии не была. Проблема, однако, усугубляется тем обстоятельством, что в ИРИ такой оппозиции в принципе не существует. Практически все серьезные политические силы, недовольные существующим положением дел в стране, выступают НЕ ПРОТИВ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА как такового, а против конкретных лиц, групп, находящихся у власти, и их действий. Вся оппозиционная деятельность, даже временами чрезвычайно жесткая и жестокая, в Иране осуществляется в рамках существующего исламского режима, без стремления к свержению его основ, заложенных еще аятоллой Хомейни. Внутриполитическая борьба в Иране ведется за наиболее эффективное (по мнению тех или других политических сил) достижение главной цели – превращение Ирана в сверхдержаву региона, то есть за тактические нюансы в генеральной политической линии.

Причем все клерикалы стремятся сохранить в неприкосновенности идеологические константы режима. Так, влиятельные неолиберальные партии («Хэзб-э мошарэкят-э Иран-е Эслами», «Хэзб-е хамбастэги-йе Иран-е Эслами») исповедуют смягченный вариант «хомейнизма». Группировки, выступающие за кардинальные шаги во внутривластном реформировании (например, за упразднение политической системы *вэлайат-э факих*), отличаются малочисленностью и не играют в общественно-политической жизни ИРИ значимой роли. То есть значение, вес и влияние оппозиционных сил, требующих низложения исламского режима и восстановления монархии или прозападного либерального строя, столь малы и незначительны, что в настоящее время принимать их в расчет при анализе развития внутривластной ситуации в ИРИ вряд ли было бы корректным. Пожалуй, здесь можно говорить о надеждах молодых (а их в ИРИ почти 70% населения) и образованных людей (их тоже много в современном Иране) на определенную либерализацию исламского режима в рамках нынешнего государственного устройства.

Некоторые американские аналитики, например, известный международный обозреватель Джозеф Келлард, полагают, что «молодые иранцы активно борются за создание нового государства, в котором клерикалам не нашлось бы места». На основании данного тезиса они делают вывод, что Вашингтон с легкостью свергнет не пользующихся популярностью мулл. Но Иран отнюдь не является подобием Югославии времен Слободана Милошевича. Ошеломляющая победа на президентских выборах 2005 г. ортодоксального «хомейниста» Махмуда Ахмадинежада показывает, что революционная идеология все еще пользуется поддержкой со стороны значительной части населения, особенно сельского.

Противники либерализации теократического режима имеют внушительную опору в лице радикально настроенной молодежи. В частности, наиболее консервативная группировка правящего духовенства «Ансар-э Хэзболла» организовала молодежные отделения практически в каждом вузе страны. Их социальную опору составляют низшие слои общества, которым не может не импонировать популистский характер идеологии Хомейни. Именно эти люди являлись эффективным орудием консерваторов в борьбе с реформаторским движением на рубеже 1990–2000-х годов. Заметим, что радикальные организа-

ции, в отличие от своих противников, демонстрируют однородность и сплоченность.

Целесообразно обратить особое внимание на три фактора, которые обеспечивают относительную прочность теократии.

Во-первых, как пишет американский иранист-социолог Дариуш Захеда, нынешний режим в большей или меньшей степени отвечает интересам базари, до сих пор остающегося влиятельным классом иранского общества. Если монархия Пехлеви пыталась модернизировать этот традиционный класс, то клерикалы, многие из которых имеют родственные узы с базари, стараются поддерживать его. В результате, например, могучая Исламская ассоциация цехов Тегерана выступает в унисон с консерваторами во время проведения избирательных кампаний в меджлис, а также борется с чрезмерной либерализацией национальной экономики (одним из главных условий отмирания экстремистской идеологии).

Вторым фактором является специфика политической культуры иранского общества. Будучи шиитами, иранцы имеют приверженность давней традиции следования «образцу для подражания» (*марджа-йэ таклид*). В силу этой традиции большинство самостоятельных в организационном отношении демократических движений не является таковыми в политико-идеологическом смысле (см. подглаву 1.1. «Уникальность современного иранского государства»).

Наконец, существенным препятствием на пути распространения антирежимных настроений служит само международное положение Исламской Республики Иран. Эскалация ирано-американского конфликта заставляет иранцев спланиваться вокруг правящей элиты и рассматривать собственных либералов, пользующихся поддержкой США, как предателей интересов народа.

Таким образом, проведение в ИРИ наземной военной операции или осуществление так называемой «оранжевой революции» крайне маловероятны, во всяком случае в ближайшее время. Также вызывает сомнение и возможность раскола Ирана по этническому признаку, несмотря на проживание крайне большой азербайджанской (не менее 20 млн. чел.) и значительной курдской (4–5 млн. чел.) диаспор. Конечно, после получения курдами фактической самостоятельности на территории Ирака их стремление к созданию собственного государства путем объединения заселенных курдами территорий Турции,

Ирана, Ирака и Сирии значительно усилилось. Однако это встретило жесткое противодействие, особенно со стороны Анкары и Тегерана. Вследствие чего пока курдская проблема в ИРИ достаточно приглушена.

Второй вариант силовой акции (нанесение массированных ударов по ядерным и военным объектам ИРИ), на первый взгляд, представляется самым эффективным. Здесь уместно вспомнить неправомерные, с точки зрения международного права, но чрезвычайно результативные по сути действия Израиля по уничтожению иракского ядерного исследовательского реактора в Озираке летом 1981 г. Ведь тогда 14 самолетов израильских ВВС остановили, если не окончательно похоронили проекты Саддама Хусейна по созданию собственной атомной бомбы.

К сожалению для американцев, уровни бывшей иракской и нынешней иранской ядерной программ, как, впрочем, и военно-промышленных потенциалов, просто не соизмеримы, а ключевые объекты ядерной инфраструктуры ИРИ достаточно хорошо защищены. В этой связи любые заявления о возможности нанесения по ИРИ ограниченных (точечных) военных ударов не соответствуют действительности ввиду высокой опасности ответных действий. Такой удар может быть только обезглавливающим. Подтверждением этого служит следующий анализ. Иран имеет около 35 основных ядерных объектов, прикрытых средствами ПВО. Но их поражение неизбежно приведет к использованию со стороны ИРИ ракетного оружия, размещенного на наземных, морских и воздушных носителях. Причем наибольшую дальность стрельбы имеют именно ракеты наземного базирования, поэтому их надо уничтожать в первую очередь, а во вторую – все военно-воздушные и военно-морские базы. Кроме того, Иран имеет хорошо подготовленные для диверсионной деятельности силы специального назначения – Кодс, в составе которых находятся даже подразделения смертников. Их также нужно ликвидировать в первую очередь. А как быть с пунктами боевого управления и связи, складами вооружений и военной техники, объектами военно-промышленного комплекса? Осуществить все это в рамках какого-либо ограниченного удара просто невозможно. В таких условиях имеются только две возможности: либо военный удар по Ирану не наносить, либо уничтожать всё (обезглавливающий или обезоруживающий удар).

Примерный сценарий военного удара США по Ирану представляется следующим образом. Авиация и военно-морские силы США наносят первый удар крылатыми ракетами по средствам ПВО, пунктам боевого управления и связи, ракетным базам, местам расквартирования сил специального назначения. Одновременно с этим проводится операция уже развернутых средств радиоэлектронной борьбы по подавлению каналов связи и нарушению боевого управления ВС ИРИ. Такие действия дезорганизуют оперативное управление и создадут благоприятные условия для осуществления первого авиационного налета. Далее, путем последующих ракетно-бомбовых ударов, в том числе с использованием близлежащих военно-воздушных баз, завоевывается полное господство в воздухе, что позволяет уже безнаказанно и методично уничтожать иранские военно-воздушные и военно-морские базы, ядерные, военные и оборонно-промышленные объекты. На этой стадии операции возможно широкое использование как палубной, так и стратегической авиации. Конечной целью, по-видимому, будет полное уничтожение военно-промышленного потенциала ИРИ. Кроме этого, будет осуществлена полная блокада всей иранской территории, что практически полностью исключит какой-либо экспорт сюда военных грузов. Именно такой стратегии придерживалось НАТО в ходе успешной военной операции в Югославии весной 1999 г.

Заметим, что бесконтактная война не требует договоренностей Вашингтона с Турцией, Азербайджаном, странами ССАГПЗ по предоставлению американским войскам воздушно-го пространства или открытию границ с Ираном, а состав группировки ВС США, уже сосредоточенной в зоне Персидского залива и других, в том числе, прилегающих районах, достаточен для нанесения обезоруживающего удара без переброски и развертывания других войск, что позволяет осуществить это внезапно. В состав такой группировки входят как высокоточные средства поражения, так и необходимая для их применения инфраструктура (военные базы, авианосные и ударные группы военно-морских сил в прилегающей морской акватории, постоянно действующая группировка воздушных и космических средств наблюдения). Все это у США уже имеется, как впрочем, и планы соответствующего боевого применения. Однако существование подобных планов не обязательно повлечет их реализацию, особенно в условиях чрезвычайно высоких политических рисков.

Несомненно, что осуществление «югославского сценария» станет более или менее легитимным в глазах западного сообщества, если Америке удастся спровоцировать ИРИ на агрессию. Акция наподобие захвата британских военных моряков весной 2007 г., только более крупного масштаба, вполне может стать удобным предлогом для разжигания конфликта. Учитывая антииранскую риторику французского президента Николя Саркози, равно как и стремление военных кругов Великобритании взять реванш, Вашингтон может рассчитывать, если не на конкретную помощь, то на понимание со стороны ведущих стран Европы.

При всей своей привлекательности план нанесения массированных ракетно-бомбовых ударов по ИРИ обладает, однако, такими недостатками, которые, по сути дела, превращают его в сомнительную авантюру. Во-первых, на военную акцию Иран обязательно ответит, хотя и косвенно, то есть без непосредственного использования собственных вооруженных сил (опыт последней войны в Ираке убедительно показал, что американцы, обладая подавляющим информационным превосходством, достаточно легко избегают боевого соприкосновения и уничтожают противника на дальних рубежах). Конечно, несмотря на многократные заявления, Тегеран не сможет организовать широкомасштабные террористические акты в Европе и Америке, но крайне обострить ситуацию в Ираке и Афганистане, в арабских странах Персидского залива и усугубить палестино-израильский конфликт вполне способен. После этого неизбежно последуют другие военные удары со стороны США. В результате может появиться, хотя и не обязательно, поток беженцев, одно из направлений движения которого пройдет через Азербайджан и Армению, но конечной целью станет именно Россия. Помимо этого, возникнет огромная зона нестабильности, включающая Афганистан, Иран, Ирак и, возможно, Кавказ. Последнее для России особенно опасно ввиду крайне сложной ситуации в Дагестане, Ингушетии, Чечне и в целом на Северном Кавказе.

Во-вторых, массированные удары имеют смысл, только если опираются на достоверные и исчерпывающие данные. В противном случае бомбардировки неизбежно разрастутся до непредсказуемых масштабов. Администрация Джорджа Буша, как признаются компетентные сотрудники Пентагона, необходимой информацией для четкого определения целей не располагает.

В-третьих, все подозрительные объекты имеют значительные размеры и существенно удалены друг от друга, как, например, опытное производство по обогащению урана в Натанзе (с подземными этажами) и строящийся комплекс с тяжеловодным ядерным реактором в Араке. В связи с этим известный американский политолог Энтони Кордесман предупреждает, что США, не обладая нужными сведениями, могут потратить колоссальные усилия на уничтожение недостроенной инфраструктуры, которую ИРИ впоследствии легко восстановит, или тех объектов, которые не имеют прямой связи с военной ядерной программой. Непосредственным результатом такой акции станет падение авторитета Вашингтона, и без того подорванное тем, что он не сумел доказать наличие у Саддама Хусейна оружия массового уничтожения. Кроме того, ИРИ уже несколько лет ведет интенсивные приготовления на случай воздушных ударов США. По данным американской разведки, Иран усиливает свои средства ПВО.

В-четвертых, не следует упускать из внимания и то обстоятельство, что КСИР в состоянии организовать террористические акты против американских морских сил, размещенных в акватории Персидского залива. О возможности таких актов свидетельствует инцидент, имевший место весной 2007 г. Именно тогда на борту военного корабля США, стоявшего в одном из доков Катара, кто-то с помощью аэрозольного баллончика демонстративно нарисовал мишень. Инцидент так и не был расследован, однако существуют определенные подозрения в причастности к нему иранцев.

Вылазки диверсионных групп, направляемых спецслужбами ИРИ, потребуют от Вашингтона принятия адекватных мер по их обезвреживанию. Это, в свою очередь, заставит его приступить к крупномасштабной операции по обезглавливанию КСИР, который, по всей видимости, напрямую контролирует и иранские ядерные программы. Подобная операция, однако, немыслима без наземной войны. Все это еще раз убеждает в том, что о тактике «молниеносного хирургического удара» по Ирану (излюбленное выражение вице-президента Дика Чейни) придется забыть.

Наконец, ИРИ в ответ на агрессию США может задействовать иракский «рычаг». Эксперты единодушны в своем мнении, что ИРИ превратила шиитов Ирака в одну из главных дестабилизирующих сил. В частности, отряды ССН «Кодс» успешно

используют стратегию, апробированную в Ливане в 80-х годах. Они сосредоточили свое основное внимание на идеологической и боевой подготовке «Джэйш аль-Махди» (Армия Махди), организации численностью до 60 тыс. чел., которая ведет диверсионную войну против суннитов и американцев. По данным разведки США, шиитские боевики получили от иранцев огромное количество кумулятивных бомб, способных пробивать броню американских «хаммеров» поражающими элементами из расплавленной меди.

Можно согласиться с мнением аналитиков Стивена Саймона и Рэя Тэйкея, которые предупреждали, что в случае какой-либо агрессии против ИРИ та активизирует борьбу против ВС США. Если воздушные удары по Ирану станут реальностью, иракские шииты будут иметь в своем распоряжении зенитные ракеты, способные сбивать самолеты, а также современные противотанковые комплексы.

Следует особо подчеркнуть, что США так и не удалось заручиться поддержкой шиитов, составляющих подавляющее большинство населения Ирака. Эта возможность была утрачена уже весной 2004 г., когда американские войска жестоко подавляя восстания в Кербеле, Неджефе и эль-Куте, убили свыше тысячи человек. Недальновидная стратегия Вашингтона по созданию суннитских подразделений для борьбы с местными террористами (начало 2007 г.) значительно усугубила недовольство шиитов присутствием оккупантов. Не исключено, что военная кампания против ИРИ станет катализатором нового массового выступления, которое окончательно подорвет шаткие позиции проамериканского правительства Нури аль-Малики.

Другим препятствием для эффективного решения «иранского вопроса» посредством массированного ракетно-бомбового удара является афганский фактор. Политика Ирана в отношении этой страны, как нигде более, отличается двойственностью. С одной стороны, ИРИ выступает в качестве основного спонсора возрождения афганской экономики. Уже к 2003 г. между двумя государствами были установлены прочные контакты в банковской, сельскохозяйственной и социальной сферах. Недаром один из своих первых зарубежных визитов афганский лидер Хамид Карзай совершил именно в Тегеран. С другой стороны, иранское руководство прибегает к классическим методам экспорта исламской революции в целях укрепления в Афганистане своих позиций. ИРИ систематически направля-

ет туда сотрудников ССН «Кодс» для создания военно-политических организаций. Усилия иранских спецслужб в значительной степени увенчались успехом. В частности, в западных провинциях страны были сформированы отряды ополчения «Сэпах-е Мохаммад», а город Герат, население которого близко персам в культурном и языковом плане, прочно вошел в сферу идеологического влияния Ирана.

В случае развертывания боевых действий ИРИ, естественно, не только прекратит оказание какой-либо помощи проамериканскому режиму Афганистана, но и приложит максимум усилий по дестабилизации политического климата в этой стране. При этом Тегеран будет делать ставку не только на идейно близкие ему элементы, но и попытается вовлечь в свою игру мятежные силы талибов. По некоторым данным, он уже сейчас проявляет особую активность в этом направлении, пытаясь, в частности, наладить поставки оружия и взрывчатых веществ недавним противникам.

Насколько использование насильственных методов против ИРИ реально? К счастью, в настоящее время вероятность военного сценария решения иранского кризиса все-таки невысока. И основная причина этого состоит в том, что пока отсутствует для США реальная угроза со стороны Ирана. Количество газовых центрифуг, на которых возможно производство урана оружейного качества, пока не превышает 4 тыс., что было подтверждено в докладе генерального директора МАГАТЭ Мухаммеда Эль-Барадея от ноября 2008 г. Причем многие технические проблемы организации процесса обогащения урана до сих пор не решены (см. главу 3). Для наработки урана оружейного качества всего на один боезаряд (в реальности надо делать не менее трех) необходимо затратить от 9 до 12 месяцев и это только при условии отлаженной работы 3 тыс. газовых центрифуг типа Р-2.

Еще хуже ситуация с иранской плутониевой программой, для реализации которой необходим ядерный реактор-наработчик плутония. Такой реактор в Араке только строится, и сроки завершения его монтажа очень неясны. Создание же в ИРИ носителя ядерного боезаряда межконтинентального класса в ближайшие 5 лет, по-видимому, невозможно.

Анализ нынешнего уровня развития иранской ядерной программы позволяет сделать вывод, что минимальный срок для создания ИРИ ядерного оружия после принятия такого полити-

ческого решения составляет порядка 3 лет (по некоторым американским оценкам, 2 года). Однако в условиях действующих со стороны МАГАТЭ инспекций накопить значимое количество расщепляющих материалов просто невозможно. Следовательно, отсчет времени надо вести именно с момента прекращения взаимоотношений между Агентством и Тегераном (первый признак принятия политического решения о создании ядерного оружия). Пока Иран сохраняет свое сотрудничество с МАГАТЭ и позволяет ему проводить на своей территории инспекционную деятельность, говорить о каких-либо конкретных сроках создания ядерного оружия просто несерьезно.

Конечно, по мнению некоторых экспертов, ядерное оружие можно создать и на основе высокообогащенного урана со степенью обогащения порядка 80%, а для обогащения использовать не урановый концентрат, а уже накопленные и имеющиеся в ядерном топливе, например уже поставленном РФ для Бушерской АЭС, запасы НОУ. Однако последнее обязательно потребует конверсии материала в газообразную форму (необходимо для центрифужного способа обогащения), а экономия времени будет не столь значительна.

Обозначенный выше срок в три года, необходимый для создания ИРИ ядерного оружия, обусловлен относительной простотой конструирования ядерного устройства «пушечного» типа на основе оружейного урана. По сути, вопрос состоит лишь в накоплении необходимого количества расщепляющегося материала (для изготовления одного ядерного боезаряда необходимо порядка 25 кг оружейного урана). В то же время его доставка к цели с помощью ракеты представляет достаточно сложную техническую задачу ввиду наличия жестких массово-геометрических ограничений на конструкцию боеголовки. Именно поэтому для изготовления ядерных боеголовок обычно используют оружейный плутоний, появление собственных запасов которого в ближайшие 5 лет крайне маловероятно. Кроме того, следует учитывать, что изготовление ядерного боезаряда на основе плутония (имплозивного типа) настолько сложно, что эту проблему, например, не смог решить Пхеньян, даже накопив достаточное количество этого ядерного материала. В результате мощность северокорейского ядерного взрывного устройства, испытанного 9 октября 2006 г., составила всего 400–500 т в тротиловом эквиваленте.

Все вышеприведенное в определенной степени блокирует агрессивные устремления США. Кроме того, в американском истеблишменте существует явный раскол по иранскому вопросу. В частности, военная элита (традиционная опора вашингтонских «ястребов») выступает против использования силовых методов в отношении Исламской Республики Иран. В этом плане показательна позиция Объединенного комитета начальников штабов ВС США, а также министра обороны Роберта Гейтса, делающего упор на необходимость продолжения переговоров с Тегераном.

Миролюбивая точка зрения ведущих «силовиков» является отражением умонастроений, получивших распространение в американской армии. Она несет постоянные потери в Ираке и Афганистане и, соответственно, напряжена до предела. Многие в высших офицерских кругах полагают, что Джордж Буш и Дик Чейни утратили чувство реальности, раз обсуждают план военной операции против ИРИ. В этой связи известная международная обозревательница Прист из американской газеты «Washington Post» заявила, что генералы непременно взбунтуются и откажутся от боевых вылетов против Ирана, если Белый дом отдаст такой приказ. По некоторым данным, бывший глава Центрального командования ВС США (U.S. Central Command – CENTCOM) адмирал Уильям Фаллон летом 2007 г. помешал намерению вице-президента Дика Чейни направить дополнительный авианосец в Персидский залив. В частной беседе адмирал обещал, что приложит максимум усилий, чтобы американо-иранской войны не произошло. Конечно, мнение г-жи Прист достаточно субъективно, а Центральное командование ВС США способно выполнять крайне сложные задания американского руководства.

Настроения военных во многом созвучны настроениям демократической партии, традиционно критикующей внешнюю политику администрации Джорджа Буша. В частности, избранный в ноябре 2008 г. президент США сенатор-демократ Барак Обама выступает за открытый диалог с Ираном.

Позицию демократов нельзя объяснять лишь их чрезмерно осторожным подходом к разрешению иранской проблемы. Многие представители демократической партии придерживаются философии «либерального интернационализма», к сторонникам которой относятся такие известные дипломаты, как Джеймс Бейкер или Генри Киссинджер. Согласно этой фило-

софии, только диалог и коллективные усилия международного сообщества способны привести к эффективному урегулированию каких-либо конфликтов. При этом «либеральные интернационалисты» особо подчеркивают свою веру в открытые, лишенные идеологического характера и основанные на реальности дискуссии.

Исходя из такого постулата, «либеральные интернационалисты» выдвигают тезис о необходимости подключения ИРИ к процессу стабилизации обстановки в Ираке. По их мнению, американо-иранские переговоры не только поспособствуют разрешению этой проблемы, но и сделают возможным диалог Вашингтона и Тегерана по более глобальным вопросам. В частности, подобная мысль содержится в докладе Iraq Study Group, комиссии Конгресса, работавшей под руководством Джеймса Бейкера и члена палаты представителей демократа Ли Гамильтона в 2006 г.

Установки «либерального интернационализма», разделяемые значительной частью политической элиты США, не могли не влиять на мышление администрации Джорджа Буша. С полным основанием можно сказать, что ее политика в отношении ИРИ носила волнообразный характер. Первоначально Белый дом поддерживал идею решения иранской проблемы в рамках международных усилий. Однако с января по апрель 2007 г. он открыто выступал за использование силовых методов, не исключая и военную операцию. Подобная смена настроений нашла отражение в принятии новой стратегии действий в оккупированном Ираке (ужесточение борьбы с распространением иранского влияния), а также реанимации порядком подзабытой «политики канонерок» (направление в зону Залива дополнительной ударной группы кораблей в составе атомного авианосца «Нимиц» и ракетных крейсеров).

В мае 2007 г. агрессивность США вновь пошла на спад. Именно тогда стратеги Белого дома, приняв к сведению советы Iraq Study Group, впервые за 30 лет отважились на проведение двусторонних переговоров с Исламской Республикой Иран. Четырехчасовая встреча иранских и американских дипломатов, посвященная урегулированию ситуации в Ираке, состоялась в резиденции премьер-министра Нури аль-Малики 28 мая. При этом весьма показательно, что Вашингтон, добиваясь поддержки со стороны Тегерана, отказался от каких-либо претензий в его адрес.

Однако спустя полтора месяца США снова взяли курс на эскалацию конфликта с ИРИ. Госсекретарь Кондолиза Райс подчеркнула, что не исключает любых вариантов действий, Пентагон направил в зону Залива очередную авианесущую группу военно-морских сил, а один из представителей Белого дома официально заявил о том, что Джордж Буш не уйдет с поста президента, оставив вопрос с Ираном в подвешенном состоянии.

Очередная разрядка напряженности пришлась на конец 2007 г. Так, 3 декабря был обнародован доклад американских служб разведки об оценке иранской угрозы. В нем утверждается, что под влиянием международного сообщества осенью 2003 г. иранская военная ядерная программа была остановлена и не возобновлялась, по крайней мере, до середины 2007 г. Возможно, что данный доклад был инспирирован военной элитой, известной своим отрицательным отношением к возможной войне с Ираном, а также Джорджем Бушем-старшим, стремящимся переиграть группировку «ястребов» во главе с Диком Чейни и уберечь своего сына от новых провалов.

Все вышесказанное убеждает в том, что пока отсутствует принципиальная готовность вашингтонского истеблишмента к проведению силовой операции против Ирана. В связи с этим следует отметить необоснованность прогнозов некоторых американских аналитиков, которые уже неоднократно называли точные сроки ее начала и «попадали пальцем в небо». Можно сказать, что данные прогнозы не столько отражают концептуальные установки политикоформирующих кругов США, сколько являются элементом широкомасштабной психологической кампании против Исламской Республики Иран, направленной либо на стимулирование паники с целью дестабилизации внутренней обстановки в этой стране, либо на подготовку лучших переговорных позиций в будущем.

Кроме этого, существует некоторая вероятность того, что американские политики – приверженцы идеи о необходимости смены теократического режима изберут поэтапный подход к реализации своего плана. На первых порах они попытаются установить экономическую и политическую изоляцию ИРИ посредством проведения в жизнь самых разнообразных мер (см. подглаву 3.1). Если такая изоляция станет возможной, то у «ястребов» появится весьма обоснованная надежда на реализацию плана перехода к насильственному решению этой

проблемы. Не исключено, что именно такая схема стоит за шумом, периодически поднимаемым Вашингтоном вокруг Ирана. Она очень похожа на ту, которую американцы проводили в отношении «саддамовского» Ирака. При этом, однако, надо помнить, что свержение баасистского режима последовало лишь после многолетней подготовки.

Иран также имеет веские причины не форсировать события и не доводить конфликт, связанный со своей ядерной программой, до критической точки.

5.2. Возможности финансово-экономических санкций

В силу вышеизложенного можно констатировать, что решить иранскую ядерную проблему насильственными, силовыми методами весьма затруднительно. Поэтому было бы естественным и оправданным прежде всего сосредоточиться на двух вещах: на «прянике» и экономических санкциях.

При этом представляется, что «политика пряника» для Ирана, как ни странно, сегодня не особенно реальна. Иран – это не Северная Корея, а относительно богатая страна, имеющая тесные связи практически со всем миром. К тому же тот иранский менталитет, о котором сказано выше, не способствует тому, чтобы иранцы в ответ на предоставление преференций со стороны Запада пошли в настоящее время на какие-либо компромиссы, потому что благодаря тотальной государственной пропаганде в ИРИ это будет воспринято в иранском обществе как предательство руководства этой страны, как его продажность «мировому империализму и сионизму». Гордые иранцы отвергнут подкуп. Иранцев трудно подкупить. Пока. Подчеркнем – пока.

Однако постепенные финансово-экономические санкции могут оказать позитивное влияние на разрешение иранской ядерной проблемы. Причем не общие торгово-экономические, даже не эмбарго и не жесткая экономическая блокада, а именно конкретные финансовые санкции способны сломить неоправданное упорство иранских руководителей в их ядерной политике.

И вот почему.

Начнем с того, что экономическая ситуация в Исламской Республике Иран отнюдь не настраивает клерикалов на уже-

сточение противостояния с США и Западом в целом. Ведь главным результатом провокационной политики Ахмадинежада стало введение в 2007–2008 гг. экономических санкций против ИРИ. Эти санкции, без сомнения, замедляют темпы роста иранского ВВП, что чревато негативными последствиями для теократического режима. Ему будет все труднее осуществлять программы социальной помощи неимущим через поддержание цен на важнейшие товары. Уже сейчас такая помощь составляет более пятой части всех бюджетных расходов, а доля населения, живущего ниже официальной черты бедности, доходит до 40%.

Иранская экономика находится в стагнации, близкой к кризису. И это несмотря на колоссальные доходы от экспорта нефти. Только с 1998 г. они увеличились в пять раз – с 11 млрд. долл. до более чем 55 млрд. долл. в 2007 году.

Ярким показателем экономических трудностей стал бензиновый кризис лета 2007 г. В столице Ирана произошли беспорядки, вызванные введением рационирования бензина. И это в стране, которая добывает почти 630 тыс. тонн нефти в день и при этом вынуждена закупать ежедневно 15 тыс. тонн бензина. Экономисты, в том числе и иранские, не сомневаются, что кризис стал результатом неэффективной политики правительства президента Ахмадинежада, в том числе и в ядерной сфере. Именно «ядерная политика» руководства ИРИ приводит к изоляции Ирана.

Это самым негативным образом влияет на экономику. В 2007 г. инфляция вышла из-под контроля: 23%, по данным парламентского исследования иранского меджлиса, опровергнувшего лживые официальные данные о 13–17%. Цены на основные продукты питания возросли в полтора – три раза (1 кг риса стоил 150 туманов, сейчас больше 300, мясо стоило 600, сейчас более 1000 туманов, пшеница подорожала на 70%, ячмень – на 25%, кукуруза – на 52%, рис – на 112%, птица – на 67%, разные виды растительного масла – на 50%, соевое масло – на 100%, подсолнечное масло – на 84% и сахар-сырец – на 124%). В два раза возросла стоимость аренды жилья. Уровень безработицы, по разным оценкам, составляет, по официальным данным, 11%, но по данным Всемирного банка, – 30%. Особенно напряженной сложилась обстановка в Тегеране с его населением свыше 13 млн. человек, из которых около 6 млн. представлено нелегальными мигрантами. В периферийных городах сократился объем транспортных муниципальных услуг.

Важный сектор иранской экономики – черный рынок торговли с ОАЭ и Турцией взорвался, так как иранские банки теряют способность обеспечить его функционирование.

Рушится банковская система ИРИ. Крупнейший в Иране банк «Сепах» оказался на грани коллапса из-за резолюции ООН 1747, поскольку поддерживал ракетную программу. В 2007 г. три других государственных иранских банка – «Садерат», «Мелли» и «Меллят» были исключены как партнеры из финансовой системы США. Банкротство иранских банков может распространиться и на десятки частных и государственных компаний.

На первый взгляд, США не способны сильно уязвить Иран экономически, поскольку у них давно нет коммерческих отношений. Но ведущие иранские банки, на которых обрушились санкции, до сих пор проводили операции в долларах через банки США, которые пользовались для этого так называемыми «транзакциями с разворотом на 180 градусов» (U-turn transactions). Речь идет об операциях, имеющих начало и конец за пределами американской территории. Сейчас такие операции будут прекращены.

Предвидя подобный оборот, иранцы уже некоторое время назад начали переходить на другие валюты, но изоляция от доллара все равно будет для них, по крайней мере, неудобна.

Более того, в Вашингтоне надеются, что иностранные финансовые учреждения не захотят идти на обострение с американцами и будут избегать связей с иранскими банками, которые США объявили пособниками террористов.

Действительно, в последнее время иностранные банки стали проводить антииранскую финансовую политику. Германские «Дойчебанк», «Коммерцбанк», «Дрезденер», три японских банка, а также такие крупнейшие мировые банки, как UBS, HSBC, начали закрывать счета, принадлежащие иранским клиентам – как компаниям, так и физическим лицам.

Для экономики, которая крайне зависима от нефтяных доходов, эти шаги весьма опасны. Ирану все сложнее получать ссуды, иностранную валюту и держать вклады за границей. Иран постепенно лишается возможности обеспечивать себя необходимым импортом. Иранские компании уже столкнулись с повышением цен на импорт на 20–30%, поскольку иранцам приходится нанимать посредников, чтобы избежать финансовых ограничений. Зарубежные инвестиции, особенно необходимые важнейшим объектам нефтедобычи, минималь-

ны. На начало 2007 г. их чистое сальдо иностранных инвестиций было всего 30 млн. долл. А к концу года, несмотря на заключение соглашений с зарубежными компаниями, оно, по видимому, стало отрицательным. А это значит, что реализация проектов по освоению месторождений, которые могли бы дать быстрый экономический эффект (в частности, «Южного Парса»), откладывается.

Специалисты считают, что банковско-финансовые санкции отталкивают иностранных инвесторов. Как отмечает на сайте Института Ближнего Востока Николай Кожанов, уход инвесторов с иранского рынка опасен для Ирана, испытывающего нехватку средств финансирования. Российский исследователь пишет, что некоторые западные организации уже окрестили ИРИ «кладбищем незавершенных проектов». Сложилась практика, когда иностранные компании берутся за реализацию выигранных тендеров, но под давлением внешних факторов не доводят дело до конца. Тот факт, что работы зачастую прекращаются на этапе установки основного оборудования, заставляет некоторых иранцев видеть в этом заговор со стороны стран евро-атлантического региона. По их словам, Запад оказывает давление на ИРИ и наносит свои удары по экономике страны, заставляя Тегеран тратить на заранее обреченные проекты. Такая ситуация сложилась в нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслях, что явилось одним из факторов, приведших к эскалации бензиновой проблемы и угрозе сокращения возможных объемов добычи нефти в будущем.

И это действительно так. Санкции бьют прежде всего по главной иранской отрасли – нефтяной. Пятилетним планом на 2005–2010 гг. предусматривались иностранные инвестиции в размере 28 млрд. долл. на строительство новых нефтеперерабатывающих предприятий. В действительности поступает всего 1 млрд. долл. в год.

Недавно управляющий директор иранской компании «Парс Ойл энд Гэз Кампании» Акбар Торкан заявил, что если не произойдет существенная модернизация, то добыча нефти в Иране будет снижаться на 5% в год. Соответственно, не будет преодолен и дефицит бензина. По подсчетам экономистов, для возрождения нефтепереработки и нефтехимии требуется до 30 млрд. долл., и с каждым годом по причине «старения» производства эти показатели будут возрастать. Кроме того, необ-

ходимо как минимум 100 млрд. долл. инвестиций в течение следующих десяти лет, чтобы увеличить добычу на 1 млн. баррелей в сутки и довести ее до 5 млн. баррелей в сутки.

Благодаря высоким ценам на нефть должен был начаться бум, однако финансовые санкции мешают Ирану воспользоваться неожиданными доходами. Наблюдатели считают, что финансовое эмбарго и связанное с ним сокращение инвестиций более эффективны, чем другие меры воздействия на Иран.

Хотя против ИРИ применяются и другие меры. Некоторые крупные компании уже прекратили или свертывают свои отношения с Ираном. Среди них такие крупнейшие фирмы, как «Сименс», «Шелл», «Бритиш петролеум». Вслед за ними идут и другие.

В конце 2006 г. японская фирма «Импекс» фактически отказалась от участия в разработке проекта «Азадеган». 22 октября 2007 г. вице-президент компании «ЛУКойл» Леонид Федун, сославшись на санкции, примененные к Ирану со стороны США, заявил о том, что его организация вынуждена заморозить свое участие в разработке месторождения «Анаран». По словам представителя «ЛУКойла», по этой же причине значительно ограничено присутствие в ИРИ и «Газпрома».

Правительства Великобритании, Франции, Германии оказывают серьезное давление на компании своих стран, чтобы свернуть их контакты с Ираном или не заключать новых контрактов.

Хотя осуществить это практически довольно сложно. Ведь Италия, Германия, Франция, Нидерланды, Греция, Испания, Великобритания имеют в Иране столь большие экономические интересы, что вопрос о серьезных международных финансово-экономических санкциях против ИРИ может повиснуть в воздухе.

Напомним, как уже отмечалось в подглаве 3.2 («Позиция Европейского Союза»), ежегодный объем торговли между Ираном и Евросоюзом достигает более 20 млрд. евро. Только в первом полугодии 2007 г. общий объем товарооборота между Ираном и 27 членами ЕС достиг 11 млрд. 300 млн. евро, при этом экспорт европейских стран в Иран составил 4 млрд. 600 млн. евро, а импорт из Ирана – 6 млрд. 700 млн. евро.

Крупнейшим торговым партнером ИРИ среди европейских стран стала Италия. Товарооборот между двумя странами за полгода составил 2 млрд. 881 млн. евро. Италия импортировала из Ирана товаров на сумму 2 млрд. 84 млн. евро, а экспортировала в Иран товаров на сумму 797 млн. евро.

Нет сомнений, что по отношению к иранской ядерной проблеме европейские страны, впрочем, так же, как Китай и Россия, находятся в сложном положении. С одной стороны, Иран – это перспективный рынок инвестиций, сбыта товаров, высоких технологий и креативных идей. Одновременно эта страна – один из главных мировых источников углеводородного сырья. Естественно, что чрезвычайно трудно оторвать бизнес, причем как национальный, так и транснациональный от иранской «кормушки», руководствуясь высокими целями предотвращения распространения ядерного оружия, от которых бизнес в подавляющем своем большинстве весьма далек.

Поэтому в реальной политике как государств ЕС, так и Китая, и России по отношению к ядерной проблеме ИРИ наблюдается двойственность, если не сказать «раздвоение сознания».

Так, еще в 2005 г. министр иностранных дел Италии Джанфранко Фини призвал международное сообщество проявить решительность в отношении ядерной программы Ирана. Джанфранко Фини заявил, что мировое сообщество не должно допустить ядерного вооружения Ирана, поскольку это будет представлять угрозу безопасности и миру.

Канцлер ФРГ Ангела Меркель недавно призвала рассмотреть вопрос об ограничении торговых связей между странами Евросоюза и Ираном в качестве одной из составляющих международных санкций в отношении ядерной программы Тегерана.

Министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер в октябре 2007 г. направил письмо 26 своим европейским коллегам, призвав ЕС немедленно ввести жесткие экономические санкции против Ирана.

Как было уже отмечено выше, политическое руководство стран Бенилюкса, не говоря уже о Великобритании, также чрезвычайно жестко относится к иранским ядерным амбициям.

Однако министр иностранных дел Италии Массимо д'Алема заявил, что необходимо попытаться найти дипломатическое решение проблемы «ядерного досье» на переговорах с Ираном. Италия является крупнейшим иранским торговым партнером в Европе. Итальянские компании инвестировали миллиарды долларов в иранскую экономику, в том числе в крупнейший иранский газовый проект «Южный Парс», а на иранских объектах работают сотни итальянских специалистов. Можно представить, каковы будут последствия прекращения импорта итальянских товаров в Иран или поставок иранской нефти

в Италию. Если будет объявлено экономическое эмбарго Ирану, то тут же место Италии займут компании из других стран. Поэтому Италия была категорически против предложения министра иностранных дел Франции Бернара Кушнера о немедленном введении экономических санкций против Ирана. Рим и Берлин – самые крупные экономические партнеры Ирана, и санкции ЕС против этой страны могут привести к серьезным проблемам в итальянской и немецкой экономиках. По этому поводу МИД Италии выпустил документ, в котором говорится, что «Италия и Германия договорились о необходимости поддерживать слаженные действия в отношениях с европейскими странами с целью добиться единого и действенного поведения ЕС». «Письмо французского министра – лишь внутривластная пропаганда», – сказал итальянский министр иностранных дел. «Мы можем заплатить за это высокую экономическую цену», – добавил он.

Аналогичные позиции, исходя из своих национальных интересов, занимают и другие страны. Почему? Как пишет «The Washington Post», понятно почему. Потому что единая Европа прекрасно себя чувствует как зона свободной торговли, но говорить о ней как о политической единомышленнице просто несерьезно. Европа, что ни говори, – это всего лишь какое-то количество суверенных стран, у каждой из которых свои интересы. Заметим притом, что заморозка экономических отношений с Европой потрясла бы Иран до самого основания.

Однако не все так пессимистично. Двойственность позиции ЕС так же, как и Китая и России, предполагает наличие других взглядов, дающих возможность использования жестких финансово-экономических рычагов. Страны Евросоюза так же, как и Китай, конечно же, оглядываются на США. Вашингтон запустил антииранскую машину против торгово-экономических партнеров ИРИ. Поэтому партнеры Тегерана на Западе и Востоке задумались. Они прекрасно умеют считать и понимают, что лучше уйти из Ирана и потерять «доллар», зато остаться на рынках США и сохранить «миллиарды».

Теперь представьте, если оскудеют эти денежно-технологические потоки в Иран, какое экономическое будущее ожидает эту страну, которая и так находится в тисках экономического кризиса? А процесс свертывания отношений с Ираном идет. К примеру, Германия, которая занимает второе место в списке крупнейших партнеров ИРИ, за первое полугодие сни-

зила объем торговли с Тегераном на 18%. По данным британской торговой палаты, объемы экспорта из Великобритании в Иран за прошлый год снизились на семь процентов, достигнув в денежном выражении отметки в 431 млн. фунтов.

В последнее время появляются новые нюансы в политике крупных зарубежных компаний по отношению к Ирану. Так, нефтегазовые компании, имеющие свои интересы в Иране, сознательно затягивают переговоры с иранской стороной. С одной стороны, они в угоду Соединенным Штатам не торопятся выполнять свои обещания перед Ираном, но, с другой стороны, также не спешат уходить с перспективного иранского рынка. Правда, по свидетельству российского исследователя Николая Кожанова, данная точка зрения опровергается представителями иностранных инвесторов. «Роял Датч Шелл», «Репсол» и «Тоталь», имеющие неплохие перспективы по участию в проектах по разработке газового месторождения «Южный Парс» и созданию очень важных для Ирана производственных мощностей по сжижению газа, выжидают, по всей вероятности, решений по ядерной программе ИРИ, а также итогов президентских выборов в США (2008 г.) и Иране (2009 г.), которые могут повлиять на разрешение этой проблемы.

В целом можно констатировать, что в последние годы международное сообщество объявило о введении ограниченных санкций в рамках трех резолюций Совета Безопасности ООН 1737, 1747 и 1803. Тегеран отвергает их точно в порядке появления. Это, естественно, ведет к очередной резолюции с более жесткими санкциями.

Но официальные лица в иранской столице или хранят олимпийское спокойствие, или твердят, что все эти санкции им нипочем, хитро имея в виду помощь Китая, который более 12% импортируемой нефти получает из ИРИ и который, по их мнению, способен заменить ЕС на иранском рынке. Но ноябрьский визит в КНР министра обороны США Роберта Гейтса, во время которого тема Ирана была одной из основных, позволяет усомниться в реальности оптимизма иранских политиков. К тому же Китай уже несколько лет в срочном порядке осваивает новые источники приобретения нефти в Центральной Азии, Африке и Латинской Америке, чтобы как можно меньше зависеть от Ирана и всего Ближнего Востока. В итоге некоторые китайские банки сократили свои связи с ИРИ.

Таким образом, положение у Ирана не самое завидное. Ядерная программа и экономика вползли в зону антагонистических противоречий.

Эти противоречия повлияли и на расклад политических сил в самом Иране.

Несмотря на то, что внутри страны создалась атмосфера практически полной поддержки исламской ядерной программы без всяких нюансов и оттенков, к иранской политической элите все это относится не в полной мере. Там нет такого всеобъемлющего единства по этому вопросу.

Разница между умеренными консерваторами и консерваторами-радикалами не в последнюю очередь проявляется как раз во взглядах на ядерную программу Ирана. Все прекрасно знают экстремистские взгляды Махмуда Ахмадинежада и его сторонников. А люди, которые выступают с умеренно консервативных позиций, все-таки видят возможность диалога с международным сообществом по ядерной проблеме. Диалога, который обходит психологические и идеологические мины, расставленные радикалами.

Али Акбар Хашеми Рафсанджани – один из старейших (родился в 1934 г.) религиозных и политических лидеров Ирана, влияние которого подкреплено большим личным экономическим потенциалом. Он – крупнейший бизнесмен, интересы которого простираются от медных рудников до фисташек, от Ирана до Северной Америки, от Ирана до Юго-Восточной Азии. Хашеми Рафсанджани считает, что, не отказываясь от ядерных проектов, следует держать открытыми двери для дипломатического диалога и избегать безответственных поступков. 21 декабря 2007 г. на пятничном намазе в Тегеране аятолла Хашеми Рафсанджани публично подверг резкой критике президента Махмуда Ахмадинежада. При этом Хашеми Рафсанджани – один из столпов иранского истеблишмента – обвинил нынешнего президента в непомерной цене, которую платит страна за продолжающуюся и все углубляющуюся конфронтацию с мировым сообществом по поводу реализуемой ИРИ атомной программы. Он сказал: «Атомная программа обходится нам чрезвычайно дорого, потому что вводимые санкции и военная истерия, концентрация вооружений и наступательной мощи Запада в нашем регионе требуют от нас больших расходов, они имеют и политическое измерение, выражающееся во внутренних трудностях». Ранее Хашеми Раф-

санджани опроверг высказывания президента Махмуда Ахмадинежада о том, что ядерная программа закрыта и не представляет более предмета для дискуссий на международном уровне. Аятолла Хашеми Рафсанджани заявил, что программа по-прежнему служит предметом внимания и интереса, причем «со знаком минус», и ее реализация сулит стране еще много трудностей. Добавим: в условиях углубляющегося экономического кризиса.

В свою очередь личный представитель Верховного руководителя ИРИ в одной из иранских провинций аятолла Караматолла Малеки-Хоссейни сказал, что несмотря на то, что является одним из сторонников нынешнего президента, он вынужден прямо заявить, что политика Ахмадинежада несет стране много негативного, в том числе невиданную инфляцию, колоссальное обнищание, рост населения, живущего ниже черты бедности. «Как можно в такой экономической ситуации говорить о ядерной программе и ассигновать на ее реализацию непомерные финансовые ресурсы?»

Можно привести мнение еще одного известного иранского политика – Али Лариджани, нынешнего председателя меджлиса, бывшего секретаря Высшего совета безопасности Ирана, основного иранского переговорщика по ядерным проблемам с международным сообществом. Именно его отстранил от должности президент Махмуд Ахмадинежад. Скорее всего, из-за его «мягкости» на переговорах с Европой, с «шестеркой» – постоянными членами Совета Безопасности ООН плюс Германией. Убежденный консерватор, Али Лариджани тем не менее убежден в бесперспективности для Ирана неприятия выдвигаемых ЕС компромиссных решений. По его мнению, Тегерану следовало бы согласиться хотя бы с частью генерируемых Европой предложений, направленных на минимизацию напряженности, существующей вокруг иранской ядерной программы. Это человек, который мог бы стать реальным претендентом на пост президента Исламской Республики Иран, выборы которого состоятся летом 2009 г. В этой связи можно констатировать необходимость работы с группой умеренных консерваторов, чьи политические взгляды хотя и схожи со взглядами Махмуда Ахмадинежада и его команды, но по ядерной проблеме они более реалистичны и прагматичны.

Кажется, вполне разумно в будущем делать ставку именно на таких людей, консервативных по своей идеологической

сущности, но реалистов в политике, в том числе, в отношении ядерной программы.

Более того, в своем большинстве они обладают как политическим, так и экономическим «весом». Так, например, крупнейший предприниматель ИРИ аятолла Хашеми Рафсанджани является главой двух важнейших конституционных органов – Совета по целесообразности принимаемых решений, который вместе с Высшим руководителем ИРИ, согласно Конституции, вырабатывает общие направления внутренней и внешней политики страны, и Совета экспертов – единственного органа, имеющего право смещать и избирать Высшего духовного руководителя Ирана.

Безусловно, было бы оправданным даже определенное содействие представителям умеренных исламистских консерваторов-прагматиков и умеренных исламистских либералов-реформаторов в их бизнесе, как в Иране, так и за пределами страны. То есть осуществлять «точечные» поощрительные акции в отношении реально мыслящих и действующих в рамках международных традиций иранских политиков и бизнесменов.

Но анализ ситуации вокруг иранской ядерной программы свидетельствует, что руководство ИРИ вряд ли пойдет на компромиссы и откажется от планов по превращению страны в ракетно-ядерную державу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шиитский режим в Иране, его доктринальная, политико-идеологическая сущность, а также национальная психология иранцев не оставляют места оптимизму в вопросах разрешения иранской ядерной проблемы. Сомнительно, что нынешнее, наиболее исламистско-радикальное со дня смерти аятоллы Хомейни руководство страны пойдет на компромиссы с международным сообществом по своей ядерной программе.

«Это психологическая война. Но наша нация – не та нация, которая способна уступить давлению. Европейцам следовало бы избегать языка угроз. Против великой иранской нации этот язык бесполезен», – такие слова постоянно звучат в ходе пятничных проповедей во всех мечетях, по всей территории Ирана.

Даже самый поверхностный анализ темпов развития иранских ядерной и ракетной программ убеждает в том, что действия ИРИ надо воспринимать достаточно серьезно. Конечно, перед иранскими специалистами стоит огромное множество технических проблем, усугубляемых отсутствием опыта и международного сотрудничества в условиях сохраняющейся политической изоляции. Тем не менее путем крайнего напряжения Ирану удастся наращивать свой ракетно-ядерный потенциал, создавая этим возможную угрозу для всех окружающих государств.

Противоречия между Ираном и международным сообществом достигли апогея. Однако оставаться безучастным наблюдателем реализации иранской ядерной программы мир не в праве. Это недопустимо.

Не секрет, что наиболее заинтересованными в выходе из иранского ядерного тупика и, соответственно, самыми активными игроками на иранском поле являются Россия, США, Израиль, Европейский Союз, Китай.

Что делать дальше, думают и в Москве, и в Вашингтоне, и в Иерусалиме, и в Брюсселе, и в Пекине.

Американцы готовы и к переговорам с иранцами, и одновременно к самым жестким, вплоть до силовых, мерам.

Германия и другие западноевропейцы добиваются принятия новых, более жестких и целенаправленных – точечных санкций против Ирана, которые ударят по чувствительным секторам иранской экономики.

Китай призывает заинтересованные стороны наращивать дипломатические усилия, выражая надежду на обоюдное проявление гибкости в целях скорейшего возобновления переговоров.

Россия против ужесточения санкций и за дальнейшие переговоры. Как заявил глава МИД РФ Сергей Лавров, необходимо избегать любых шагов, которые могут осложнить работу МАГАТЭ в Иране. При этом он подчеркнул: «Ни в чьих интересах было бы обострение ситуации в этом регионе».

Следует заметить, что Вашингтон пытается в первую очередь приостановить освоение Тегераном чувствительных ядерных технологий (обогащения урана и наработки плутония), а Израиль ставит вопрос шире, требуя вообще прекратить иранскую ядерную программу. Определенную активность в решении этой проблемы проявляет и ЕС, но трудности выработки единой точки зрения, сильная зависимость от США и отсутствие реальных результатов уже многолетних переговоров подталкивают Брюссель занять выжидательную позицию. Последней точки зрения придерживается и Китай, который имеет в ИРИ значительные интересы, но пока предпочитает не ссориться с США и Израилем по этому вопросу.

В дальнейшем развитие иранской ядерной проблемы во многом будет определяться состоянием американо-иранских отношений. Если после смены администрации в Белом доме в начале 2009 г. будет взят курс на нормализацию таких отношений, а Тегеран постепенно скорректирует свой внешнеполитический курс, то углубление нынешнего противостояния ИРИ и международного сообщества может быть приостановлено. Это позволит найти приемлемые варианты решения этой проблемы. В противном случае использование силы против ИРИ со стороны США и их ближайших союзников, по-видимому, станет неизбежным.

Однако для США и Израиля складывающаяся региональная обстановка крайне затрудняет реализацию против Тегерана военного сценария, во всяком случае в ближайшее время. В связи с этим, учитывая результаты президентских выборов США и усиливающееся внутривнутриполитическое противостояние внутри Государства Израиль, особую опасность представляет

возможность самостоятельного израильского военного удара по ИРИ. Это только усугубит иранскую ядерную проблему и, по-видимому, приведет ИРИ к получению ядерного статуса.

Для международного сообщества гораздо разумнее не доводить ситуацию до стадии вооруженного конфликта ввиду крайне непредсказуемых последствий, а сосредоточиться на других, не военных путях решения этой проблемы.

По сути, сейчас Тегеран имеет последний шанс остановить эскалацию конфликта. 21 августа 2007 г. Иран и МАГАТЭ достигли соглашения относительно рабочего плана поэтапного снятия остающихся у Агентства вопросов по иранской ядерной программе. ИРИ уже представила МАГАТЭ обстоятельную информацию по экспериментам с полонием-210, по источнику загрязнения ВОУ технологического оборудования, руднику в Гчине и закупочной деятельности бывшего руководителя Центра физических исследований.

По мнению иранской стороны, предоставленная Агентству информация достаточна для полного выяснения вопросов, связанных с обогащением урана, выделением плутония и механической обработкой обогащенного металлического урана в полусферы. В этой связи Тегеран считает, что у МАГАТЭ не осталось других вопросов, кроме специально надуманных, и требует применения неясных гарантий в «обычном режиме».

По мнению же Агентства, далеко не вся информация о прошлой ядерной деятельности ИРИ представлена. В частности, серьезную озабоченность вызывают исследования, касающиеся конверсии диоксида урана в тетрафторид урана (проект «Зеленая соль»), испытаний бризантных взрывчатых веществ и высоковольтного оборудования для активации детонаторов, разработки токового электродетонатора и проектирования боевой части баллистической ракеты.

Очевидно, что такие исследования могли предназначаться для создания ракетно-ядерного потенциала, что требует дальнейшего выполнения рабочего плана.

Кроме того, на территории ИРИ не действует Дополнительный протокол (1997 г.) к Соглашению с МАГАТЭ о применении гарантий, что крайне затрудняет возможность заблаговременно выявлять здесь незаявленную (незаконную) ядерную деятельность и наличие соответствующих материалов.

В свете изложенного только дальнейшее развитие событий сможет показать, насколько серьезно Тегеран смотрит на со-

трудничество с МАГАТЭ и готов ли он к нормализации отношений с международным сообществом.

При всем этом совершенно очевидно, что нынешнее руководство ИРИ в ближайшее время не пойдет на компромиссы с международным сообществом и не откажется просто так от программы создания промышленной инфраструктуры обогащения урана. И здесь, пожалуй, на первый план выходят инициативы Евросоюза, когда единственным эффективным инструментом может стать только эскалация и ужесточение в первую очередь финансовых санкций. Имеется в виду ограничение или даже временная приостановка банковских операций с ИРИ, замораживание иранских активов, сокращение (или временное прекращение) инвестиций в иранскую экономику.

Необходимо отметить, что в этой ситуации подавляющее большинство населения Ирана не станет жертвами международных финансовых санкций. Во-первых, речь не идет о полной блокаде или эмбарго, или запрете на товарооборот в плане ввоза в Иран продуктов питания, медикаментов, товаров повседневного спроса, бытовой техники (в том числе и персональных компьютеров, которые открывают иранцам окно в мир, к объективной информации) и так далее. Во-вторых, вопрос стоит о приостановке лишь крупных инвестиций в некоторые отрасли экономики: в нефтяную, газовую и связанные с ними отрасли, в военно-промышленный комплекс, то есть в структуры, которые в Иране являются государственными. Эти отрасли контролируются высшей клерикальной и военно-политической элитой, прежде всего находящейся у власти. В-третьих, в силу вышеизложенного финансово-экономическое давление почувствуют в первую очередь государственные структуры, высшие чиновники, бюрократия, порой коррумпированная, и связанный с государством бизнес.

По мнению наблюдателей, уже нынешние «мягкие» (точечные) международные санкции тяжело сказываются на экономике, что приводит иранское руководство на грань нервного срыва. Когда же экономика Ирана из-за этих вынужденных санкций (в первую очередь финансовых), причем скоординированных всеми мировыми игроками на иранском поле, дойдет до такого уровня деградации, что руководство будет вынуждено (хотя бы из-за самосохранения) принимать необходимые решения, то здесь как раз и сработает «пряник». Очень сладкий «пряник» в виде реальных и чрезвычайно выгодных для

Тегерана финансово-экономических, высокотехнологических предпочтений. Важным также является предоставление политических гарантий сохранения исламского режима. Трудно сказать, как это оформить юридически, но необходимо гарантировать иранскому руководству безопасность его существования, прежде всего со стороны США.

И, наконец, как доказывает многолетняя история диалога международного сообщества с Ираном, слишком мягкие ответы на оскорбления и угрозы, раздающиеся из Тегерана, попустительство ядерным амбициям Ирана со стороны международного сообщества способны привести к такой ситуации, когда, следуя поведению кота из знаменитой басни Крылова «Кот и повар» – «...А Васька слушает да ест», – Тегеран успешно закончит свою ядерную программу и вплотную подойдет к возможности создания ядерного оружия. Вот тогда вполне вероятно, что у США и / или Израиля могут не выдержать нервы. И на первый план выйдет военно-силовой вариант решения иранской ядерной проблемы. А это приведет к непредсказуемым последствиям, не исключая катастрофические.

Таким образом, иранский ядерный узел с каждым днем, неделей и месяцем затягивается все туже. Все меньше остается времени до «часа икс», когда развязать его станет невозможно, и тогда, к глубочайшему сожалению, противостоящими Ирану силами будет выбран всего один вариант – разрубить этот узел.

Все яснее проступает на горизонте парадоксальная картина, когда каждое возможное решение хуже любого другого.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Договор о нераспространении ядерного оружия

1 июля 1968 г.
Вашингтон, Лондон и Москва

Государства, заключающие настоящий Договор, ниже именуемые «Участниками Договора»,

учитывая опустошительные последствия, которые имела бы для всего Человечества ядерная война, и вытекающую из этого необходимость приложить все усилия для предотвращения опасности возникновения такой войны и принять меры для обеспечения безопасности народов,

считая, что распространение ядерного оружия серьезно увеличило бы опасность ядерной войны,

в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, призывающими к заключению соглашения о предотвращении более широкого распространения ядерного оружия,

обязуясь сотрудничать в целях содействия применению гарантий Международного агентства по атомной энергии в отношении мирной ядерной деятельности,

выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах,

подтверждая тот принцип, что блага мирного применения ядерной технологии, включая любые технологические побочные продукты, которые могут быть получены государствами, обладающими ядерным оружием, от развития ядерных взрывных устройств, должны быть доступны для мирных целей всем государствам – участникам Договора, как обладающим, так и не обладающим ядерным оружием,

будучи убежденными, что в осуществление этого принципа все участники настоящего Договора имеют право участвовать в возможно самом полном обмене научной информацией для дальнейшего развития применения атомной энергии в мирных целях и вносить в это развитие свой вклад по отдельности или в сотрудничестве с другими государствами,

заявляя о своем намерении по возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении ядерного разоружения,

настоятельно призывая к сотрудничеству всех государств в достижении этой цели,

напоминая о решимости, выраженной участниками Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года в его преамбуле, стремиться достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью,

стремясь содействовать смягчению международной напряженности и укреплению доверия между государствами, с тем чтобы способствовать достижению прекращения производства ядерного оружия, уничтожению всех существующих его запасов и исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем,

напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее при-

нения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций, и что следует содействовать установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения,

согласились о нижеследующем:

СТАТЬЯ I

Каждое из государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами.

СТАТЬЯ II

Каждое из государств-участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

СТАТЬЯ III

1. Каждое из государств-участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством

по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки выполнения его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемых настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах территории такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было.

2. Каждое из государств-участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей.

3. Гарантии, требуемые настоящей статьей, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического и технологического развития Участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования и производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей статьи и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора.

4. Государства-участники Договора, не обладающие ядерным оружием, заключают соглашения с Международным агент-

ством по атомной энергии с целью выполнения требований настоящей статьи либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии. Переговоры о таких соглашениях начинаются в течение 180 дней со времени первоначального вступления в силу настоящего Договора. Для государств, сдавших на хранение свои ратификационные грамоты или документы о присоединении по истечении периода в 180 дней, переговоры о таких соглашениях начинаются не позднее даты такой сдачи. Такие соглашения вступают в силу не позднее восемнадцати месяцев со дня начала переговоров.

СТАТЬЯ IV

1. Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех Участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора.

2. Все Участники Договора обязуются способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене. Участники Договора, которые в состоянии делать это, также сотрудничают в деле содействия, по отдельности или совместно с другими государствами или международными организациями, дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, особенно на территориях государств-участников Договора, не обладающих ядерным оружием, с должным учетом нужд развивающихся районов мира.

СТАТЬЯ V

Каждый из Участников настоящего Договора обязуется принять соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы в соответствии с настоящим Договором, под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам-участникам настоящего Договора, не об-

ладающим оружием, на недискриминационной основе, и чтобы стоимость используемых взрывных устройств для таких Участников Договора была такой низкой, как только это возможно, и не включала расходы по их исследованию и усовершенствованию. Государства-участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением или соглашениями через соответствующий международный орган, в котором должным образом представлены государства, не обладающие ядерным оружием. Переговоры по этому вопросу начнутся так скоро, как это возможно, после вступления в силу настоящего Договора. Государства-участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, которые пожелают этого, могут также получать такие блага в соответствии с двусторонними соглашениями.

СТАТЬЯ VI

Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем.

СТАТЬЯ VII

Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях.

СТАТЬЯ VIII

1. Любой Участник настоящего Договора может предложить поправки к этому Договору. Текст любой предложенной поправки представляется правительствам-депозитариям, которые рассылают его всем Участникам Договора. Затем, если этого потребует одна треть или более Участников Договора, правительства-депозитарии созывают конференцию, на кото-

рую они приглашают всех Участников Договора для рассмотрения такой поправки.

2. Любая поправка к настоящему Договору должна быть утверждена большинством голосов всех Участников Договора, включая голоса всех государств-участников, обладающих ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки такой поправки. Поправка вступает в силу для каждого Участника Договора, сдающего свою грамоту о ратификации поправки, после сдачи на хранение таких ратификационных грамот большинством всех Участников Договора, включая ратификационные грамоты всех государств-участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки этой поправки. Впоследствии она вступает в силу для любого другого Участника Договора после сдачи им на хранение своей грамоты о ратификации поправки.

3. Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) созывается конференция Участников Договора для рассмотрения того, как действует настоящий Договор, чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в преамбуле, и положения Договора осуществляются. Через каждые последующие пять лет большинство Участников Договора может, путем представления предложения с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения того, как действует Договор.

СТАТЬЯ IX

1. Настоящий Договор открыт для подписания его всеми государствами. Любое государство, которое не подпишет Договор до вступления его в силу в соответствии с пунктом 3 данной статьи, может присоединиться к нему в любое время.

2. Настоящий Договор подлежит ратификации государствами, подписавшими его. Ратификационные грамоты и доку-

менты о присоединении сдаются на хранение правительствам Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки, которые настоящим назначаются в качестве правительств-депозитариев.

3. Настоящий Договор вступает в силу после его ратификации государствами, правительства которых назначены в качестве депозитариев Договора, и 40 другими подписавшими настоящий Договор государствами и сдачи ими на хранение ратификационных грамот. Для целей настоящего Договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года.

4. Для государств, ратификационные грамоты или документы о присоединении которых будут сданы на хранение после вступления в силу настоящего Договора, он вступает в силу в день сдачи на хранение их ратификационных грамот или документов о присоединении.

5. Правительства-депозитарии незамедлительно уведомляют все подписавшие и присоединившиеся к настоящему Договору государства о дате каждого подписания, дате сдачи на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о присоединении, дате вступления в силу настоящего Договора, дате получения любых требований о созыве конференции, а также о других уведомлениях.

6. Настоящий Договор должен быть зарегистрирован правительствами-депозитариями в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

СТАТЬЯ X

1. Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Догово-

ра и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы.

2. Через двадцать пять лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно или действие Договора должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение принимается большинством Участников Договора.

СТАТЬЯ XI

Настоящий Договор, русский, английский, французский, испанский и китайский тексты которого являются равно аутентичными, сдается на хранение в архивы правительств-депозитариев. Должным образом заверенные копии настоящего Договора препровождаются правительствами-депозитариями правительствам государств, подписавших Договор и присоединившихся к нему.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Договор.

Совершено в трех экземплярах, в городах Москве, Вашингтоне и Лондоне, июля месяца 1 дня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

Источник: Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. – М.: Наука, 1999. – С. 354–359.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1737

23 декабря 2006 г.
Нью-Йорк

Совет Безопасности,

ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года и свою резолюцию 1696 (2006) от 31 июля 2006 года,

вновь подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации,

вновь выражая серьезную озабоченность по поводу многочисленных докладов Генерального директора МАГАТЭ и резолюций Совета управляющих МАГАТЭ по вопросу о ядерной программе Ирана, о которых ему докладывал Генеральный директор МАГАТЭ, включая резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ GOV/2006/14,

вновь отмечая с серьезной озабоченностью, что в докладе Генерального директора МАГАТЭ от 27 февраля 2006 года (GOV/2006/15) перечислен ряд сохраняющихся вопросов и вызывающих озабоченность проблем, касающихся ядерной программы Ирана, включая темы, которые могут иметь военный ядерный аспект, и что МАГАТЭ не может сделать вывод об отсутствии в Иране незаявленных ядерных материалов или деятельности,

вновь выражая серьезную озабоченность по поводу доклада Генерального директора МАГАТЭ от 28 апреля 2006 года (GOV/2006/27) и содержащихся в нем выводов, в том числе о том, что после более чем трех лет усилий Агентства по прояснению всех аспектов ядерной программы Ирана сохраняющиеся пробелы в информации продолжают вызывать озабоченность и что МАГАТЭ не может добиться прогресса в своих усилиях по предоставлению гарантий отсутствия в Иране незаявленного ядерного материала и деятельности,

отмечая с серьезной озабоченностью, что, как подтверждено в докладах Генерального директора МАГАТЭ от 8 июня 2006 года (GOV/2006/38), 31 августа 2006 года (GOV/2006/53) и 14 ноября 2006 года (GOV/2006/64), Иран не осуществил полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, связанных с обогащением и переработкой и упомянутых в резолюции 1696 (2006), не возобновил сотрудничество с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола, не предпринял другие шаги, предписанные ему Советом управляющих МАГАТЭ, не выполнил положения резолюции 1696 (2006) Совета Безопасности, которые существенно необходимы для укрепления доверия, и выражая сожаление по поводу отказа Ирана предпринять эти шаги,

подчеркивая важность политических и дипломатических усилий по поиску решения на основе переговоров, гарантирующего, что ядерная программа Ирана преследует исключительно мирные цели, отмечая, что такое решение будет способствовать ядерному нераспространению в других регионах, и приветствуя сохраняющуюся приверженность Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, при поддержке Высокого представителя Европейского союза, поиску решения на основе переговоров,

будучи преисполнен решимости добиться осуществления своих решений путем принятия соответствующих мер, чтобы убедить Иран выполнить резолюцию 1696 (2006) и требования МАГАТЭ, а также сдерживать разработку Ираном чувствительных технологий в поддержку его ядерной и ракетной программ до тех пор, пока Совет Безопасности не определит, что цели настоящей резолюции достигнуты,

испытывая озабоченность в связи с опасностями распространения, которые представляет ядерная программа Ирана, и в этом контексте тем, что Иран по-прежнему не выполняет требования Совета управляющих МАГАТЭ и не соблюдает положения резолюции 1696 (2006) Совета Безопасности, памятуя о своей главной ответственности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности,

действуя на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1. *подтверждает*, что Ирану следует без дальнейшего промедления предпринять шаги, которые предписаны Советом управляющих МАГАТЭ в его резолюции GOV/2006/14 и которые существенно важны для того, чтобы повысить уверенность в исключительно мирных целях его ядерной программы и решить сохраняющиеся вопросы;

2. *постановляет* в этом контексте, что Ирану следует без дальнейшего промедления приостановить следующие виды чувствительной в плане распространения ядерной деятельности:

a) всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ; и

b) работы в рамках всех связанных с тяжелой водой проектов, включая строительство исследовательского реактора с тяжеловодным замедлителем, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ;

3. *постановляет*, что все государства примут необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах – независимо от страны происхождения – всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана,

связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия, а именно:

a) те, которые перечислены в разделах В.2, В.3, В.4, В.5, В.6 и В.7 документа INFCIRC/254/Rev.8/Part 1, воспроизведенного в документе S/2006/814;

b) те, которые перечислены в разделах А.1 и В.1 документа INFCIRC/ 254/Rev.8/Part 1, воспроизведенного в документе S/2006/814, за исключением поставки, продажи или передачи:

i) оборудования, охватываемого разделом В.1, когда такое оборудование предназначено для легководных реакторов;

ii) низкообогащенного урана, охватываемого позицией А.1.2, когда он является частью сборок ядерных топливных элементов для таких реакторов;

c) те, которые перечислены в документе S/2006/815, за исключением поставки, продажи или передачи предметов, охватываемых позицией 19.А.3 категории II;

d) любые дополнительные предметы, материалы, оборудование, товары и технологии, определенные, при необходимости, Советом Безопасности или Комитетом, учрежденным пунктом 18 ниже (далее именуемым «Комитет») и могущие способствовать деятельности, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия;

4. *постановляет*, что все государства примут необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи, со своей территории или своими гражданами, или с использованием морских и воздушных судов под их флагом, Ирану или для использования в Иране или в его интересах – независимо от страны происхождения – следующих предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий:

a) тех, которые перечислены в документе INFCIRC/254/Rev.7/Part 2, воспроизведенном в документе S/2006/814, если государство

определяет, что они будут способствовать деятельности, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой;

b) любых иных предметов, не указанных в документе S/2006/814 или S/2006/815, если государство определяет, что они будут способствовать деятельности, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия;

c) любых других предметов, если государство определяет, что они будут способствовать осуществлению деятельности, имеющей отношение к другим темам, в отношении которых МАГАТЭ выразило озабоченность или которые оно определило как сохраняющиеся;

5. *постановляет*, что для целей поставки, продажи или передачи всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые охватываются документами S/2006/814 и S/2006/815 и экспорт которых в Иран не запрещен подпунктами 3(b), 3(c) или 4(a) выше, государства обеспечат, чтобы:

a) были выполнены соответствующие требования Руководящих принципов, которые изложены в документах S/2006/814 и S/2006/985; и

b) они получили право проверять конечное использование и место конечного использования любого поставленного предмета и были в состоянии эффективно осуществлять это право; и

c) они уведомляли Комитет в течение десяти дней с момента поставки, продажи или передачи; и

d) в отношении предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, перечисленных в документе S/2006/814, они также уведомляли МАГАТЭ в течение десяти дней с момента поставки, продажи или передачи;

6. *постановляет*, что все государства также примут необходимые меры для предотвращения предоставления Ирану любой технической помощи или профессиональной подготовки,

финансовой помощи, инвестиций, брокерских или иных услуг и передачи финансовых ресурсов или услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием запрещенных предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, указанных в пунктах 3 и 4 выше;

7. *постановляет*, что Иран не может экспортировать какие-либо предметы, перечисленные в документах S/2006/814 и S/2006/815, и что все государства-члены запретят приобретение таких предметов у Ирана их гражданами или с использованием морских или воздушных судов под их флагом, независимо от того, происходят ли они с территории Ирана или нет;

8. *постановляет*, что Иран обеспечит такой доступ и сотрудничество, о которых просит МАГАТЭ для того, чтобы иметь возможность проверить приостановку, о которой говорится в пункте 2, и решить все сохраняющиеся вопросы, указанные в докладах МАГАТЭ, и призывает Иран незамедлительно ратифицировать Дополнительный протокол;

9. *постановляет*, что меры, вводимые пунктами 3, 4 и 6, не будут применяться, если Комитет заранее и в каждом конкретном случае определит, что такая поставка, продажа, передача или предоставление таких предметов или помощи явно не будут способствовать разработке Ираном технологий в поддержку его чувствительной в плане распространения ядерной деятельности и разработке систем доставки ядерного оружия, включая те случаи, когда такие предметы или помощь предоставляются в продовольственных, сельскохозяйственных, медицинских или иных гуманитарных целях, при условии, что:

а) контракты на поставку таких предметов или оказание помощи включают в себя надлежащие гарантии в отношении конечного пользователя; и

б) Иран берет на себя обязательство не использовать такие предметы в рамках чувствительной в плане распространения ядерной деятельности или для разработки систем доставки ядерного оружия;

10. *призывает* все государства проявлять бдительность в отношении въезда на их территорию или транзитного проезда через нее физических лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, и постановляет в этой связи, что все государства уведомляют Комитет о въезде на их территорию или транзитном проезде через нее физических лиц, указанных в приложении к настоящей резолюции (далее именуемом «Приложение»), а также указанных Советом Безопасности или Комитетом дополнительных лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов, товаров, оборудования, материалов и технологий, указанных в контексте мер, которые перечислены в пунктах 3 и 4 выше, за исключением случаев, когда такая поездка осуществляется непосредственно в связи с деятельностью, упомянутой в подпунктах 3(b)(i) и 3(b)(ii) выше;

11. *подчеркивает*, что ничто в пункте выше не обязывает государство отказывать во въезде на свою территорию своим собственным гражданам и что все государства при осуществлении пункта выше принимают во внимание гуманитарные соображения, а также необходимость достижения целей настоящей резолюции, в том числе в случае применения статьи XV Устава МАГАТЭ;

12. *постановляет*, что все государства заморозят денежные средства, другие финансовые активы и экономические ресурсы, имеющиеся на их территории на дату принятия настоящей резолюции или в любой последующий период и находящиеся в собственности или под контролем физических или юридических лиц, указанных в Приложении, а также других физических или юридических лиц, которые, как установлено Советом Безопасности или Комитетом, участвуют в чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и в разработке систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают

этому поддержку, или физических или юридических лиц, действующих от их имени или по их указанию, или предприятий, находящихся в их собственности или под их контролем, в том числе с использованием незаконных средств, и что меры, предусмотренные в этом пункте, прекращают применяться в отношении таких физических или юридических лиц, если Совет Безопасности или Комитет исключит их из Приложения и начиная с этого момента, и постановляет далее, что все государства должны обеспечивать, чтобы никакие денежные средства, финансовые активы или экономические ресурсы не предоставлялись их гражданами или какими-либо физическими или юридическими лицами на их территории таким физическим или юридическим лицам или в их интересах;

13. *постановляет*, что меры, вводимые пунктом 12 выше, не применяются в отношении денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов, которые, как было установлено соответствующими государствами:

а) необходимы для покрытия основных расходов, включая оплату продуктов питания, аренды жилья или ипотечного кредита, лекарств и медицинского лечения, налогов, страховых взносов или коммунальных услуг, или исключительно для оплаты в разумных пределах расходов на специалистов и возмещения понесенных расходов, связанных с предоставлением юридических услуг, или же сборов или платы за обслуживание – в соответствии с внутригосударственными законами – в связи с обычным хранением или поддержанием суммы замороженных денежных средств, других финансовых активов и экономических ресурсов, после того как соответствующие государства уведомят Комитет о своем намерении разрешить в соответствующих случаях доступ к таким денежным средствам, другим финансовым активам или экономическим ресурсам и при отсутствии отрицательного решения Комитета в течение пяти рабочих дней с момента такого уведомления;

б) необходимы для покрытия чрезвычайных расходов, при условии, что соответствующие государства уведомили Комитет о таком решении и оно было одобрено Комитетом;

с) являются предметом судебного, административного или арбитражного удержания или решения, и в этом случае такие денежные средства, другие финансовые активы и экономические ресурсы могут использоваться для исполнения этого права удержания или судебного решения при условии, что это право удержания или судебное решение предшествует дате принятия настоящей резолюции, не направлено на удовлетворение интересов физических или юридических лиц, указанных в соответствии с пунктами 10 и 12 выше, и Комитет был уведомлен об этом соответствующими государствами;

д) необходимы для осуществления деятельности, непосредственно связанной с предметами, указанными в подпунктах 3(b)(i) и 3(b)(ii), о чем соответствующие государства уведомили Комитет;

14. *постановляет*, что государства могут разрешать пополнение счетов, замороженных во исполнение положений пункта 12 выше, за счет процентов или других поступлений, причитающихся по этим счетам, или выплат по контрактам, соглашениям или обязательствам, которые возникли до даты, когда указанные счета попали под действие положений настоящей резолюции, при условии, что такие проценты, другие поступления и выплаты будут также подпадать под эти положения и будут заморожены;

15. *постановляет*, что меры, предусмотренные пунктом 12 выше, не должны препятствовать производству указанными физическими или юридическими лицами выплат по контракту, заключенному до включения такого физического или юридического лица в список, при условии, что, как было установлено соответствующими государствами:

а) контракт не связан с какими-либо запрещенными предметами, материалами, оборудованием, товарами, технологиями, помощью, профессиональной подготовкой, финансовой помощью, инвестициями, брокерскими или иными услугами, упомянутыми в пунктах 3, 4 и 6 выше;

б) платеж не предоставляется непосредственно или косвенно физическому или юридическому лицу, указанному в со-

ответствии с пунктом 12 выше; и после того как соответствующие государства уведомили Комитет о своем намерении разрешить – за десять рабочих дней до предоставления такого разрешения – размораживание денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов в этих целях, если это уместно;

16. *постановляет*, что техническая помощь, оказываемая Ирану МАГАТЭ или под его эгидой, предоставляется только в продовольственных, сельскохозяйственных и медицинских целях, целях обеспечения безопасности или иных гуманитарных целях, или в тех случаях, когда это необходимо для исправления существующей небезопасной обстановки, или когда это необходимо для проектов, непосредственно связанных с предметами, указанными в подпунктах 3(b)(i) и 3(b)(ii) выше, однако никакая такая техническая помощь не предоставляется, когда это связано с чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью, указанной в пункте 2 выше;

17. *призывает* все государства проявлять бдительность и предотвращать специализированное обучение или профессиональную подготовку граждан Ирана на своей территории или своими гражданами по дисциплинам, которые способствовали бы чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и разработке систем доставки ядерного оружия;

18. *постановляет* учредить в соответствии с правилом 28 своих временных правил процедуры Комитет Совета Безопасности в составе всех членов Совета для выполнения следующих задач:

а) запрашивать у всех государств, в частности государств региона и государств, производящих предметы, материалы, оборудование, товары и технологии, упомянутые в пунктах 3 и 4 выше, информацию о предпринятых ими действиях по эффективному осуществлению мер, вводимых пунктами 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 и 12 настоящей резолюции, и любую дополнительную информацию, которую он может счесть полезной в этой связи;

б) запрашивать у секретариата МАГАТЭ информацию о предпринимаемых МАГАТЭ действиях по эффективному осуществлению мер, вводимых пунктом 17 настоящей резолюции, и любую дополнительную информацию, которую он может счесть полезной в этой связи;

с) изучать информацию, касающуюся предполагаемых нарушений мер, вводимых пунктами 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 и 12 настоящей резолюции, и предпринимать по ней соответствующие действия;

д) рассматривать просьбы о применении изъятий, предусмотренных в пунктах 9, 13 и 15 выше, и принимать по ним решения;

е) определять, при необходимости, какие другие предметы, материалы, оборудование, товары и технологии должны включаться для целей пункта 3 выше;

ф) устанавливать, при необходимости, на какие другие физические и юридические лица распространяются меры, вводимые пунктами 10 и 12 выше;

г) принимать руководящие принципы, которые могут быть необходимы для облегчения осуществления мер, вводимых настоящей резолюцией, и включать в такие руководящие принципы требование к государствам предоставлять, где это возможно, информацию о том, почему те или иные физические и/или юридические лица отвечают критериям, изложенным в пунктах 10 и 12, и любую уместную идентифицирующую информацию;

h) представлять Совету Безопасности, по меньшей мере каждые 90 дней, доклады о своей работе и осуществлении настоящей резолюции вместе со своими замечаниями и рекомендациями, в частности в отношении путей повышения эффективности мер, вводимых пунктами 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 и 12 выше;

19. *постановляет*, что все государства должны представить Комитету в течение 60 дней после принятия настоящей

резолюции доклад о шагах, предпринятых ими в целях эффективного выполнения положений пунктов 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12 и 17 выше;

20. *выражает* убежденность в том, что приостановка, упомянутая в пункте 2 выше, а также полное и проверенное выполнение Ираном требований, установленных Советом управляющих МАГАТЭ, способствовали бы дипломатическому решению на основе переговоров, которое гарантировало бы, что ядерная программа Ирана осуществляется исключительно в мирных целях, подчеркивает готовность международного сообщества конструктивно содействовать такому решению, призывает Иран в соответствии с вышеуказанными положениями возобновить сотрудничество с международным сообществом и МАГАТЭ и подчеркивает, что такое сотрудничество будет на благо Ирана;

21. *приветствует* приверженность Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, поддержанную Высоким представителем Европейского союза, урегулированию этого вопроса путем переговоров и призывает Иран сотрудничать в рамках выдвинутых ими в июне 2006 года предложений (S/2006/521), которые были одобрены Советом Безопасности в резолюции 1696 (2006), относительно долгосрочного всеобъемлющего соглашения, позволяющего развивать отношения и сотрудничество с Ираном на основе взаимного уважения и обеспечения уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана;

22. *вновь выражает* решимость повысить весомость процесса МАГАТЭ, решительно поддерживает роль Совета управляющих МАГАТЭ, высоко оценивает и одобряет продолжающиеся профессиональные и беспристрастные усилия Генерального директора МАГАТЭ и его секретариата, прилагаемые в целях решения всех сохраняющихся вопросов в Иране в рамках МАГАТЭ, подчеркивает необходимость продолжения МАГАТЭ его работы по прояснению всех сохраняющихся вопросов, касающихся ядерной программы Ирана;

23. *просит* Генерального директора МАГАТЭ в течение 60 дней представить доклад о том, осуществил ли Иран пол-

ную и окончательную приостановку всех видов деятельности, упомянутых в настоящей резолюции, а также о процессе осуществления Ираном всех шагов, предписанных Советом МАГАТЭ, и выполнения других положений настоящей резолюции Совету управляющих МАГАТЭ и одновременно Совету Безопасности для его рассмотрения;

24. *подтверждает*, что он проведет обзор предпринятых Ираном шагов в свете доклада, который упомянут в пункте 23 выше, и должен быть представлен в течение 60 дней, и:

а) что он приостановит осуществление мер, если и настолько, насколько Иран приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, и это будет проверено МАГАТЭ, что позволит приступить к переговорам;

б) что он отменит меры, указанные в пунктах 3, 4, 5, 6, 7, 10 и 12 настоящей резолюции, как только он определит, что Иран полностью соблюдает свои обязанности, вытекающие из соответствующих резолюций Совета Безопасности, и выполнил требования Совета управляющих МАГАТЭ, что будет подтверждено Советом МАГАТЭ;

с) что он в том случае, если упомянутый в пункте 23 выше доклад будет свидетельствовать о невыполнении Ираном настоящей резолюции, примет дальнейшие соответствующие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы убедить Иран выполнить настоящую резолюцию и требования МАГАТЭ, и подчеркивает, что если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения;

25. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Организации, принимающие участие в ядерной программе

1. Организация по атомной энергии Ирана (ОАЭИ).
2. Компания «Месбах энерджи» (поставщик для проекта сооружения исследовательского реактора А40 в Араке).
3. Компания «Кала-электрик» (также известна под названием «Калайе электрик») (поставщик для пилотного предприятия по обогащению урана в Натанзе).
4. Компания «Парс треш» (принимает участие в программе центрифужного обогащения урана, указывается в докладах МАГАТЭ).
5. Компания «Фараянд техник» (принимает участие в программе центрифужного обогащения урана, указывается в докладах МАГАТЭ).
6. Организация оборонной промышленности (ООП) (подведомственна Министерству обороны и поддержки вооруженных сил ИРИ; некоторые структурные подразделения ООП принимают участие в производстве компонентов для программы центрифужного обогащения урана и в ракетной программе).
7. Компания «7-го тира» (является структурным подразделением ООП; по общему признанию, принимает непосредственное участие в ядерной программе).

В. Организации, принимающие участие в программе по баллистическим ракетам

1. Промышленная группа «Шахид Хеммат» (ПГШХ) (структурное подразделение Организации аэрокосмической промышленности – ОАП).
2. Промышленная группа «Шахид Багери» (ПГШБ) (структурное подразделение ОАП).

3. Промышленная группа «Фаджр» (бывшее предприятие «Инструментальный завод», структурное подразделение ОАП).

С. Лица, принимающие участие в ядерной программе

1. Мохаммад Каннади, заместитель руководителя ОАЭИ по исследованиям и разработкам.
2. Бехман Асгарпур, управляющий проектом сооружения исследовательского реактора А40 в Араке.
3. Давуд Агха-Джани, руководитель пилотного предприятия по обогащению урана в Натанзе.
4. Эхсан Монаджеми, директор по вопросам строительства пилотного предприятия по обогащению урана в Натанзе.
5. Джафар Мохаммади, советник по техническим вопросам при ОАЭИ (отвечает за управление производством клапанов для центрифуг).
6. Али Хаджиния Лейлабади, генеральный директор компании «Месбах энерджи».
7. Генерал-лейтенант Мохаммад Мехди Неджад Нури, ректор Военно-технологического университета «Малек Аштар» (департамент химии, связан с Министерством обороны и поддержки вооруженных сил ИРИ, осуществлял эксперименты с бериллием).

Д. Лица, принимающие участие в программе по баллистическим ракетам

1. Генерал Хосейн Салими, командующий военно-воздушными силами Корпуса стражей исламской революции (КСИР).
2. Ахмад Вахид Дастджерди, руководитель ОАП.
3. Реза-Голи Эсмаэли, руководитель департамента по вопросам торговли и международным делам, ОАП.

4. Бахманьяр Мортеза Бахманьяр, руководитель бюджетно-финансового департамента, ОАП.

Е. Лица, принимающие участие как в ядерной программе, так и в программе по баллистическим ракетам

1. Генерал-майор Яхья Рахим Сафави, командующий КСИР.

Источник: Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1737/ Официальный сайт Совета Безопасности Организации Объединенных Наций // <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1737.htm> (посещался 26 ноября 2007 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

**Резолюция Совета Безопасности
Организации Объединенных Наций 1747**

*24 марта 2007 г.
Нью-Йорк*

Совет Безопасности,

ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года, свою резолюцию 1696 (2006) от 31 июля 2006 года и свою резолюцию 1737 (2006) от 23 декабря 2006 года и вновь подтверждая их положения,

вновь подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия, необходимость полного соблюдения всеми государствами – участниками этого Договора всех своих обязательств и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого Договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации,

напоминая о своей серьезной озабоченности по поводу докладов Генерального директора МАГАТЭ, которая отмечалась в его резолюциях 1696 (2006) и 1737 (2006),

ссылаясь на последний доклад Генерального директора МАГАТЭ (GOV/2007/8) от 22 февраля 2007 года и выражая сожаление по поводу того, что, как в нем указано, Иран не выполнил резолюцию 1696 (2006) и резолюцию 1737 (2006),

подчеркивая важность политических и дипломатических усилий по поиску решения на основе переговоров, гарантирующего, что ядерная программа Ирана преследует исключительно мирные цели, отмечая, что такое решение будет спо-

содействовать ядерному нераспространению в других регионах, и приветствуя сохраняющуюся приверженность Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, при поддержке Высокого представителя Европейского союза, поиску решения на основе переговоров,

ссылаясь на резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ (GOV/2006/14), в которой отмечается, что решение иранской ядерной проблемы внесет вклад в глобальные усилия по нераспространению и в реализацию цели того, что Ближний Восток станет свободным от оружия массового уничтожения, включая средства его доставки,

будучи преисполнен решимости добиться осуществления своих решений путем принятия надлежащих мер, чтобы убедить Иран выполнить резолюцию 1696 (2006) и резолюцию 1737 (2006) и требования МАГАТЭ, а также сдерживать разработку Ираном чувствительных технологий в поддержку его ядерной и ракетной программ до тех пор, пока Совет Безопасности не определит, что цели этих резолюций достигнуты,

напоминая о требовании, в соответствии с которым государства должны объединяться для оказания взаимной помощи в проведении мер, о которых принято решение Советом Безопасности,

испытывая озабоченность в связи с опасностями распространения, которые представляет ядерная программа Ирана, и в этом контексте в связи с тем, что Иран по-прежнему не выполняет требования Совета управляющих МАГАТЭ и не соблюдает положения резолюций 1696 (2006) и 1737 (2006) Совета Безопасности, и памятуя о своей главной ответственности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности,

действуя на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1. *вновь подтверждает*, что Иран должен без дальнейшего промедления предпринять шаги, которые предписаны Сове-

том управляющих МАГАТЭ в его резолюции GOV/2006/14 и которые существенно важны для того, чтобы удостовериться в исключительно мирных целях его ядерной программы и решить сохраняющиеся вопросы, и в этом контексте подтверждает свое решение о том, что Иран должен без дальнейшего промедления предпринять шаги, предписанные в пункте 2 резолюции 1737 (2006);

2. *призывает* все государства также проявлять бдительность и осмотрительность в отношении въезда на их территорию или транзитного проезда через нее физических лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, и постановляет в этой связи, что все государства уведомляют Комитет, учрежденный в соответствии с пунктом 18 резолюции 1737 (2006) (далее именуемый «Комитет»), о въезде на их территорию или транзитном проезде через нее физических лиц, указанных в приложении к резолюции 1737 (2006) или в приложении I к настоящей резолюции, а также дополнительных лиц, указанных Советом Безопасности или Комитетом, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана и разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов, товаров, оборудования, материалов и технологий, указанных в контексте мер, которые перечислены в пунктах 3 и 4 резолюции 1737 (2006), за исключением случаев, когда такая поездка осуществляется непосредственно в связи с деятельностью, упомянутой в подпунктах 3(b)(i) и 3(b)(ii) этой резолюции;

3. *подчеркивает*, что ничто в пункте выше не обязывает государство отказывать во въезде на свою территорию своим собственным гражданам и что при осуществлении пункта выше все государства принимают во внимание гуманитарные соображения, в том числе религиозные обязанности, а также необходимость достижения целей настоящей резолюции и резолюции 1737 (2006), в том числе в случае применения статьи XV Устава МАГАТЭ;

4. *постановляет*, что меры, указанные в пунктах 12, 13, 14 и 15 резолюции 1737 (2006), применяются также в отношении физических и юридических лиц, перечисленных в приложении I к настоящей резолюции;

5. *постановляет*, что Иран не может прямо или косвенно поставлять, продавать или передавать с его территории или его гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под его флагом любые вооружения или связанные с ними материальные средства и что все государства запретят приобретение таких предметов у Ирана своими гражданами или с использованием морских или воздушных судов под их флагом, независимо от того, происходят ли они с территории Ирана или нет;

6. *призывает* все государства проявлять бдительность и осмотрительность в отношении прямой или косвенной поставки, продажи или передачи Ирану со своей территории или их гражданами, или с использованием морских и воздушных судов под их флагом любых боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем, как они определяются для целей Регистра обычных вооружений Организации Объединенных Наций, и при предоставлении Ирану любой технической помощи или профессиональной подготовки, финансовой помощи, инвестиций, брокерских и других услуг и передаче финансовых ресурсов или услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием таких предметов, в целях предотвращения дестабилизирующего накопления вооружений;

7. *призывает* все государства и международные финансовые учреждения не брать на себя новые обязательства по предоставлению правительству Исламской Республики Иран субсидий, финансовой помощи и льготных кредитов, за исключением тех, которые предусмотрены для гуманитарных целей и целей развития;

8. *призывает* все государства представить Комитету в течение 60 дней после принятия настоящей резолюции доклад

о шагах, предпринятых ими в целях эффективного выполнения положений пунктов 2, 4, 5, 6 и 7 выше;

9. *выражает* убежденность в том, что приостановка, упомянутая в пункте 2 резолюции 1737 (2006), а также полное и подтвержденное выполнение Ираном требований, установленных Советом управляющих МАГАТЭ, способствовали бы дипломатическому решению на основе переговоров, которое гарантировало бы, что ядерная программа Ирана осуществляется исключительно в мирных целях, подчеркивает готовность международного сообщества конструктивно содействовать такому решению, призывает Иран в соответствии с вышеуказанными положениями возобновить сотрудничество с международным сообществом и МАГАТЭ и подчеркивает, что такое сотрудничество будет на благо Ирана;

10. *приветствует* неизменное подтверждение приверженности Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции при поддержке Высокого представителя Европейского союза урегулированию этого вопроса путем переговоров и призывает Иран сотрудничать в рамках выдвинутых ими в июне 2006 года предложений (S/2006/521), содержащихся в приложении II к настоящей резолюции и одобренных Советом Безопасности в резолюции 1696 (2006), – и с удовлетворением подтверждает, что это предложение в адрес Ирана остается в силе, – относительно долгосрочного всеобъемлющего соглашения, позволяющего развивать отношения и сотрудничество с Ираном на основе взаимного уважения и обеспечения уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана;

11. *подтверждает* свою решимость укрепить полномочия МАГАТЭ, решительно поддерживает роль Совета управляющих МАГАТЭ, *одобряет* и *поощряет* продолжающиеся профессиональные и беспристрастные усилия Генерального директора МАГАТЭ и его секретариата, прилагаемые в целях решения всех сохраняющихся вопросов в Иране в рамках МАГАТЭ, *подчеркивает* необходимость того, чтобы МАГАТЭ, которое обладает международно признанными полномочиями в области проверки соблюдения соглашений о гарантиях, включая обязательство не использовать ядерный материал в немирных целях, в соответствии со своим Уставом, продол-

жало свою работу по прояснению всех сохраняющихся вопросов, касающихся ядерной программы Ирана;

12. *просит* Генерального директора МАГАТЭ в течение 60 дней представить последующий доклад о том, осуществил ли Иран полную и устойчивую приостановку всех видов деятельности, упомянутых в резолюции 1737 (2006), а также о процессе осуществления Ираном всех шагов, предписанных Советом МАГАТЭ, и выполнения других положений резолюции 1737 (2006) и настоящей резолюции Совету управляющих МАГАТЭ и одновременно Совету Безопасности для его рассмотрения;

13. *подтверждает*, что он проведет обзор предпринятых Ираном шагов в свете доклада, который упомянут в пункте 12 выше и должен быть представлен в течение 60 дней, и:

а) что он приостановит осуществление мер, если и настолько, насколько Иран приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, и это будет проверено МАГАТЭ, что позволит приступить к переговорам в духе доброй воли в целях достижения скорейшего и взаимоприемлемого результата;

б) что он отменит меры, указанные в пунктах 3, 4, 5, 6, 7 и 12 резолюции 1737 (2006), а также в пунктах 2, 4, 5, 6 и 7 выше, как только он определит, получив доклад, указанный в пункте 12 выше, что Иран полностью соблюдает свои обязанности, вытекающие из соответствующих резолюций Совета Безопасности, и выполнил требования Совета управляющих МАГАТЭ, что будет подтверждено Советом МАГАТЭ;

с) что в том случае, если упомянутый в пункте 12 выше доклад будет свидетельствовать о невыполнении Ираном резолюции 1737 (2006) и настоящей резолюции, он примет дальнейшие надлежащие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы убедить Иран выполнить эти резолюции и требования МАГАТЭ, и подчеркивает, что, если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения;

14. постановляет продолжать заниматься этим вопросом.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Организации, принимающие участие в ядерной программе или деятельности, связанной с баллистическими ракетами

1. Промышленная группа «Амьюнишн энд Металлурджи» (АМПГ) (также известная как Промышленная группа «Амьюнишн») – АМПГ контролирует компанию «7-го тира», которая указана в резолюции 1737 (2006) в связи с ее ролью в программе центрифужного обогащения урана Ирана. АМПГ в свою очередь принадлежит и находится под контролем Организации оборонной промышленности (ООП), которая указана в резолюции 1737 (2006).

2. Исфаганский центр по исследованию и производству ядерного топлива (ИЦИПЯТ) и Исфаганский центр ядерных технологий (ИЦЯТ) – подразделения Компании по поставкам и производству ядерного топлива Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ), которая вовлечена в деятельность, связанную с обогащением. ОАЭИ указана в резолюции 1737 (2006).

3. Компания «Кавошиар» – структурное подразделение ОАЭИ, которая пыталась приобрести стекловолокно, вакуумные камерные печи и лабораторное оборудование для ядерной программы Ирана.

4. Компания «Парчин Кемикл Индастриз» – филиал ООП, производящий боеприпасы, взрывчатые вещества и твердое ракетное топливо для реактивных снарядов и ракет.

5. Центр ядерных исследований в Кередже – филиал научно-исследовательского отдела ОАЭИ.

6. Компания «Новин Энерджи» (также известная как «Парс Новин») – функционирует под эгидой ОАЭИ и по ее поручению осуществляет переводы финансовых средств организациям, связанным с ядерной программой Ирана.

7. Промышленная группа «Круз Мисайлз» (также известна под названием «Нэйвл Дефенс Мисайл Индастри Груп») (Про-

мысленная группа «Ракетные системы морского базирования») – разработка и производство крылатых ракет. Занимается ракетными системами морского базирования, включая крылатые ракеты.

8. Банк «Сепак» и банк «Сепак Интернэшнл» – банк «Сепак» оказывает поддержку Организации аэрокосмической промышленности (ОАП) и ее структурным подразделениям, включая Промышленную группу «Шахид Хеммат» (ПГШХ) и Промышленную группу «Шахид Багери» (ПГШБ), обе из которых были указаны в резолюции 1737 (2006).

9. Промышленная группа «Санам» – структурное подразделение ОАП. Группа «Санам» по поручению ОАП производила закупки оборудования для ракетной программы.

10. Промышленная группа «Йа Махди» – структурное подразделение ОАП. Группа участвовала в международных закупках ракетного оборудования.

Организации иранского Корпуса стражей исламской революции

1. Промышленная группа «Кудс Аэронотикс Индастриз» (производит беспилотные летательные аппараты, парашюты, парапланеры, парамоторы и т.д. Представители Корпуса стражей исламской революции (КСИР) утверждают, что они используют эти изделия в рамках своей доктрины асимметричных военных действий).

2. Компания «Парс Авиэйшн Сервисис» (осуществляет техническое обслуживание различных летательных аппаратов, в том числе вертолетов Ми-171, находящихся на вооружении военно-воздушных сил Корпуса стражей исламской революции).

3. Компания «Шооа Авиэйшн» (производит сверхлегкие летательные аппараты. Представители Корпуса стражей исламской революции утверждают, что они используют эти аппараты в рамках своей доктрины асимметричных военных действий).

Лица, принимающие участие в ядерной программе или деятельности, связанной с баллистическими ракетами

1. Ферейдун Аббаси-Давани – ведущий специалист Министерства обороны и поддержки вооруженных сил ИРИ, связанный с Институтом прикладной физики, работает в тесном контакте с Мохсеном Факризаде-Махабади, указанным ниже.

2. Мохсен Факризаде-Махабади – ведущий специалист Министерства обороны поддержки вооруженных сил ИРИ, бывший руководитель Центра физических исследований (ЦФИ). МАГАТЭ направляло запрос о проведении с ним интервью для обсуждения деятельности ЦФИ в период его руководства, однако Иран ответил отказом.

3. Сейед Джабер Сафдари – управляющий ядерного объекта по обогащению урана в Натанзе.

4. Амир Рахими – руководитель Исфаханского центра по исследованию и производству ядерного топлива – подразделения Компании по поставкам и производству ядерного топлива ОАЭИ, которая вовлечена в деятельность, связанную с обогащением.

5. Мохсен Ходжате – руководитель Промышленной группы «Фаджр». Промышленная группа «Фаджр» указана в резолюции 1737 (2006) в связи с ее ролью в программе по созданию баллистических ракет.

6. Мехрдада Ахлаг Кетабчи – руководитель Промышленной группы «Шахид Багери» (ПГШБ). ПГШБ указана в резолюции 1737 (2006) в связи с ее ролью в программе по созданию баллистических ракет.

7. Насер Малеки – руководитель Промышленной группы «Шахид Хеммат» (ПГШХ). ПГШХ указана в резолюции 1737 (2006) в связи с ее ролью в иранской программе по созданию баллистических ракет. Малеки является также сотрудником Министерства обороны и поддержки вооруженных сил ИРИ, осуществляющим контроль за работой в рамках программы баллистической ракеты «Шахаб-3». Ракеты «Шахаб-3» являются

баллистическими ракетами большой дальности, которые состоят на вооружении вооруженных сил Ирана.

8. Ахмад Дерахшанде – председатель совета директоров и управляющий банка «Сепах». Банк «Сепах» финансирует деятельность Организации аэрокосмической промышленности (ОАП) и ее структурных подразделений, в том числе Промышленной группы «Шахид Багери» и Промышленной группы «Шахид Хемат», обе из которых были указаны в резолюции 1737 (2006).

Высокопоставленные представители иранского Корпуса стражей исламской революции

1. Бригадный генерал Мортеза Резаи, заместитель командующего Корпусом стражей исламской революции (КСИР).

2. Вице-адмирал Али Акбар Ахмадиан, командующий Объединенным штабом КСИР.

3. Бригадный генерал Мухаммад Реза Захеда, командующий сухопутными войсками КСИР.

4. Контр-адмирал Мортеза Сафари, командующий военноморскими силами КСИР.

5. Бригадный генерал Мохаммад Хеджази, командующий корпусом сил сопротивления «Бассидж».

6. Бригадный генерал Касем Солеймани, командующий силами специального назначения «Кудс».

7. Генерал Золькадр, офицер КСИР, заместитель министра внутренних дел по вопросам безопасности.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Элементы долгосрочного соглашения

Наша цель заключается в развитии отношений и сотрудничества с Ираном на основе взаимного уважения и обеспечения

уверенности международного сообщества в том, что ядерная программа Исламской Республики Иран носит исключительно мирный характер. Мы предлагаем заново начать переговоры по всеобъемлющему соглашению с Ираном. Такое соглашение должно быть сдано на хранение Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ) и одобрено в соответствующей резолюции Совета Безопасности.

В целях создания необходимых условий для переговоров мы:

- подтвердим право Ирана на развитие применения ядерной энергии в мирных целях в соответствии с его обязательствами по Договору о нераспространении ядерного оружия (далее именуемому ДНЯО) и в этом контексте вновь заявим о том, что мы поддерживаем разработку Ираном гражданской программы использования ядерной энергии;

- возьмем на себя обязательство оказывать активную поддержку строительству в Иране новых реакторов на легкой воде в рамках совместных международных проектов в соответствии с Уставом МАГАТЭ и ДНЯО;

- согласимся приостановить обсуждение вопроса о ядерной программе Ирана в Совете Безопасности после возобновления переговоров.

Иран:

- возьмет на себя обязательство урегулировать все вопросы, которые по-прежнему вызывают озабоченность МАГАТЭ, на основе всестороннего сотрудничества с МАГАТЭ;

- приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, что должно быть проверено МАГАТЭ в соответствии с требованием Совета управляющих МАГАТЭ и Совета Безопасности, и возьмет обязательство не возобновлять такую деятельность в период проведения этих переговоров;

- возобновит осуществление Дополнительного протокола.

**Области будущего сотрудничества,
которые должны быть охвачены
в контексте переговоров по долгосрочному соглашению**

1. Ядерный аспект

Мы предпримем следующие шаги:

- подтвердим неотъемлемое право Ирана на использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II ДНЯО и будем сотрудничать с Ираном в деле разработки им гражданской программы использования ядерной энергии;
- проведем переговоры по соглашению между «Евроатомом» и Ираном о сотрудничестве в ядерной области и будем выполнять это соглашение.

Реакторы на легкой воде

- Будем оказывать активную поддержку строительству в Иране новых реакторов на легкой воде в рамках международных совместных проектов в соответствии с Уставом МАГАТЭ и ДНЯО, используя новейшую технологию, в том числе санкционируя передачу необходимых материалов и предоставление передовых технологий, с тем чтобы обеспечить надлежащую сейсмостойкость его реакторов;
- будем сотрудничать в целях обеспечения безопасного обращения с отработанным топливом и радиоактивными отходами на основе надлежащих договоренностей.

Научные исследования и разработки в области ядерной энергетики

- Предоставим весомый пакет предложений по сотрудничеству в области научных исследований и разработок, включая возможное предоставление исследовательских реакторов на легкой воде, в частности для целей производства радиоизотопов, проведения фундаментальных исследований и прикладного применения ядерных технологий в медицине и сельском хозяйстве.

Гарантии в отношении топлива

- Предоставим Ирану имеющие обязательную юридическую силу многоуровневые гарантии в отношении топлива на основе:
  - привлечения его в качестве партнера к работе находящегося в России международного объекта по оказанию услуг в области обогащения в целях надежной поставки топлива для ядерных реакторов Ирана. По согласованию, такой объект мог бы обогащать весь производимый в Иране гексафторид урана (UF₆);
  - создания на коммерческих началах резервных запасов предназначенного для Ирана ядерного топлива, рассчитанных на пять лет, при участии и под контролем МАГАТЭ;
  - создания совместно с МАГАТЭ постоянного многостороннего механизма надежного обеспечения доступа к ядерному топливу на основе идей, которые будут рассмотрены на следующем заседании Совета управляющих.

Проверка соблюдения моратория

Что касается совместных усилий, направленных на обеспечение доверия со стороны международного сообщества, то долгосрочное соглашение будет содержать положение о проверке соблюдения соглашения во всех его аспектах после того, как будет:

- подтверждено МАГАТЭ, что все оставшиеся нерегулированными проблемы и вопросы, о которых оно сообщало, в том числе связанные с теми видами деятельности, которые могут иметь военный ядерный аспект, были решены;
- подтверждено, что в Иране не проводятся незаявленные мероприятия в ядерной области и отсутствуют незаявленные ядерные материалы и что уверенность международного сообщества в исключительно мирном характере гражданской ядерной программы Ирана восстановлена.

2. Политические и экономические аспекты

Сотрудничество в вопросах региональной безопасности

Поддержка идеи проведения новой конференции в интересах диалога и сотрудничества в вопросах региональной безопасности.

Международная торговля и инвестиции

Расширение доступа Ирана к международной экономической системе, рынкам и капиталам путем оказания ему практической поддержки в целях его полной интеграции в международные структуры, включая Всемирную торговую организацию, и создание основы для увеличения притока в Иран прямых инвестиций и расширения торговли с ним (включая заключение соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с Европейским союзом). Предполагается принять меры с целью расширить доступ к ключевым товарам и технологиям.

Гражданская авиация

Сотрудничество в области гражданской авиации, включая возможную отмену ограничений на экспорт в Иран воздушных судов для гражданской авиации, введенных для производителей из Соединенных Штатов и европейских стран, и улучшение таким образом перспектив Ирана в плане обновления парка гражданских воздушных судов.

Партнерские отношения в сфере энергетики

Налаживание долгосрочных партнерских отношений в области энергетики между Ираном и Европейским союзом и другими заинтересованными партнерами на основе осуществления конкретных практических мер.

Телекоммуникационная инфраструктура

Содействие модернизации телекоммуникационной инфраструктуры Ирана и улучшению доступа к Интернету, в том чис-

ле путем возможного снятия соответствующих экспортных ограничений, введенных Соединенными Штатами и другими субъектами.

Сотрудничество в сфере высоких технологий

Сотрудничество в сфере высоких технологий и других областях, подлежащих согласованию.

Сельское хозяйство

Содействие развитию сельского хозяйства в Иране, в том числе на основе возможного предоставления доступа к сельскохозяйственной продукции, технологиям и сельскохозяйственной технике Соединенных Штатов и европейских стран.

Источник: Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1747/ Официальный сайт Совета Безопасности Организации Объединенных Наций// <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2007/res1747.htm> (посещался 26 ноября 2007 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1803

*3 марта 2008 г.
Нью-Йорк*

Совет Безопасности,

ссылаясь на заявление своего Председателя S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года, а также свою резолюцию 1696 (2006) от 31 июля 2006 года, свою резолюцию 1737 (2006) от 23 декабря 2006 года и свою резолюцию 1747 (2007) от 24 марта 2007 года и подтверждая их положения,

вновь подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и необходимость полного соблюдения всеми государствами – участниками этого договора всех своих обязательств и напоминая о праве государств-участников, руководствуясь статьями I и II этого договора, развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации,

ссылаясь на резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ (GOV/2006/14), в которой отмечается, что решение иранской ядерной проблемы внесет вклад в глобальные усилия по нераспространению и в реализацию цели того, что Ближний Восток станет свободным от оружия массового уничтожения, включая средства его доставки,

отмечая с серьезной озабоченностью, что, как подтверждено в докладах Генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) от 23 мая 2007 года (GOV/2007/22), 30 августа 2007 года (GOV/2007/48), 15 ноября 2007 года (GOV/2007/58) и 22 февраля 2008 года (GOV/2008/4), Иран не осуществил предусмотренную в резолюциях 1696 (2006),

1737 (2006) и 1747 (2007) полную и окончательную приостановку всей деятельности, связанной с обогащением и переработкой, и всех проектов, связанных с тяжелой водой, не возобновил сотрудничество с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола, не предпринял другие шаги, предписанные ему Советом управляющих МАГАТЭ, и не выполнил положения резолюций 1696 (2006), 1737 (2006) и 1747 (2007) Совета Безопасности, которые существенно необходимы для укрепления доверия, и выражая сожаление по поводу отказа Ирана предпринять эти шаги,

отмечая с озабоченностью, что Иран стал оспаривать право МАГАТЭ проверить информацию о конструкции, которая была предоставлена Ираном на основании измененного кода 3.1, подчеркивая, что в соответствии со статьей 39 заключенного Ираном Соглашения о гарантиях код 3.1 не может быть изменен и его действие не может быть приостановлено в одностороннем порядке и что право Агентства проверять предоставленную ему информацию о конструкции является бессрочным правом, которое не зависит от степени достроенности объекта или наличия на нем ядерного материала,

вновь выражая решимость повысить весомость МАГАТЭ, решительно поддерживая роль Совета управляющих МАГАТЭ, высоко оценивая усилия Агентства по урегулированию остающихся вопросов, связанных с ядерной программой Ирана, в плане работы, согласованном между секретариатом МАГАТЭ и Ираном (GOV/2007/48, приложение), приветствуя прогресс в выполнении этого плана работы, нашедший отражение в докладах Генерального директора МАГАТЭ от 15 ноября 2007 года (GOV/2007/58) и 22 февраля 2008 года (GOV/2008/4), и подчеркивая важность того, чтобы Иран быстро и эффективно обеспечил осязаемые результаты, завершив выполнение этого плана работы, включая представление ответов на все задаваемые Агентством вопросы, с тем чтобы МАГАТЭ, осуществив требуемые меры транспарентности, смогло оценить полноту и правильность заявления Ирана,

выражая убежденность в том, что приостановка, упомянутая в пункте 2 резолюции 1737 (2006), а также полное и проверенное выполнение Ираном требований, изложенных Советом

управляющих МАГАТЭ, способствовали бы дипломатическому решению на основе переговоров, гарантирующему, что ядерная программа Ирана осуществляется исключительно в мирных целях,

подчеркивая, что Германия, Китай, Российская Федерация, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты и Франция готовы принять дальнейшие конкретные меры по изучению общей стратегии урегулирования иранской ядерной проблемы путем переговоров на основе их июньских предложений 2006 года (S/2006/521), и отмечая подтверждение этими сторонами того, что, как только уверенность международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана будет восстановлена, подход к нему будет таким же, как и к любому не обладающему ядерным оружием государству – участнику Договора о нераспространении ядерного оружия,

принимая во внимание права и обязанности государств в области международной торговли,

приветствуя рекомендации Группы разработки финансовых мер (ФАТФ), призванные помочь государствам в выполнении ими своих финансовых обязанностей по резолюции 1737 (2006),

будучи преисполнен решимости добиться осуществления своих решений путем принятия соответствующих мер, чтобы убедить Иран выполнить резолюцию 1696 (2006), резолюцию 1737 (2006), резолюцию 1747 (2007) и требования МАГАТЭ, а также сдерживать разработку Ираном чувствительных технологий в поддержку его ядерной и ракетной программ до тех пор, пока Совет Безопасности не определит, что цели этих резолюций достигнуты,

испытывая озабоченность в связи с опасностями распространения, которые представляет ядерная программа Ирана, и в этом контексте в связи с тем, что Иран по-прежнему не выполняет требования Совета управляющих МАГАТЭ и не соблюдает положения резолюций 1696 (2006), 1737 (2006) и 1747 (2007) Совета Безопасности, и памятуя о своей главной

ответственности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности,

действуя на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1. *вновь подтверждает*, что Ирану следует без дальнейшего промедления предпринять шаги, которые предписаны Советом управляющих МАГАТЭ в его резолюции GOV/2006/14 и которые существенно важны для того, чтобы повысить уверенность в исключительно мирных целях его ядерной программы и решить сохраняющиеся вопросы, подтверждает в этом контексте свое решение о том, что Иран должен без промедления предпринять шаги, предписанные в пункте 2 резолюции 1737 (2006), и подчеркивает, что МАГАТЭ запросило подтверждение того, что Иран будет применять измененный код 3.1;

2. *приветствует* соглашение между Ираном и МАГАТЭ, достигнутое в целях урегулирования всех остающихся вопросов, касающихся ядерной программы Ирана, и достигнутый в этой связи прогресс, как это отражено в докладе Генерального директора от 22 февраля 2008 года (GOV/2008/4), призывает МАГАТЭ продолжать свою работу по прояснению всех остающихся вопросов, подчеркивает, что это способствовало бы восстановлению уверенности международного сообщества в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана, и поддерживает усилия МАГАТЭ по укреплению его гарантий в отношении ядерной деятельности Ирана в соответствии с Соглашением о гарантиях между Ираном и МАГАТЭ;

3. *призывает* все государства проявлять бдительность и осмотрительность в отношении въезда на их территорию или транзитного проезда через нее физических лиц, которые занимают чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана или разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, и постановляет в этой связи, что все государства уведомляют Комитет, учрежденный в соответствии с пунктом 18 резолюции 1737 (2006) (далее именуемый «Комитет»),

о въезде на их территорию или транзитном проезде через нее физических лиц, указанных в приложении к резолюции 1737 (2006), приложении I к резолюции 1747 (2007) или приложении I к настоящей резолюции, а также указанных Советом Безопасности или Комитетом дополнительных лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана или разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов, товаров, оборудования, материалов и технологий, указанных в контексте мер, которые перечислены в пунктах 3 и 4 резолюции 1737 (2006), за исключением случаев, когда такой въезд или транзитный проезд осуществляется в интересах деятельности, непосредственно связанной с предметами, указанными в подпунктах 3(b)(i) и 3(b)(ii) резолюции 1737 (2006);

4. *подчеркивает*, что ничто в пункте 3 выше не обязывает государство отказывать во въезде на свою территорию своим собственным гражданам и что при осуществлении этого пункта все государства принимают во внимание гуманитарные соображения, в том числе религиозные обязанности, а также необходимость достижения целей настоящей резолюции, резолюции 1737 (2006) и резолюции 1747 (2007), в том числе в случае применения статьи XV Устава МАГАТЭ;

5. *постановляет*, что все государства примут необходимые меры для предотвращения въезда на их территорию или транзитного проезда через нее физических лиц, указанных в приложении II к настоящей резолюции, а также указанных Советом Безопасности или Комитетом дополнительных лиц, которые занимаются чувствительной в плане распространения ядерной деятельностью Ирана или разработкой систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому содействие, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов, товаров, оборудования, материалов и технологий, указанных в контексте мер, которые перечислены в пунктах 3 и 4 резолюции 1737 (2006), за исключением случаев, когда такой въезд или транзитный проезд осуществляется в интересах деятельности, непосредственно связанной с предметами, указанными в подпунктах 3(b)(i) и

3(b)(ii) резолюции 1737 (2006), и при том условии, что ничто в настоящем пункте не обязывает государство отказывать во въезде на свою территорию своим собственным гражданам;

6. *постановляет*, что меры, вводимые пунктом 5 выше, не должны применяться, если Комитет определит в каждом конкретном случае, что такая поездка оправдана в силу гуманитарной необходимости, в том числе в силу религиозных обязанностей, или же в том случае, если Комитет сделает вывод, что санкционирование изъятия каким-либо иным образом соответствовало бы целям настоящей резолюции;

7. *постановляет*, что меры, указанные в пунктах 12, 13, 14 и 15 резолюции 1737 (2006), применяются также в отношении физических и юридических лиц, перечисленных в приложениях I и III к настоящей резолюции, любых физических или юридических лиц, действующих от их имени или по их указанию, и предприятий, находящихся в их собственности или под их контролем, и в отношении физических и юридических лиц, которые, как определил Совет или Комитет, помогали указанным физическим или юридическим лицам обойти санкции, введенные настоящей резолюцией, резолюцией 1737 (2006) или резолюцией 1747 (2007), или нарушать положения этих резолюций;

8. *постановляет*, что все государства примут необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских и воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах, причем независимо от страны происхождения:

а) всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые перечислены в документе INFCIRC/254/Rev.7/Part2, воспроизведенном в документе S/2006/814, за исключением осуществляемой в соответствии с требованиями пункта 5 резолюции 1737 (2006) поставки, продажи или передачи предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, перечисленных в разделах 1 и 2 приложения к этому документу, а также в разделах 3 и 6, если о них заранее уведомлен Комитет, если они предназначены только для использования в лег-

ководных реакторах и если такая поставка, продажа или передача необходима для целей технической помощи, которая предоставляется Ирану МАГАТЭ или под его эгидой, как это предусмотрено в пункте 16 резолюции 1737 (2006);

b) всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые охватываются позицией 19.A.3 категории II из документа S/2006/815;

9. *призывает* все государства проявлять бдительность при принятии новых обязательств в отношении государственной финансовой поддержки торговли с Ираном, включая предоставление экспортных кредитов, гарантий или страхования своим гражданам или юридическим лицам, занимающимся такой торговлей, во избежание того, чтобы такая финансовая поддержка способствовала чувствительной в плане распространения ядерной деятельности или разработке систем доставки ядерного оружия, как об этом говорится в резолюции 1737 (2006);

10. *призывает* все государства проявлять бдительность в отношении деловых связей финансовых учреждений, находящихся на их территориях, со всеми банками, базирующимися в Иране, в частности с банком «Мелли» и банком «Садерат» и их отделениями и филиалами за рубежом, во избежание того, чтобы такие деловые связи способствовали чувствительной в плане распространения ядерной деятельности или разработке систем доставки ядерного оружия, как об этом говорится в резолюции 1737 (2006);

11. *призывает* все государства в соответствии с их национальными нормативными актами и законодательством и согласно международному праву, в частности морскому праву и соответствующим международным соглашениям в области гражданской авиации, досматривать в своих аэропортах и морских портах грузы, перевозимые в Иран и из него воздушными и морскими судами, принадлежащими или эксплуатируемыми «Иран Эйр Каргоу» и «Исламик Репаблик оф Иран Шиппинг Лайн», при наличии разумных оснований полагать, что воздушное или морское судно перевозит товары, запрещенные настоящей резолюцией, или резолюцией 1737 (2006), или резолюцией 1747 (2007);

12. *требует* от всех государств при проведении досмотра, упомянутого в пункте выше, представлять Совету Безопасности в течение пяти рабочих дней письменный отчет о досмотре, содержащий, в частности, объяснение оснований для досмотра, а также информацию о времени и месте проведения, обстоятельствах и результатах досмотра и другие уместные подробности;

13. *призывает* все государства представить Комитету в течение 60 дней после принятия настоящей резолюции доклад о шагах, которые они предприняли в целях эффективного осуществления пунктов 3, 5, 7, 8, 9, 10 и 11 выше;

14. *постановляет*, что мандат Комитета, изложенный в пункте 18 резолюции 1737 (2006), применяется также к мерам, введенным резолюцией 1747 (2007) и настоящей резолюцией;

15. *подчеркивает* готовность Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции еще более укрепить дипломатические усилия, чтобы способствовать возобновлению диалога и консультациям на основе их предложения Ирану в целях поиска всеобъемлющего, долговременного и надлежащего решения этого вопроса, что позволило бы наладить всесторонние отношения и более широкое сотрудничество с Ираном на основе взаимного уважения и обеспечить международную уверенность в исключительно мирном характере ядерной программы Ирана, и, в частности, начала прямых обсуждений и переговоров с Ираном, как только Иран приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, и это будет проверено МАГАТЭ;

16. *призывает* Высокого представителя Европейского союза по общей внешней политике и политике безопасности продолжать поддерживать связь с Ираном в подкрепление политических и дипломатических усилий в целях изыскания решения путем переговоров, включая соответствующие предложения Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, нацеленные на создание необходимых условий для возобновления переговоров;

17. *подчеркивает* важность того, чтобы все государства, включая Иран, приняли необходимые меры для обеспечения того, чтобы никакие претензии не выдвигались со стороны правительства Ирана, или любого физического или юридического лица в Иране, или физических или юридических лиц, обозначенных согласно резолюции 1737 (2006) и соответствующим резолюциям, или любого физического лица, выдвигающего претензии через любое такое физическое или юридическое лицо или в их интересах, в связи с любым контрактом или другой сделкой, осуществлению которых воспрепятствовали меры, введенные настоящей резолюцией, резолюцией 1737 (2006) или резолюцией 1747 (2007);

18. *просит* Генерального директора МАГАТЭ в течение 90 дней представить последующий доклад о том, осуществил ли Иран полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, упомянутых в резолюции 1737 (2006), а также о процессе осуществления Ираном всех шагов, предписанных Советом МАГАТЭ, и выполнения других положений резолюции 1737 (2006), резолюции 1747 (2007) и настоящей резолюции Совету управляющих МАГАТЭ и одновременно Совету Безопасности для его рассмотрения;

19. *подтверждает*, что он проведет обзор предпринятых Ираном шагов в свете доклада, который упомянут в пункте выше, и

a) что он приостановит осуществление мер, если и настолько, насколько Иран приостановит всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, и это будет проверено МАГАТЭ, что позволит приступить к переговорам в духе доброй воли в целях достижения скорейшего и взаимоприемлемого результата;

b) что он отменит меры, указанные в пунктах 3, 4, 5, 6, 7 и 12 резолюции 1737 (2006), а также в пунктах 2, 4, 5, 6 и 7 резолюции 1747 (2007) и в пунктах 3, 5, 7, 8, 9, 10 и 11 выше, как только он определит, получив доклад, указанный в пункте выше, что Иран полностью соблюдает свои обязанности, вытекающие из соответствующих резолюций Совета Безопасности, и выполнил требования Совета управляющих МАГАТЭ, что будет подтверждено Советом МАГАТЭ;

c) что в том случае, если доклад будет свидетельствовать о невыполнении Ираном резолюции 1696 (2006), резолюции 1737 (2006), резолюции 1747 (2007) и настоящей резолюции, он примет дальнейшие надлежащие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы убедить Иран выполнить эти резолюции и требования МАГАТЭ, и подчеркивает, что, если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения;

20. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1. Амир Моайед Алаи (участвовал в управлении процессами сборки и конструирования центрифуг).

2. Мохаммад Федаи Ашиани (участвовал в производстве уранилкарбоната аммония и в управлении обогащательным комплексом в Натанзе).

3. Аббас Резаи Аштиани (на руководящей должности в Управлении ОАЭИ по геологоразведке и добыче).

4. Халех Бахтияр (участвовал в производстве магния с концентрацией 99,9 процента).

5. Мортеза Бехзад (участвовал в изготовлении компонентов центрифуг).

6. Д-р Мохаммад Эслами (руководитель Учебного и научно-исследовательского института оборонной промышленности).

7. Сейед Хуссейн Хоссейни (должностное лицо ОАЭИ, участвовавшее в проекте по производству тяжелой воды для исследовательского реактора в Араке).

8. М. Джавад Карими Сабет (глава компании «Новин Энерджи», указанной в резолюции 1747 (2007)).

9. Хамид-Реза Мохаджерани (участвовал в управлении производственным процессом на заводе по конверсии урана (UCF) в Исфахане).

10. Бригадный генерал Мохаммад Реза Нагди (бывший заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил по тыловому обеспечению и промышленным исследованиям/руководитель Государственного штаба по борьбе с контрабандой; участвовал в усилиях, направленных на то, чтобы обойти санкции, введенные резолюциями 1737 (2006) и 1747 (2007)).

11. Хушанг Нобари (участвовал в управлении обогатительным комплексом в Натанзе).

12. Аббас Рашиди (участвовал в работах по обогащению, осуществляемых в Натанзе).

13. Гасем Солеймани (директор программы по добыче урана на урановом руднике «Саганд»).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

A. Физические лица, указанные в резолюции 1737 (2006)

1. Мохаммад Каннади, вице-президент ОАЭИ по исследованиям и разработкам.

2. Дауд Агха-Джани, директор ПФЕП (Натанз).

3. Бехман Асгарпур, директор по вопросам оперативной деятельности (Арак).

B. Физические лица, указанные в резолюции 1747 (2007)

1. Сейед Джабер Сафдари (управляющий ядерного объекта по обогащению урана в Натанзе).

2. Амир Рахими (руководитель Исфаханского центра по исследованию и производству ядерного топлива, являющегося структурным подразделением Компании по поставкам и произ-

водству ядерного топлива ОАЭИ, которая вовлечена в деятельность, связанную с обогащением).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

1. Компания «Абзар Бореш Кавех» (BK Co.) (участвовала в производстве компонентов центрифуг).

2. Группа компаний «Барзагани Теджарат Таванмад Саккал» (дочернее предприятие группы компаний «Саккал Систем») (эта компания пыталась приобрести чувствительные товары для организации, указанной в резолюции 1737 (2006)).

3. Компания «Санам Электро» (E. S. Co./ E. X. Co.) (номинальная компания ОАП, участвовавшая в программе по баллистическим ракетам).

4. Промышленная группа «Эттехад» (номинальная компания ОАП, участвовавшая в программе по баллистическим ракетам).

5. Промышленные предприятия точного машиностроения (также известные как Завод измерительной аппаратуры) (были использованы ОАП в серии попыток осуществить закупки).

6. «Джабер ибн Хайан» (лаборатория ОАЭИ, участвовавшая в деятельности, связанной с топливным циклом).

7. Промышленная компания «Джоза» (номинальная компания ОАП, участвовавшая в программе по баллистическим ракетам).

8. Хорасанский металлургический завод (дочернее предприятие промышленной группы по производству боеприпасов (АМИГ), подконтрольной ООП. Участвовал в производстве компонентов центрифуг).

9. Машиностроительная компания «Ниру баттери» (структурное подразделение ООП. Ее роль заключается в производстве блоков питания для иранского военного комплекса, в том числе для ракетных систем).

10. Компания «Пишгам (Пайэниэ) Энерджи Индастриз» (участвовала в сооружении завода по конверсии урана в Исфахана).

11. Компания «Сэйфти Эквипмент Прокьюрмент» (номинальная компания ОАП, участвовавшая в программе по баллистическим ракетам).

12. Компания ТАМАС (участвовала в деятельности, связанной с обогащением. ТАМАС представляет собой конгломерат, в структуре которого были созданы четыре подразделения, включая подразделение, занимающееся добычей и обогащением урановой руды, и подразделение, отвечающее за переработку урана, его обогащение и удаление отходов).

Источник: Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1803/ Официальный сайт Совета Безопасности Организации Объединенных Наций// <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2008/res1803.htm> (посещался 20 июня 2008 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1835

*27 сентября 2008 г.
Нью-Йорк*

Совет Безопасности,

принимая к сведению доклад Генерального директора Международного агентства по атомной энергии об осуществлении соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности от 15 сентября 2008 года (GOV/2008/38),

подтверждая свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО),

1. подтверждает заявление своего Председателя, S/PRST/2006/15 от 29 марта 2006 года, и свои резолюции 1696 (2006) от 31 июля 2006 года, 1737 (2006) от 23 декабря 2006 года, 1747 (2007) от 24 марта 2007 года и 1803 (2008) от 3 марта 2008 года;

2. принимает к сведению заявление министров иностранных дел Германии, Китая, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции от 3 марта 2008 года, поддержанное Высоким представителем Европейского союза, с изложением двухвекторного подхода к иранской ядерной проблеме,

3. подтверждает свою приверженность в этих рамках скорейшему решению путем переговоров иранской ядерной проблемы и приветствует продолжающиеся усилия в этой связи,

4. *призывает* Иран полностью и без промедления выполнить свои обязанности, вытекающие из вышеупомянутых резолюций Совета Безопасности, и требования Совета управляющих МАГАТЭ;

5. *постановляет* продолжать заниматься этим вопросом.

Источник: Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1803/ Официальный сайт Совета Безопасности Организации Объединенных Наций// <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2008/res1835.htm> (посещался 8 ноября 2008 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1803 от 3 марта 2008 г.»

*5 мая 2008 г.
Москва*

В связи с принятием резолюции Совета Безопасности ООН 1803 от 3 марта 2008 г. и на основании Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» постановляю:

1. Всем государственным учреждениям, промышленным, торговым, финансовым, транспортным и другим предприятиям, банкам, организациям, иным юридическим и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, в своей деятельности исходить из того, что с 3 марта 2008 г.:

а) запрещаются транзитное перемещение через территорию Российской Федерации (в том числе воздушным транспортом), вывоз с территории Российской Федерации в Исламскую Республику Иран (Иран), а также передача Ирану вне пределов Российской Федерации с использованием морских и воздушных судов под ее флагом:

всех предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий) независимо от страны их происхождения, указанных в Списке оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых осуществляется экспортный контроль, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2003 г. № 36 «Об утверждении Списка оборудования и материалов двойного назначения и соответствующую

щих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых осуществляется экспортный контроль», за исключением указанных в разделах 1 – 3 и 6 этого Списка предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий), когда они предназначены для использования в легководных ядерных реакторах либо когда их вывоз, передача или перемещение необходимы для целей технической помощи, которая предоставляется Ирану МАГАТЭ или под эгидой МАГАТЭ, как это предусмотрено в пункте 16 резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г.;

всех предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий) независимо от страны их происхождения, указанных в Списке оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия и в отношении которых установлен экспортный контроль, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 8 августа 2001 г. №1005 «Об утверждении Списка оборудования, материалов и технологий, которые могут быть использованы при создании ракетного оружия и в отношении которых установлен экспортный контроль»;

б) вывоз с территории Российской Федерации в Иран и передача Ирану вне пределов Российской Федерации с использованием морских и воздушных судов под ее флагом всех предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий), указанных в Списке оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, в отношении которых осуществляется экспортный контроль, и не запрещенных к экспорту абзацем вторым подпункта «а» настоящего пункта, могут быть осуществлены только при соблюдении требований, изложенных в подпунктах «в» и «г» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2007 г. № 1593 «О мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г. и 1747 от 24 марта 2007 г.»;

в) запрещается въезд на территорию Российской Федерации или транзит через нее физических лиц по списку согласно приложению, а также иных физических лиц, которые, как будет установлено Советом Безопасности ООН или Комитетом Сове-

та Безопасности ООН, учрежденным в соответствии с пунктом 18 резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г. (далее – Комитет), участвуют в чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана и в разработке Ираном систем доставки ядерного оружия, непосредственно связаны с этим или оказывают этому поддержку, в том числе посредством участия в закупках запрещенных предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий), указанных в контексте мер, предусмотренных подпунктами «а» и «б» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2007 г. № 1593. Данный запрет не будет применяться, когда такой въезд или транзит осуществляется непосредственно в связи с деятельностью, относящейся к оборудованию и материалам, указанным в Списке ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 1996 г. № 202 «Об утверждении Списка ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль», и не запрещенным к экспорту абзацем вторым подпункта «а» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2007 г. № 1593. При этом ничто в настоящем подпункте не обязывает Российскую Федерацию отказывать гражданам Российской Федерации во въезде на свою территорию;

г) следует проявлять бдительность при принятии новых обязательств в отношении государственной финансовой поддержки торговли с Ираном, включая предоставление экспортных кредитов и гарантий физическим или юридическим лицам Российской Федерации, занимающимся такой торговлей, а также обеспечение их страхования, во избежание того, чтобы такая финансовая поддержка способствовала чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана или разработке Ираном систем доставки ядерного оружия;

д) следует проявлять бдительность в отношении деловых связей финансовых учреждений, находящихся на территории Российской Федерации, со всеми банками, базирующимися в Иране, в частности с банками «Мелли» (Bank Melli) и «Саде-

рат» (Bank Saderat) и их отделениями и филиалами за пределами Ирана, во избежание того, чтобы такие деловые связи способствовали чувствительной в плане распространения ядерной деятельности Ирана или разработке Ираном систем доставки ядерного оружия;

е) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и согласно международному праву, в частности морскому праву и соответствующим международным соглашениям в области гражданской авиации, следует досматривать в аэропортах и морских портах Российской Федерации грузы, перевозимые в Иран и из Ирана воздушными и морскими судами, принадлежащими иранским компаниям «Иран Эйр Карго» (Iran Air Cargo) и «Исламик Репаблик оф Иран ШиппингЛайн» (Islamic Republic of Iran Shipping Line) или эксплуатируемые этими компаниями, при наличии достаточных оснований полагать, что воздушное или морское судно перевозит предметы (материалы, оборудование, товары и технологии), запрещенные подпунктом «а» настоящего пункта или подпунктами «а», «б», «д» и «е» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2007 г. № 1593. При проведении такого досмотра необходимо через Министерство иностранных дел Российской Федерации представлять Совету Безопасности ООН в течение пяти рабочих дней со дня досмотра письменный отчет о нем, содержащий, в частности, объяснение оснований для досмотра, информацию о времени и месте проведения, обстоятельствах и результатах досмотра и другие уместные подробности.

Запрет, вводимый подпунктом «в» пункта 1 настоящего Указа, не должен применяться, если Комитет в каждом конкретном случае определит, что въезд на территорию Российской Федерации или транзит через нее оправдан в силу гуманитарной необходимости, в том числе в силу религиозной обязанности, или же сделает вывод, что санкционирование въезда на территорию Российской Федерации или транзита через нее каким-либо иным образом соответствовало бы целям резолюции Совета Безопасности ООН 1 803 от 3 марта 2008 г.

Признать утратившими силу с 3 марта 2008 г. абзацы третий и четвертый подпункта «а» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2007 г. № 1593 «О мерах

по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г. и 1747 от 24 марта 2007 г.» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 49, ст. 6132).

Министерству иностранных дел Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству обороны Российской Федерации, Министерству образования и науки Российской Федерации, Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации, Министерству транспорта Российской Федерации, Министерству финансов Российской Федерации, Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации, Министерству юстиции Российской Федерации, Службе внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Федеральной таможенной службе, Федеральной службе по техническому и экспортному контролю, Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству, Федеральной аэронавигационной службе, Федеральному космическому агентству, Федеральной службе по финансовому мониторингу, Федеральному агентству по промышленности, Федеральной миграционной службе, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», Центральному банку Российской Федерации обеспечить в соответствии со своей компетенцией выполнение мер, предусмотренных пунктом 1 настоящего Указа.

Федеральным органам исполнительной власти, названным в пункте 4 настоящего Указа, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», Центральному банку Российской Федерации предоставить Министерству иностранных дел Российской Федерации в течение одного месяца со дня вступления в силу настоящего Указа сведения о принятых ими мерах по его реализации для последующего информирования Комитета.

Министерству иностранных дел Российской Федерации оперативно доводить до сведения федеральных органов исполнительной власти, названных в пункте 4 настоящего Указа, а также Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Центрального банка Российской Федерации информацию о решениях Совета Безопасности ООН, Комитета или МАГАТЭ, необходимую для реализации настоящего Указа.

Президент Российской Федерации

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список физических лиц, которым запрещается въезд на территорию Российской Федерации или транзит через нее

I. Лица, указанные в резолюции Совета Безопасности ООН 1737 от 23 декабря 2006 г.

Мохаммад Каннади (Mohammad Qannadi) – заместитель руководителя Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) по исследованиям и разработкам.

Давуд Агха-Джани (Dawood Agha-Jani) – руководитель предприятия по обогащению урана в Натанзе.

Бехман Асгарпур (Behman Asgarpour) – управляющий строительством исследовательского реактора А40 в Араке.

II. Лица, указанные в резолюции Совета Безопасности ООН 1747 от 24 марта 2007 г.

Сейед Джабер Сафдари (Seyed Jaber Safdari) – управляющий ядерным объектом по обогащению урана в Натанзе.

Амир Рахими (Amir Rahimi) – руководитель Исфahanского центра по исследованию и производству ядерного топлива – подразделения Компании по поставкам и производству ядерного топлива ОАЭИ, которая вовлечена в деятельность, связанную с обогащением урана.

Источник: «Российская газета» от 7 мая 2008 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Технические основы производства ядерных материалов

В настоящее время почти невозможно представить себе жизнь без применения ядерных материалов, которые широко используются для получения ядерной энергии в атомной промышленности или в военных целях. Это тяжелые элементы с числом протонов более 90, у которых наблюдается самопроизвольное деление атомного ядра с выделением нейтронов. В природе самоподдерживающаяся реакция деления возможна только в уране-235 (U-235), но на практике для тех же целей дополнительно используют получаемые искусственно: уран-233 (U-233) и плутоний-239 (Pu-239). Такие материалы позволяют осуществлять цепную ядерную реакцию.

Встречающийся в природе уран состоит из смеси трех изотопов: урана-238 (99,3%), урана-235 (0,7%) и урана-234 (менее 0,1%). Уран-238 наиболее доступен, его принято называть воспроизводящим материалом, так как при его облучении нейтронами возможно образование делящегося материала. В этой же роли может выступать торий-232 и получаемый искусственно плутоний-240.

Уран считается высокообогащенным (ВОУ), если он содержит 20% и более изотопа урана-235. В работоспособном ядерном устройстве количество этого изотопа составляет 80% и более («высококачественный» высокообогащенный уран), оружейным считается уран с уровнем обогащения 90% и более. ВОУ используется в ядерных боеголовках, а в качестве ядерного топлива – в транспортных реакторах атомных подводных лодок (АПЛ) и значительном числе исследовательских реакторов.

Плутоний получается в ядерном реакторе при облучении уранового топлива. Для его выделения из облученного ядерного топлива используются заводы по переработке отработанного ядерного топлива (радиохимическое производство). Как пра-

вило, оружейный плутоний нарабатывается в специальных ядерных реакторах и содержит менее 6% изотопов Pu-240, Pu-238, Pu-241 и Pu-242, остальное (94%) составляет Pu-239. Плутоний применяют в ядерных боеголовках, а также в качестве МОХ-топлива для реакторов атомных электростанций (АЭС).

Природный уран, торий и уран, обедненный изотопом U-235, принято считать исходным, а плутоний, уран-233 (U-233) и ВОУ – специальным расщепляющимся материалом¹. Согласно статье III Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), каждое из стран-участников ДНЯО «обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный материал не распространяются гарантии» МАГАТЭ².

В настоящем приложении под ядерными материалами понимаются: природный уран, плутоний и вещества, полученные на их основе.

Добыча урановой руды и производство уранового концентрата

Обычно урановую руду извлекают из горного массива буровзрывным способом. Затем ее дробят, сортируют и размельчают. Далее этот порошок обрабатывается раствором серной кислоты или карбоната натрия для растворения, содержащегося в нем урана. Оставшиеся твердые частицы извлекают и помещают на длительное хранение в специальные резервуары. Резервуары сконструированы таким образом, чтобы обеспечить надежное хранение содержащихся в руде ра-

¹ Политические и технические аспекты международного контроля за нераспространением ядерного оружия/ Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ // http://www.armscontrol.ru/course/lectures02b/vir_021101.htm (посещался 30 сентября 2005 г.).

² Договор о нераспространении ядерного оружия// <http://www.un.org/russian/document/convents/npt.htm> (посещался 30 сентября 2005 г.).

диоактивных веществ, как, например, радий. Далее раствор, содержащий уран, концентрируют и очищают сорбцией на ионообменных смолах или экстракцией органическими растворителями. В результате получают осадок ярко желтой окраски («желтый кекс»).

Для извлечения урана из пористых руд осадочного происхождения обычно применяют метод выщелачивания на месте (подземного выщелачивания). Для этого по пробуренным скважинам непрерывно прогоняют щелочной или кислый раствор. Затем этот раствор также концентрируют и очищают, а затем осаждением получают осадок. После высокотемпературной сушки концентрат окиси-закиси урана (U₃ O₈) имеет уже зеленый цвет. Производство концентрата окиси-закиси урана (уранового концентрата) стараются максимально приблизить к местам добычи урана.

Обогащение урана

Урановый концентрат содержит не более 0,7% U-235, остальная его часть – это более тяжелый изотоп урана U-238 (с небольшим содержанием U-234). Большинство энергетических реакторов, в первую очередь легководные, не могут работать на таком топливе. Использовать топливо на основе природного урана могут тяжеловодные и газографитные ядерные реакторы, в частности типа «CANDU» или «Magnox». Для всех остальных энергетических реакторов содержание изотопа U-235 должно быть увеличено приблизительно до 2–4%. Этот процесс называют обогащением и осуществляют в несколько этапов.

Вначале концентрат окиси-закиси урана (U₃ O₈) преобразуют в гексафторид урана (U F₆). Для этого урановый концентрат восстанавливают безводным аммиаком до U O₂, из которого затем с помощью плавиковой кислоты получают U F₄. На последнем этапе на U F₄ действуют чистым фтором и получают гексафторид урана. Последний материал представляет собой твердый продукт, возгоняющийся при комнатной температуре и нормальном давлении, а при повышенном давлении – плавящийся.

На следующем этапе производства повышается содержание урана-235 в U F₆, обычно, методами газовой диффузии или газового центрифугирования. При газодиффузионном методе

твердый гексафторид урана переводят понижением давления в газообразное состояние и прокачивают по пористым трубкам из специального сплава, сквозь стенки которых газ может проникать. В процессе диффузии гексафторида урана через мембраны в конечном продукте повышается процентное содержание изотопа урана-235. Обогащенный газ снова пропускают по трубкам; процесс продолжается до тех пор, пока содержание изотопа урана-235 не достигнет необходимого уровня. Рассмотренный метод, характеризующийся высокой энергоемкостью, использовался в США, России, Франции и Китае.

Другим распространенным методом является технология обогащения урана (по изотопу урана-235) при помощи центрифугирования, который используется в Великобритании, Германии, Нидерландах, Пакистане, России, Китае и Японии.

На последующем этапе, характерном как для метода газовой диффузии, так и для метода газового центрифугирования, из обогащенного гексафторида урана гидролизом получают UO_2F_2 , который затем обрабатывают гидроксидом аммония. Выпавший в осадок диуранат аммония отфильтровывают и обжигают, получая диоксид урана UO_2 . Полученный материал прессуют и спекают в виде небольших керамических таблеток. Последние вкладывают в трубки из циркониевого сплава и получают топливные стержни, так называемые тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы), которые объединяют примерно по 200 штук в готовые топливные сборки.

Принципиально технологические процессы получения высоко- и низкообогащенного урана не различаются, а степень обогащения урана определяется энергозатратами и временем получения материала нужного качества. Следовательно, даже процесс получения низкообогащенного урана всегда несет потенциальную опасность для ядерного распространения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд. Московского университета, 2002. – 768 с.
2. Алиев С.М. История Ирана. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 648 с.
3. Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. – М.: Палея, 1999.
4. Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н. Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего Востока. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
5. Баранов В.М. Политическая ситуация в Исламской Республике Иран накануне президентских выборов 2005 г. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 14 мая 2005 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/14-05-05f.htm>.
6. Вартанян А.М. Перспективные задачи научно-технического развития Ирана [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 18 августа 2006 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/18-08-06a.htm>.
7. Волович А.А. Потребности растущей суперэкономики [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 22 сентября 2004 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-09-04.htm>.
8. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. – М.: Служба внешней разведки РФ, 1995.
9. Дружиловский С. Ирано-израильские отношения в свете развития иранской ядерной программы [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 4 мая 2006 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/04-05-06a.htm>.
10. Задонский С.М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – М.: ИИИиБВ, 2002.
11. Евстафьев Д. Геополитика ракетного нераспространения // Ракеты и космос. – 2001. – № 1. – Т-1.
12. Имам Хомейни. Путь к свободе. Речи и завещание. – Второе издание. – М.: Изд. Палея-Мишин, 1999.

13. Кожанов Н.А. К проблеме инвестиционной привлекательности ИРИ [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 14 апреля 2008 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/14-04-08.htm>.

14. Конституция Исламской Республики Иран в сборнике «Весна свободы». – М.: посольство ИРИ в РФ, 1994.

15. Мамедова Н. М. Основные итоги деятельности правительства М. Ахмадинежада в 2006–2007 гг. [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 15 декабря 2007 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/15-12-07a.htm>.

16. Месамед В.И. Ирано-израильские отношения: от партнерства к конфронтации [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 3 ноября 2007 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07a.htm>.

17. Месамед В.И. Последние ракетные испытания в Иране [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. от 7 февраля 2008 г. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

18. Новиков В.Е. Проблемы нераспространения ядерного оружия на современном этапе/ Под общ. ред. Е.М. Кожокина. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2007. – 328 с.

19. Новиков В.Е. Состояние и перспективы развития ядерных и ракетных технологий в Иране// Иран в современном мире/ Под общ. ред. Е.М. Кожокина. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2003.

20. Новиков И.А. Оружие массового поражения на Ближнем Востоке (совместно с информационно-аналитическим центром «Акцент»). – М.: ИИИиБВ, 2004г.

21. О торгово-экономическом сотрудничестве России с Ираном/ БИКИ № 64 (9010) от 8 июня 2006 г.

22. Осуществление соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций 1737 (2006) и 1747 (2007) Совета Безопасности в Исламской Республике Иран/ Доклад Генерального директора МАГАТЭ от 22 февраля 2008 г. (Gov/2008/4). – Вена: МАГАТЭ, 2008.

23. Розов А. Многовекторная газовая политика Ирана [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 25 января 2006 г. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

24. Розов А. Нефтегазовая сфера Ирана и интересы КНР: тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 16 января 2006 г. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

25. Ромашкина Н. Современные угрозы международной системе нераспространения: ядерные программы КНДР и Ирана// Разоружение и безопасность 2004–2005: новые подходы к международной безопасности/ Под ред. А. Арбатова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: Наука, 2007.– С. 159–185.

26. Сажин В. И. Военно-политическая ситуация вокруг Ирана: лето 2007 года [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 1 августа 2007 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/01-08-07.htm>.

27. Сажин В.И. Военные учения «Великий пророк-2» как зеркало иранской военной мощи [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 14 ноября 2006 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/14-11-06a.htm>.

28. Сажин В.И. Исламская Республика Иран: власть и армия//Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. – М.: ИИИиБВ, 2002.

29. Сажин В. И. О региональной политике Исламской Республики Иран [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 22 августа 2004 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-08-04.htm>.

30. Сажин В. И. О ситуации вокруг Ирана [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 4 апреля 2007 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/04-04-07c.htm>.

31. Сажин В.И. Ядерная программа Ирана. Научно-практический семинар в Вашингтонском институте ближневосточной политики [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока от 31 октября 2006 г. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/31-10-06b/htm>.

32. Саруханян С.Н. Ядерный фактор в российско-иранских отношениях. – М. ИБВ, 2007.

33. Сафранчук И. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества// Научные записки ПИР-Центра. – М., 1998. – № 8.

34. Силовое решение иранской ядерной проблемы: сценарии и последствия/Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы. – М., 2008. – 54 с.

35. Тищенко Г.Г. Создание систем противоракетной обороны за рубежом и безопасность России/ Под общ. ред. Е.М. Кожокина. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2005. – 416 с.

36. Хлопков А. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях// Научные записки ПИР-Центра. – М., 2001. – № 18.

37. Хлопков А. Ядерная программа Ирана – незаконченная история/ У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения// Под ред. А. Арбатова; Московский Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

38. Ядерное нераспространение: Учебное пособие. В 2-х томах. Том I/ И.А. Ахтамзян и др. Под общ. ред. В.А. Орлова. – М.: ПИР-Центр, 2002. – 528 с.

39. Ядерное оружие после «холодной войны»/ Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Московский Центр Карнеги.- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 568 с.

40. Anthony H., Cordesman A. Iranian Weapons of Mass Destruction. Capabilities, Developments, and Strategic Uncertainties. – Washington Center for Strategic and International Studies. – 2008. – Oct. 14.

41. Barneby F. The Invisible Bomb: the Nuclear Arms Race in the Middle East. – London: Tauris, 1989.

42. Buchta W. Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. – The Washington Institute for Near East Policy. – 2000. – 239 P.

43. Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals. – Carnegie Endowment for International Peace. – Washington D.C. – 2002.

44. Clawson H., Rubin M. Eternal Iran: Continuity and Chaos. – N. Y.: Palgrave Macmillan. – 2005.

45. Cordesman A. Iran and Nuclear Weapons. – Washington Center for Strategic and International Studies. – 2000. – Feb. 7.

46. Cordesman A. Weapons of Mass Destruction in Iran. – Washington Center for Strategic and International Studies. – 1998. – Apr. 28.

47. Fitzpatrick M. Assessing Iran's Nuclear Programme. Latest U.S. Intelligence Report// Memorandum for House of Common Affairs Committee. – London, 2008. – Febr. 20.

48. Getting Ready for a Nuclear-Ready Iran/ Edited by Sokolski H., Clawson P. – U.S. Army War College, Strategic Studies Institute. – 2005. – Oct. – 313 P.

49. Gottemoeller R. The Evolution of Sanctions in Practice and Theory. – Survival, 1997. – Dec. 21.

50. Guermantes L.E. HOMA: Israel's National Missile Defense Strategy. – Maxwell: Air Command and Staff College, Air University, – 2002.

51. Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions 1737 (2006) and 1747 (2007) in the Islamic Republic of Iran/ Report of the IAEA Director General on November 15. – IAEA (Gov/2007/58). – 2007.

52. Iran: is There a Way out of the Nuclear Impasse? – International Crisis Group // Middle East Report. – Number 51. – 2006. – Feb. 23.

53. Iran with Pakistan // Non-Proliferation Review. – 1995. – Fall.

54. Katzman K. The Iran Sanctions Act (ISA), CRS Report for Congress. – Library of Congress, Order Code RS20871, updated October 12. – 2007.

55. Kenneth R., Timmerman K. Countdown to Crisis. – Crown Publishing Group. – 2005.

56. Koch A., Wolf J. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to Bomb? // Non-Proliferation Review. – 1997. – Fall.

57. Lailari G.E. HOMA: Israel's National Missile Defense Strategy. – Air Command and Staff College, Air University. – 2002.

58. Perabo B.A. Chronology of Iran's Nuclear Program. – Monterey Institute of International Studies. – 1995. – Sept. 25.

59. Rosen J. A Nuclear Iran: What Does it Mean, and What Can be Done. – Institute for National Security Studies. – 2007.

60. Rubin U. The Global Reach of Iran's Ballistic Missiles. – Institute for National Security Studies. – Tel Aviv, 2006. – Nov.

61. Spector L.S. Efforts to Halt Weapons of Mass Distraction on Programs in Iran/ Prepared Testimony before the Senate Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs. – 1997. – Apr. 17.

62. The Military Balance 2004–2005. – The International Institute for Strategic Studies. – London: Oxford University Press, 2005.

63. Timmerman K. Iran's Nuclear Program: Myth and Reality // Iran Brief. – 1995. – Sept. 30.

64. Wright R.B., Bakhsh Sh. The U.S. and Iran: an Offer They Can't Refuse? // Foreign Policy. – Number 108. – 1997. – PP. 124–137.

65. Zak C. Iran's Nuclear Policy and the IAEA. // The Washington Institute for Near East Policy. – Military Research Papers. – 2002. – Number 3. –94 P.